

**ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ,
ПОЛИТОЛОГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Рустем Кадыржанов

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛИЗМ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
КАЗАХСТАНА**

**Алматы
2014**

УДК 1/14 (574)
ББК 87,3 (5 каз)
К 13

*Рекомендовано Учёным советом Института философии,
политологии и религиоведения КН МОН РК*

Под общей редакцией

З.К. Шаукеновой, члена-корреспондента НАН РК,
доктора социологических наук, профессора

Рецензенты:

Г.О. Насимова, доктор политических наук, профессор
Н.Л. Сейтахметова, член-корреспондент НАН РК,
доктор философских наук, профессор
Б.М. Сатеришинов, доктор философских наук, доцент

К 13 Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 168 с.

ISBN – 978-601-304-037-0

Книга посвящена исследованию актуальной и важной для Казахстана проблемы национальной идентичности. Главными методами исследования национальной идентичности Казахстана автор выбрал этнокультурный символизм и конструктивизм. Национальная идентичность исследуется через символы, которые выбираются, разрабатываются и предлагаются этническим, языковым и культурным группам Казахстана этническими элитами и государством. В работе среди главных символов анализируются язык, история, государственные символы Казахстана. Раскрывается сложный, конкурентный характер отношений этнокультурных символизмов, предлагаемых различными элитами.

Книга будет полезна политологическому экспертному сообществу, государственным органам, занимающимся национальной, языковой, культурной политикой Казахстана, преподавателям и студентам вузов, СМИ и институтам гражданского общества.

УДК 1/14 (574)
ББК 87,3 (5 каз)

ISBN – 978-601-304-037-0

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН РК, 2014
© Кадыржанов Р.К., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

1 ВВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА.....	4
2 НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	26
3 ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛИЗМ И КАЗАХИЗАЦИЯ.....	50
4 ЯЗЫК КАК ЯДРО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СИМВОЛИЗМА КАЗАХСТАНА.....	72
5 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ КАЗАХСТАНА: ЭТНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ – ГРАЖДАНСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ.....	99
6 ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	127
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	154
Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Философия, саясаттану және дінтану институты туралы мәлімет.....	160
Информация об Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.....	162
Information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.....	164

1 ВВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

Сегодня Казахстан вступил в новый этап своего развития, цель и задачи которого определил в своей стратегии «Казахстан-2050» Президент РК Н.А. Назарбаев. В стратегии Лидер нации представил свое видение развития Казахстана на долгосрочную перспективу, главной целью которой является вхождение нашей страны в число тридцати самых развитых государств мира. Достижению этой цели способствует новый политический курс нации до 2050 г., находящий свое воплощение в казахстанской модели развития в двадцать первом столетии. Стратегия «Казахстан-2050» представляет собой комплексную программу широкомасштабных реформ в экономической, политической, социальной, культурной и духовной сферах казахстанского общества.

Реализация этих реформ должна основываться на новом казахстанском патриотизме как идеологии мировоззренческой, культурной и духовной консолидации многонационального и многоконфессионального общества. Новый казахстанский патриотизм является, таким образом, краеугольным камнем президентской стратегии «Казахстан-2050». Особую роль в разработке нового казахстанского патриотизма Нурсултан Назарбаев отводит национальной интеллигенции, призванной стать ведущей силой в укреплении общенациональных ценностей на этапе состоявшегося государства. Важное место здесь принадлежит той части интеллигенции, которая занята в сфере социально-гуманитарного познания – философам, политологам, социологам, религиоведам, культурологам. Во многом именно их усилиями должна быть решена задача, которую глава государства определил как «проектирование ментальной, миро-

воззренческой модели будущего страны на основе моего видения нового политического курса Казахстан-2050» [1].

Национальная идентичность и этнокультурный символизм оказываются тесно связанными и взаимозависимыми между собой категориями. Этнокультурный символизм определяется национальной идентичностью и национальной культурой, содержащей в себе ценности и символы древнего происхождения. В то же время содержание национальной идентичности во многом определяется содержанием этнокультурного символизма, то есть тем, как национальные элиты конструируют символы и манипулируют ими для формирования идентичности своей нации. Вот почему для определения содержания и состояния национальной идентичности Казахстана необходимо определить содержание и состояние его этнокультурного символизма.

Исследование темы национальной идентичности Казахстана под углом зрения этнокультурного символизма предполагает обращение к ряду проблем и противоречий национальной сферы казахстанского общества. Следует отметить, что многие из проблем и противоречий национальной сферы Казахстана имеют универсальный характер, то есть с ними сталкивается большинство государств и наций современного мира. Однако формы выражения этих противоречий имеют уникальный, конкретно-исторический и специфически-национальный характер. Не случайно поэтому для многих людей, включая тех, кто занимается национальной ситуацией Казахстана, эти проблемы и противоречия кажутся уникальными, присущими только нашей стране.

Такие взгляды и представления проистекают во многом из незнания и непонимания теории нации и национализма. Отношение к национализму, его трактовка в современном Казахстане является наследием советского прошлого. В Советском Союзе отношение к национализму, как известно, было резко отрицательным. Национализм рассматривался как страшное социально-политическое зло, с которым нужно беспощадно бороться вплоть до полного его искоренения. Такое понимание национализма глубоко вошло в массовое сознание. Оно же

определяло и отношение ученых к исследованию национальных процессов в СССР и Казахстане. Национализму противопоставлялся интернационализм как идеал межнациональных отношений. Такое понимание национализма во многом сохраняется по сей день на всем постсоветском пространстве. До сих пор определение «националист» используется в публицистике и взаимоотношениях этнических элит как пугало и ярлык. Поэтому многие пишущие на национальную тему стараются этого слова избегать.

Хотели бы, прежде всего, отметить, что понимание нами национализма лишено в книге той резко отрицательной смысловой нагрузки, характерной для советской и во многом постсоветской литературы и массовой его трактовки. В самом широком смысле слова используемый нами термин «национализм» охватывает всю национальную сферу жизни общества. Поэтому когда мы говорим, например, о национальной идентичности, национальном строительстве, развитии национальной культуры и т. д., то все это подпадает под определение «национализм».

Далее мы хотели бы несколько подробнее охарактеризовать проблемы и противоречия, с которыми связано исследование этнокультурного символизма и национальной идентичности Казахстана.

Нация, идентичность, государство. Идентификация представляет собой стержневой элемент социальной жизни человека, определения им своего места в обществе, поскольку по своей природе человек есть социальное существо. Чем глубже индивид задумывается над вопросами «Кто я?» и «Кто мы?», тем более осозанным является его отношение к своей идентичности. Чем больше человек уверен в том, что социальная группа, к которой он принадлежит, соответствует его личности, душевному складу и социально-политическим целям и ценностям, тем сильнее его психоэмоциональная связь с ней, тем сильнее его идентичность с группой. Идентичность как единство ее психоэмоциональной и рациональной сторон имеет символическое выражение, то есть взаимосвязь индивида и группы находит свое выражение в символах, знаках и т. д.

Национальная идентичность несет в себе сильный эмоциональный заряд связи индивида со своей нацией и государством. Каждая нация имеет или стремится иметь свое государство, точно так же, как каждое государство есть государство определенной нации. Поэтому связь индивида с нацией выражается через его связь с государством, как верно и то, что связь индивида с государством есть его связь с нацией. У государства есть свои символы, церемонии и ритуалы, являющиеся по существу национальными символами, церемониями и ритуалами. Участие в этих церемониях и ритуалах, несущее в себе сильную эмоциональную нагрузку, дает гражданам чувство сопричастности с нацией и государством, формирует и укрепляет их национальную идентичность.

В целом понятия нации и национальной идентичности тесно связаны между собой, они взаимно предполагают друг друга. Нация как человеческое сообщество состоит из индивидов, разделяющих общую для них, национальную по своему содержанию, идентичность. В то же время национальная идентичность есть самосознание (или, по терминологии автора известной книги «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона, способ воображения) нации [2].

Нация существует там, где совпадают составляющие ее политическое и культурное сообщества. Инструментом, которое осуществляет такое совпадение, является национальная идентичность. Отсюда можно понять то исключительное, принципиальное значение, которое имеет национальная идентичность для формирования нации. Без национальной идентичности невозможно зарождение и сколько-нибудь устойчивое существование нации, ее поступательное развитие. Как политическое сообщество нация немыслима без своего (национального) государства. Следовательно, формируя и укрепляя нацию, национальная идентичность формирует и укрепляет ее государство.

Особенное значение национальная идентичность приобретает в полиэтнических обществах, поскольку существующие в таких обществах культурные различия могут препятствовать формированию единого культурного и политического сообще-

ства. Мировая практика показывает, что этнокультурные различия, раскалывая национальную идентичность, приводят тем самым к расколу национальных государств. Перед полиэтническими государствами, составляющими большинство среди государств в современном мире, стоит задача формирования нации и национальной идентичности не на этнической, а гражданской, политической основе.

Противоречие этнической и гражданской идентичности в постсоветском обществе. Для Казахстана как нового независимого государства формирование национальной идентичности является делом первостепенной важности, важнейшим инструментом его национального и государственного строительства. Перед постсоветскими государствами встала проблема формирования нации из своего полиэтнического и поликонфессионального населения, наследия их советского прошлого. Но это невозможно без формирования у населения гражданской, а не этнической, национальной идентичности.

Именно здесь лежит главная проблема формирования национальной идентичности Казахстана, да и всей его национальной сферы. Противоречие этнокультурной и гражданской идентичностей в формировании национальной идентичности Казахстана проявляется в следующем: с одной стороны, национальное государство Казахстана строится по постсоветской модели государства титульной нации. Такая модель национального строительства predetermined советским прошлым, поскольку уже в СССР союзные республики рассматривались как (квази)государственность титульной нации, по имени которой определялось название республики, к тому же статус нации приписывался этническим группам (национальностям), а не всему советскому народу. После распада СССР бывшие союзные республики стали полноценными (по крайней мере, претендовать на это) национальными государствами своих титульных наций. Если Азербайджан определяется сегодня как государство азербайджанской нации, по этой же логике Казахстан определяется как государство казахской нации со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С другой стороны, в полиэтническом обществе этнические группы выступают против того, чтобы государство выступало только лишь от лица одного этноса, даже если это демографически и политически доминирующий этнос. Для этнических групп полиэтнического общества важно, чтобы нация определялась не в этнокультурных терминах, а как гражданское сообщество равных во всех отношениях этносов. Это означает, что в полиэтническом обществе граждане определяют свою национальную идентичность с государством и его институтами, а не с каким-либо этносом, потому что идентификация с этносом вызывает у нетитульных этносов опасения оказаться ассимилированными титульным этносом.

Разрешение противоречия этнической и гражданской идентичности является одной из главных социально-политических задач постсоветского государства. Смысл и цель решения этой дилеммы состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить и укрепить титульное лицо своего национального государства, а с другой стороны, формировать и поддерживать гражданскую идентичность с целью предотвращения межэтнических конфликтов и укрепления межэтнической стабильности. Как показывает постсоветская практика, разным государствам с разной степенью успеха удается решать эту задачу.

Казахстан: баланс между этнической и гражданской идентичностями. Казахстан относится к числу тех постсоветских государств, которым в достаточной мере успешно удается разрешать противоречие этнической и гражданской идентичностей. В основе этого успеха лежит то, что государственной власти в Казахстане удается сохранять и поддерживать баланс между этнической и гражданской идентичностями. В этом состоит главная цель национальной политики государства. С одной стороны, государство способствует развитию казахского языка и культуры с тем, чтобы они стали достоянием не только казахов, но и всего полиэтнического населения Казахстана, и тем самым развивали бы его титульную идентичность. С другой стороны, государство настаивает на равенстве всех граждан Казахстана независимо от их этнической, куль-

турной, языковой, религиозной и иной принадлежности. Эта политика направлена на поддержание и укрепление гражданской идентичности.

Формирование национальной идентичности Казахстана на основе баланса между титульной и гражданской идентичностями осуществляется в республике более двадцати лет с момента обретения независимости. В наследство от СССР Казахстану досталась сложная этнодемографическая структура населения, в которой казахи (единственная среди советских титульных наций) не составляли большинства в своей республике. К этому следует добавить то, что в республике наблюдалось сильнейшее русское влияние в языковой, культурной, образовательной, информационной и других социальных сферах. Не удивительно, что многие западные эксперты предсказывали в таких условиях превращение Казахстана в еще одну горячую точку на постсоветском пространстве.

Тот факт, что эти прогнозы не оправдались, является результатом проводимой государством политики баланса между титульной и гражданской идентичностями. Эта политика нашла свое воплощение в казахстанской модели межэтнического мира и согласия. Эта модель получила признание не только в Казахстане, но и за его пределами, в ряде международных организаций, среди которых следует особо упомянуть ОБСЕ. Главным фактором успеха казахстанской модели политики и эксперты называют выдающуюся деятельность Президента РК Н.А. Назарбаева по укреплению в Казахстане межэтнического мира и согласия. Одним из главных механизмов реализации казахстанской модели межэтнического согласия и единства является Ассамблея народа Казахстана, которая объединяет и координирует работу многочисленных этнокультурных центров республики по воспитанию казахстанского патриотизма и толерантности.

Помимо этого важнейшими элементами политики баланса между этнической и гражданской идентичностями являются:

- деполитизация этносферы, что проявляется в конституционном запрете создания политических партий на этнической основе;

- маргинализация националистических сил в социально-политическом поле Казахстане, поскольку рост их активности и влияния способен нарушить согласие и стабильность в межэтнических отношениях;

- канализация всех этнических вопросов и межэтнических отношений в культурную сферу, чему способствует деятельность АНК и входящих в ее состав этнокультурных центров.

Поддержка исключительно важной и социально значимой деятельности АНК получит дальнейшую поддержку со стороны государства в рамках Стратегии «Казахстан-2050». Об этом заявил в своем выступлении «Стратегия «Казахстан-2050»: одна страна – один народ – одна судьба» на юбилейной двадцатой сессии АНК Президент Н.А. Назарбаев [3].

Казахско-русское противоречие. В каждом постсоветском государстве центральное противоречие между этнической и гражданской идентичностями находит свое выражение в целом ряде других противоречий и проблем. В Казахстане одной из главных форм выражения этого противоречия является казахско-русское противоречие. Национально-русское противоречие является наследием советского времени и в каждом из новых независимых государств оно имеет свою, присущую именно этой стране, форму выражения. В самом общем виде можно выделить внутренний и внешний аспекты этого противоречия в постсоветской стране. Внутренний аспект связан с отношениями титульного этноса с оставшимся в стране после распада СССР русским населением. Внешний аспект национально-русского противоречия связан с межгосударственными отношениями постсоветской республики с Россией.

В тех постсоветских странах, где местное русское население сократилось до минимальных размеров и поэтому маргинализировано или вынуждено ассимилироваться в культуру и язык коренного народа, внутренний аспект национально-русского противоречия практически отсутствует в социально-политической повестке дня, но внешний его аспект не теряет актуальности. Казахстан, в силу исторических обстоятельств, относится к числу тех стран, для которых актуальными являются и еще

долгое время будут оставаться таковыми как внутренний, так и внешний аспекты казахско-русского противоречия.

Для формирования национальной идентичности Казахстана оба аспекта казахско-русского противоречия имеют очень большое значение. Имея в виду оба этих аспекта, мы, однако, основное внимание сосредоточим здесь на внутреннем аспекте казахско-русского противоречия. Противоречивые отношения казахов и русских имеют решающее значение для национального строительства и идентичности современного Казахстана. Как указывает американский исследователь Казахстана Марта Брилл Олкотт, каждому постсоветскому государству было не просто найти свое определение народа, но в Казахстане эти усилия сопровождались наибольшими противоречиями. Эти противоречия связаны с тем, что когда Казахстан обрел собственную государственность, два основных народа – русские и казахи – по-разному воспринимали мир и тем самым поставили перед правительством сложную задачу примирения этих расхождений [4].

Этнические националистические элиты пытаются оказывать влияние на формирование «восприятия мира» своего этноса. Казахские национал-патриоты предлагают казахам свое «восприятие мира», а русские националисты делают то же самое по отношению к русским Казахстана. Обе националистические группы уверены в том, что наиболее последовательно и полно отражают интересы своих этносов. При этом они обвиняют друг друга в том, что своей деятельностью они накаляют межэтнические отношения и подрывают общественное согласие.

Главной сферой противостояния казахских и русских националистов является языковая. Для казахских национал-патриотов русский язык есть главное препятствие для утверждения казахского языка как государственного языка Казахстана и утверждения страны как национального государства. Поэтому противодействие этим вопросам русскими националистическими элитами расценивается казахскими элитами как продолжение русского империализма в новых условиях. С позиции русских националистов предложения национал-патриотов по развитию казахского языка и утверждению казахов

как титульной, государствообразующей нации направлены на формирование Казахстана как этнократического государства и дискриминацию русских.

Противостояние казахских и русских националистических элит можно охарактеризовать как игру с нулевой суммой, когда достижение одной стороны рассматривается как поражение другой, и наоборот. Это противостояние сегодня разворачивается главным образом в интернете, где у каждой из сторон имеются свои сайты, а также в социальных сетях, типа Facebook и других. Газеты и другие СМИ в меньшей мере используются в противостоянии националистических дискурсов.

Помимо прямого противоборства друг с другом националистические элиты гораздо чаще прибегают к косвенному противостоянию посредством обращения к власти и давления посредством этого на нее. Разрешение противоречия этнического и гражданского национализма государством основывается на соблюдении баланса между ними. На этом же подходе основано решение государством казахско-русского противоречия, то есть государство стремится поддерживать баланс между интересами казахов и русских. Однако, казахские национал-патриоты обвиняют власть в том, что она идет на слишком большие уступки русским за счет интересов казахов. Схожие обвинения выдвигают и русские националистические элиты, заявляя о том, что проводя политику в интересах казахов под давлением казахских элит, власть проводит этнократический курс, имеющий целью выдавливание русских из различных социальных сфер и вообще из Казахстана.

Как было сказано, государство решает казахско-русское противоречие на основе разрешения им противоречия этнической и гражданской идентичностей, то есть в рамках казахстанской модели межэтнического мира и стабильности. Это, в частности, означает деполитизацию языкового вопроса и других проблем, возникающих в противоречивых отношениях казахов и русских. Эти вопросы государство предлагает решать не в политической, а в культурной сфере. В рамках деполитизации казахско-русского противоречия государство обращается к тактике маргинализации как казахских, так и русских националистических элит.

Противоречие казахской и казахстанской национальной идентичностей Казахстана. Казахско-русское противоречие порождает неопределенность в вопросе национальной идентичности, о чем свидетельствует сложившаяся в практике национального строительства Казахстана ситуация. Сегодня в интернете и СМИ наблюдается дискуссия по вопросу о том, как именовать граждан Казахстана – казахами или казахстанцами? Сюда же примыкает вопрос об определении нации – казахская или казахстанская? Дискуссия ведется на протяжении нескольких лет, она временами затухает, уходит в тень информационного пространства, чтобы затем вспыхнуть с новой силой.

Понятие нации неразрывно связано с понятием национальной идентичности. Вопрос определения нации в таком случае порождает вопрос определения национальной идентичности Казахстана: казахстанская или казахская? Сегодня среди этнических казахов имеется немало тех, кто признает определение себя как казаха и отказывается определять себя как казахстанца, точно так же как утверждает существование в Казахстане только лишь казахской нации и категорически отказывается признавать право на существование казахстанской нации. В таком случае естественно ожидать утверждения частью общества в сегодняшнем Казахстане только лишь казахской идентичности, тогда как другая часть общества утверждает казахстанскую идентичность.

Казахская и казахстанская идентичности стремятся к тому, чтобы охватить все население Казахстана. В этом случае они претендуют на статус национальной идентичности, преодолевающей этнические границы и приобретающей надэтническое содержание. По важнейшему вопросу национальной идентичности: каким быть национальному государству Казахстана – казахским или казахстанским – в обществе отсутствует консенсус. Одни уверены в том, что национальное государство Казахстана должно быть казахским, но это отвергается теми, кто предлагает создать национальное государство на основе казахстанской идентичности, и наоборот. Но национальная идентичность невозможна без общественного консенсуса по характеру национального государства.

Решающее, определяющее значение разделения национальной идентичности Казахстана по линии «казахская идентичность» – «казахстанская идентичность» основывается, на наш взгляд, на том, что с ним связано определение нации в Казахстане. Речь идет, в первую очередь, о культурном определении нации, а именно, какая культура, какой язык, в конечном счете, символы какого этноса должны доминировать в Казахстане, иначе говоря стать общими для всех этносов страны? Это основной вопрос национального и социального бытия Казахстана сегодня и на длительную перспективу.

Противостояние казахской и казахстанской идентичностей основано на казахско-русском противоречии и стоящих за ним казахских и русских националистических элитах. Казахские национал-патриоты, предлагая гражданам Казахстана определять себя как «казах», а полиэтническому обществу идентифицировать себя как «казахская нация», имеют тем самым в виду, что в основе такой нации и идентичности будет лежать казахский язык, казахская культура и вся совокупность казахских символов. Они отвергают определения «казахстанец» и «казахстанская нация» прежде всего потому, что видят в них значительное русско-советское содержание, которое является для них главным препятствием для становления и укрепления Казахстана как национального государства.

По этим же причинам русские националистические элиты предлагают гражданам определять себя как «казахстанец», а нацию Казахстана как «казахстанская». В этом они видят способ сохранения позиций русского языка и функционирования русско-советских символов в социальной и культурной жизни казахстанского общества. Предложения казахских национал-патриотов по внедрению определений «казах» и «казахская нация» для полиэтнического общества Казахстана русские элиты рассматривают как стремление ассимилировать русских и другие нетитульные этносы, то есть как титульный этнонационализм. При этом определения «казахстанец» и «казахстанская нация» трактуются русскими элитами как утверждение гражданской, а не этнической, государственно-национальной идентичности Казахстана.

Стремясь сохранить баланс между этнической и гражданской нациями, решать казахско-русское противоречие в рамках казахстанской модели межэтнического мира и согласия, государство отдает предпочтение определениям «казахстанец» и «народ Казахстана», как более широким по своему охвату, чем определения «казах» и «казахская нация». Поэтому в Стратегии «Казахстан-2050» Президент РК Н.А. Назарбаев употребил термин «всеказахстанская идентичность» как предельно широкое по своему объему и охвату понятие, относящееся ко всему казахстанскому обществу во всем многообразии его этносов, культур и языков [5]. Это понятие используется в Стратегии и других работах главы казахстанского государства как фундамент общественного согласия и как основа национального строительства в Казахстане.

Разрыв теории и практики национальной идентичности Казахстана. Фиксируя проблемы и противоречия национальной идентичности и национальной сферы современного Казахстана, хотелось бы указать на один важный, с нашей точки зрения, момент. Дело в том, что многие из этих проблем и противоречий коренятся в неправильных, несоответствующих современной науке понятиях, определяющих связи и взаимоотношения национальных сообществ в полиэтническом обществе. Вообще, в социальной сфере современного общества разрыв между теорией и практикой не так уж велик, как это представляется обыденному сознанию. По существу все основные понятия современной политики – государство, нация, демократия, разделение властей, парламент, партия, безопасность, национальный интерес и другие – пришли в политическую практику из социально-политической теории.

Хотя социально-политическая ситуация в постсоветских государствах заметно изменилась, произошла либерализация социально-политической системы (в разных постсоветских государствах на разном уровне), однако соответствующей этому изменению трансформации в понимании нации и других понятий национальной сферы не произошло. В умах людей крепко сидит примордиализм с его представлением о неизменности

нации и вечной привязанности к ней отдельного человека. Сталинский взгляд на нацию продолжает доминировать в теории и практике новых независимых государств. Даже государство, проводя теоретически и политически правильную политику по формированию в Казахстане гражданской нации, избегает при этом понятия «казахстанская нация», используя вместо него устаревшее в рамках современной этнополитической теории понятие «народ Казахстана».

Несмотря на широкую распространенность методологии примордиализма в общественном мнении, да и в научных работах, доминирующим в современных исследованиях национальной идентичности является конструктивистский, или инструменталистский, подход, позволяющий изучать ее в изменчивости и многообразии форм выражения, без чего невозможно ее адекватное понимание. Конструктивистский, инструменталистский подход субъективирует идентичность, рассматривая ее как ментальную конструкцию, продукт символической деятельности этнических элит.

Социальная практика современных обществ, преодолевающих или преодолевших тоталитарный или авторитарный прессинг социума над индивидом, показывает, что по мере своего взросления люди испытывают на себе внутреннее давление и потребность организовать «идентификационные проекты». Под этим подразумевается стремление индивида выбрать себе ту идентификационную категорию, которая в наибольшей мере соответствует его личности и привязывает его к основанной на этой идентификационной категории социальной группе.

Понятие идентификационного проекта имеет решающее значение для конструктивистского понимания идентичности. Оно акцентирует внимание на субъективном, свободном выборе индивидом своей идентичности, а не на жесткой, объективистской привязке индивида к этносу, нации или иной социальной группе. Речь, разумеется, не идет об абсолютной свободе выбора идентичности и идентификационного проекта индивидом. Природные характеристики людей (гендер, цвет кожи, физиологические свойства) и основанные на них типы поведения и культурные формы, несомненно, оказывают свое

влияние на идентификационное поведение человека. Однако эти ограничения в применении к современному обществу не могут быть рассмотрены в смысле жесткого детерминизма и объективизма в духе примордиализма.

Современный человек, несмотря на его объективную привязку к своим природным характеристикам, во многих случаях демонстрирует свободу в выборе идентичности и связанных с ней форм ментальности и поведения. Национальная практика Казахстана показывает, что индивиды и элиты строят идентификационные отношения на основе конструктивистского подхода, однако в общественном сознании продолжают доминировать примордиалистские представления о национальной идентичности. Это говорит о консерватизме постсоветского общественного сознания, когда само общество значительно изменилось, а способы его осмысления остаются устаревшими, несоответствующими изменившейся практике. В результате нередко возникает ситуация, когда практика опережает теорию. Это означает, что теория, в силу неадекватности своих понятий и методологии, не способна предложить практике верные способы решения возникших в ней проблем и противоречий.

Сложной проблемой, осложняющей теорию и практику национальной сферы Казахстана, является ее идеологизация. Под этим имеется в виду широкое распространение идеологии этнонационализма в среде этнических элит. Этнонационализм тесно связан с примордиалистским подходом к пониманию нации и национальной идентичности. Имея в виду, что экспертное сообщество формируется преимущественно из представителей этнических элит, неудивительно, что в нем так же распространена идеология этнонационализма.

Идеологизация сознания характерна и для экспертного сообщества Казахстана. Когда речь заходит о национальных вопросах, то эксперты вполне определенно отстаивают в своих работах позиции своей этнической группы. Если эксперт казах, то он считает своим долгом отстаивать интересы казахов; если же эксперт русский, то для него долгом является защита интересов русских Казахстана. Этнически ангажированные

эксперты рассуждают по логике противопоставления «мы – они», нередко интерпретируя его в духе «свои – чужие». Такая ситуация воспринимается в нашем постсоветском обществе как норма.

Рассмотрев основные проблемы и противоречия национальной сферы Казахстана, мы раскрыли тот реальный социально-практический и научно-теоретический контекст, в рамках которого происходит формирование национальной идентичности. Этот анализ имеет большое значение и является одной из целей предлагаемого здесь введения в монографию. Другой важной целью введения является краткое описание разделов монографии сквозь призму исследуемой проблемы. К этому мы сейчас и переходим.

Необходимость раздела *«Национальная идентичность: стереотипы восприятия и методы исследования»* определяется важной ролью, которую в нашем исследовании играет методология. В принципе, любое научное исследование, так или иначе, использует методологию. Однако нередко исследователи действуют в методологическом плане неосознанно, не отдают себе отчета в том, какую методологию они используют. Не в последнюю очередь это касается исследований по проблемам нации, национализма, национальной идентичности.

В Казахстане и других постсоветских странах в исследованиях по национальной проблематике очень прочно закрепились примордиалистская методология, рассматривающая нацию как неизменное во времени и пространстве человеческое сообщество. Примордиализм объективирует нацию как предопределенное объективными, природными факторами сообщество людей. Нация, с точки зрения примордиализма, заложена в генах людей. Иначе говоря, нация в ее примордиалистском понимании есть ни что иное как расширенная семья. Для примордиализма характерны и другие стереотипы во взглядах на нацию и идентичность. Эти стереотипы, как показывает практика, с легкостью воспроизводятся в общественном сознании и находят свое «теоретическое» обоснование в трудах казахстанских политологов и философов. При всей кажущейся «естественности» примордиалистского взгляда на нацию и

национальные процессы, этот подход показал свою теоретическую уязвимость и, как показывает международная практика, политическую опасность.

В разделе показывается, что в противоположность объективизации примордиализма субъективизация конструктивизма предлагает более адекватное понимание нации и национальной идентичности. В методологии конструктивизма решающую роль играет понятие идентификационного проекта, который разрабатывается и предлагается этническим группам так называемыми культурными антрепренерами, или этническими элитами. Национальная идентичность в этом случае предстает как ментальный конструкт, как феномен сферы сознания, как результат способности воображения индивида и этноса или нации, то есть как субъективная категория. Приверженность такому конструкту (национальной идентичности) является делом сознательного выбора индивида или группы индивидов. Вместе с тем ряд исследователей нации и национализма призывают не абсолютизировать конструктивистский, инструменталистский подход. Обращается внимание на ряд феноменов национальной сферы, которые противоречат конструктивистскому пониманию нации, не могут быть объяснены в терминах этого подхода. Некоторые специалисты предлагают не противопоставлять друг другу конструктивизм и примордиализм, а видеть их диалектику и применять ее в исследовании нации и национальной идентичности.

Смысл нашей работы состоит в том, чтобы исследовать национальную идентичность Казахстана через символы, в которых она находит свое выражение. Такова специфика этносимволического подхода, играющего центральную роль в нашем исследовании. С точки зрения ряда теоретиков этносимволизм можно рассматривать как своеобразное выражение диалектики примордиализма и конструктивизма. В самом общем виде символы, с помощью которых элиты конструируют и предлагают обществу национальную идентичность, могут быть подразделены на два больших вида – этнокультурные и политические. Выбор символов, их интерпретация и включение в идентификационный проект для предложения обществу осу-

ществляется элитами, которые вступают между собой в конкурентные отношения.

Казахизацию, как утверждается в разделе «*Этнокультурный символизм и казахизация*», можно охарактеризовать как основную и ведущую тенденцию эволюции национальной идентичности Казахстана. Казахизация, рассмотренная сквозь призму методологического подхода «центр-периферия», означает стремление казахского этнокультурного символизма (точнее, казахских элит и интеллигенции, разрабатывающих и продвигающих этот символизм), занять центральное положение в этнокультурном символизме всего казахстанского общества. Это означает, что казахские символы, включая в первую очередь казахский язык как главный символ этнокультурного символизма, должны стать центральными, то есть обязательными для всего населения Казахстана.

Какие же элиты стоят за казахизацией современного Казахстана? По мнению автора, таковыми являются государство и казахские элиты. Очевидно, что государству, в руках которого находятся решающие политические, экономические, символические и иные ресурсы, принадлежит главная роль в казахизации общества. Казахские элиты, или национал-патриоты, выступают как более радикальные сторонники казахизации. Они хотят, чтобы выдвижение казахского этнокультурного символизма в центр казахстанского общества продвигалось более быстрыми темпами и в более полном масштабе. В частности, чтобы с большей решительностью происходило искоренение русификации казахов. Поэтому национал-патриоты критикуют власть за низкие темпы казахизации, за нерешительность в ее проведении, за большие, с их точки зрения, уступки русскому языку и русской культуре. В символической сфере русские и другие нетитульные элиты стремятся к консервации советского символизма. Помимо русского языка этот символизм связан с такими его элементами, как праздники (23 февраля, 8 марта, 9 мая и другие), историческими фигурами (Юрий Гагарин и другие), достижениями в спорте и т. д.

Проблема языка (языков) находится сегодня в фокусе формирования национальной идентичности Казахстана. Посколь-

ку в социальной практике национальная (как и любая иная) идентичность находит свое выражение через символы, то, как утверждается в разделе «Язык как ядро этнокультурного символизма Казахстана», язык является в современном Казахстане главным, определяющим этнокультурным символом национальной идентичности. Поэтому анализ языковой ситуации является по существу ключом к пониманию сложного и противоречивого процесса формирования национальной идентичности, как и всего национального строительства Казахстана.

Языковой национализм в Казахстане подчиняется общим мировым закономерностям романтического национализма, что связано с попытками государства и национальных элит определить национальную идентичность с помощью казахского языка и роли русского языка в этом процессе. В этом видятся в самом общем виде причины популярности в Казахстане романтического национализма, хотя сами элиты не осознают того, что их действия определяются логикой этого вида национализма. Казахские националисты рассматривают доминирование казахского языка как естественное следствие независимости Казахстана. Такой взгляд соответствует представлению, что только одна этническая группа, идентифицируемая только с одним языком, может предъявлять претензии на Казахстан как свою традиционную землю.

Но такой взгляд полностью соответствует логике романтического национализма, соединяющего язык, народ (этнос) и территорию в стремлении создать нацию и национальную идентичность. Взгляд, что казахский и только казахский язык должен иметь особый, государственный (как записано в Конституции РК) статус в Казахстане неявно основан на романтическом представлении, что каждый язык имеет свою территорию распространения и культивирующее его государство. Следовательно, казахский язык и казахская идентичность задают параметры национальной идентичности Казахстана в том смысле, что национальная идентичность должна совпадать с казахской идентичностью.

В силу исторических, культурных и иных причин доминирование казахского языка в современном Казахстане остается на

сегодняшний день недостижимой целью. Как и в других постсоветских обществах казахизация в языковой сфере сталкивается с сильными позициями русского языка и русско-советской культуры и символизма, обретенные ими еще в советский период и продолжающими доминировать в силу инерционности культурных процессов в постсоветском обществе. К тому же государство проводит в полиэтническом обществе Казахстана политику гражданского национализма, оказывая поддержку русскому и другим языкам проживающих в республике этносов. Это вызывает критику власти со стороны казахских национал-патриотов. Они призывают власть применять жесткие меры в отношении тех, кто, по их мнению, не уважает государственный статус казахского языка и нарушает закон о языках.

Противоречие этнической и гражданской идентичности находит свое выражение и в государственных символах Казахстана, его флаге, гербе и гимне. Проведенный в разделе *«Государственные символы Казахстана: этнические мотивы – гражданская направленность»* анализ раскрывает этническое содержание государственных символов. Казахские этнические мотивы находят свое выражение в основных элементах государственного флага, герба и гимна Казахстана. Это же, впрочем, характерно и для других государственных символов Казахстана, которые, однако, не стали предметом анализа в нашей монографии.

Однако, как и в любом современном государстве, эти символы адресуются не только казахам, но и всем гражданам Казахстана вне зависимости от их этнической принадлежности. Государственные символы разрабатываются государством, а не этническими или иными элитами, и с помощью этих символов государство стремится консолидировать свое полиэтническое население. Этническое содержание государственных символов и их гражданская направленность отражает определенный тип национального строительства в Казахстане. В научной литературе этот тип нации (прежде всего, в трудах одного из ведущих современных специалистов по теории нации и национализма Энтони Смита [6]) получил название «нации с доминирующим этносом». Такая форма национального строительства характерна для постсоветских и посткоммунистических государств.

В разделе «История Казахстана как этнокультурный символизм конструирования национальной идентичности» подчеркивается, что символы, которые предоставляет этническим элитам национальная история, состоят из исторических событий и эпох и действующих в них личностей. Главным инструментом в руках этнических элит, с помощью которого этот символизм превращается в историческую концепцию как важную часть создаваемого и предлагаемого ими идентификационного проекта, является интерпретация. Направленность же и способ применения интерпретации исторического прошлого определяется политическими потребностями настоящего. Речь идет о существующей в обществе ситуации в национальной сфере, ее противоречиях и борьбе этнических элит за главенствующее положение в политической, культурной и иных сферах. Не только этнические элиты, но и государство обращается к национальной истории с той же целью использования предоставляемого ею символизма для утверждения своего идентификационного, следовательно, национального проекта. С учетом имеющихся в распоряжении государства социальных ресурсов, очевидно, что возможностей для утверждения такого проекта у него значительно больше, чем у этнических элит.

В зависимости от преследуемых элитными группами политических и идеологических целей, элиты в создании своих исторических концепций обращаются к одному из периодов национальной истории Казахстана с целью интерпретации событий и героев этих периодов в угоду своим концепциям. Одной из таких постсоветских закономерностей обращения этнических элит и государства с национальной историей является то, что получило название «удревнения» национальной истории. Другой закономерностью постсоветского исторического познания, тесно связанной с удревнением, является возвеличивание национальной истории, а, следовательно, самой нации.

Примордиалистский поиск корней современных наций в древности остается популярным занятием национальных элит. Поиск того, чего в принципе не может быть, а главное, «находки» и «открытия» в этом поиске не могут, разумеется, обходиться без мифотворчества. Удревнение и возвеличивание

национальной истории и нации в таком мифотворчестве тесно между собой связаны. Чем более древней в историческом мифотворчестве элит предстает нация, тем более великой она выглядит в их глазах и этот взгляд должны принять другие нации.

Удревнение истории, ее возвеличивание, ревизия истории Казахстана, разработанной в советский период, и другие действия с историей можно рассматривать как процесс ее национализации. В принципе национализация истории имеет место во всех постсоветских странах. В национализацию истории Казахстана включены этнические элиты и государство, ставящие своей целью разработать такой вариант истории, который соответствовал бы предлагаемым ими вариантам идентификационных проектов. Речь идет прежде всего о казахской и казахстанской национальной идентичностях.

Литература

1 Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана – Алматы: ЮРИСТ, 2013.

2 *Anderson, Benedict*. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London and New York: Verso, 1991.

3 *Назарбаев Н.А.* «Казахстан-2050»: один народ – одна страна – одна судьба // Казахстанская правда, 25.04.2013.

4 *Олкотт, Марта Брилл*. Казахстан: непройденный путь / Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2003. – С. 70.

5 Стратегия «Казахстан-2050».

6 *Smith A.D.* National Identity. – Reno: University of Nevada Press, 1991.

2 НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Национальная идентичность в национальном государстве. Национальная проблематика относится к числу центральных тем в социально-политической жизни и массовом сознании современного казахстанского общества. Определенным подтверждением этого является огромное количество книг, газетных и журнальных статей, радио- и телевизионных передач и программ, интернет-публикаций по этой проблематике. Наверное, ни одна тема жизни казахстанского общества не вызывает на протяжении длительного времени (со второй половины 1980-х годов) такого интереса, отклика и споров, как национальная идея, межэтнические отношения, проблемы казахского и русского языков и их взаимоотношения, определения этноса и нации, национализма, национальной политики государства, патриотизма и многие другие.

В большинстве исследований по этим и другим темам национальной проблематики Казахстана в той или иной степени затрагивается проблема национальной идентичности, поскольку она напрямую связана с национальной идеей, патриотизмом, языковым и другими вопросами. Тем не менее, можно вполне определенно утверждать, что сегодня в Казахстане немного работ, в которых национальная идентичность является прямым объектом исследования. Между тем, изучение национальной идентичности имеет особенное значение для теории и практики национальной сферы современного Казахстана.

В целом понятия нации и национальной идентичности тесно связаны между собой, они предполагают друг друга. Нация как человеческое сообщество состоит из индивидов, разделяющих общую национальную идентичность. В то же время

национальная идентичность есть самосознание составляющих нацию индивидов. Идентичность, отмечает один из крупнейших американских политологов Самюэль Хантингтон, есть продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них [1].

На взаимосвязь нации и национальной идентичности указывает автор известной книги «Нации и государства. Эскурсы в основы наций и политики национализма» Хьюг Сетон-Ватсон. Он утверждает, что нация существует только тогда, когда значительное число людей в определенном сообществе рассматривает самих себя как составляющих одну нацию, либо ведут себя так, как если бы они составляли нацию [2].

Соглашаясь в принципе с этим утверждением, Бенедикт Андерсон в своей классической книге «Воображаемые сообщества» предлагает только заменить в нем слова «рассматривать себя» на «воображать себя», определяя тем самым нацию как «воображаемое сообщество» [3]. Благодаря этому в концепции Андерсона усиливается взаимосвязь между нацией и национальной идентичностью. Понимание нации как воображаемого сообщества акцентирует внимание не на объективных ее характеристиках (территория, язык, институты и т. д.), а на ее субъективных определениях. Ведь воображение есть субъективная способность индивида и человеческого сообщества, и именно от нее зависит существование нации, поскольку если сообщество не рассматривает или не воображает себя как нацию, то нации вообще говоря не существует. Рассматривать себя как нацию или воображать себя как нацию есть не что иное, как идентифицировать себя в этом качестве.

Взаимосвязь нации и государства придает особую значимость национальной идентичности среди всех социальных идентичностей современного человека. На разных этапах человеческой истории на передний план выходят различные социальные идентичности, определяющие исходную для человека той или иной эпохи идентичность. Например, для античного человека решающее значение имеет его культурная идентичность. В средние века исходной для человека была его религи-

озная идентичность. Двести лет назад в Западной Европе начал утверждаться новый тип человеческой идентичности – национальный. Сегодня национальная идентичность имеет главенствующее положение во всех уголках мира.

Биху Парех видит важность национальной идентичности для современного человека как члена политического сообщества и гражданина соответствующего ему государства в следующих моментах [4]. Прежде всего, члены политического сообщества проживают в государстве, как правило, в течение длительного времени, зачастую на протяжении жизни не одного, а нескольких поколений. Вот почему они связывают свою жизнь с политическим сообществом, свои жизненные воспоминания с историей государства. Для идентичности индивидов с политическим сообществом исключительно важно и то, что государство предоставляет им дом, кров, место обитания (малая родина), без которой они не мыслят своего существования. Благодаря этому индивиды испытывают сильную эмоциональную привязанность к политическому сообществу, к государству и его территории, которую они воспринимают как родную землю. Важной причиной высокой оценки индивидами своей национальной идентичности является и то, что они растут, воспитываются и получают образование в политическом сообществе. На их социализацию, то есть становление их как личностей, решающее воздействие оказывают символы, ценности и моральные установки сообщества [5].

Социальная природа человека выражается через воздействие социальных систем общества на человека и обратное воздействие человека на эти системы. Среди них особое значение для современного человека имеет политическая система и ее сердцевина – государство. Индивиды платят налоги государству, пользуются предоставляемым им социальными благами, сражаются в войнах за свое государство, путешествуют за границу с паспортом своего государства, получая его защиту. Люди отождествляют себя с другими и отождествляются другими с собой как граждане одного государства. В этом отождествлении выражается национальная идентичность индивидов с государством и государства со своими гражданами.

Быть гражданином означает не просто состоять в формальной связи с государством в виде обладания паспортом, уплаты налогов, подчинения законам, обладания определенными правами и обязанностями. Гораздо важнее для гражданина быть членом гражданского общества, что означает его ежедневную вовлеченность в общую жизнь политического сообщества. Речь идет об участии в выборах, выражении собственного мнения по различным аспектам государственной и общественной жизни. Гражданин как человек с активной позицией выражает гордость или негодование по поводу того, что сделано государством от имени своих граждан. Самоуважение граждан часто неотделимо от их уважения к своей стране, а также от уважения к их стране со стороны других наций. Активное участие граждан в общественной и политической жизни своего государства является важнейшим условием постоянного переутверждения их национальной идентичности [6].

Логика национального государства как политического сообщества основана на том, что оно состоит из индивидов, связанных с ним национальной идентичностью, дающих совершенно однозначный ответ о своей принадлежности к политическому сообществу. В нации, как отмечает авторитетный американский политолог Роджерс Брубейкер, граждане признают друг друга как «принадлежащих вместе» в субъективном, «внутреннем», а не в формальном, внешнем, смысле к государству [7].

Если обратиться с вопросом «Кто мы?» для определения национальной идентичности современного Казахстана, то выясняется, что однозначного, общего для всех его граждан ответа на него нет. Как видно из предыдущего раздела, одна часть граждан многоэтнического Казахстана дает на этот вопрос ответ «Мы – казахи», тогда как другая часть граждан не хочет признавать себя казахами и предлагает другой ответ «Мы – казахстанцы». Получается, таким образом, что единое политическое сообщество как социальная основа национального государства в Казахстане на сегодняшний день по существу еще не сложилось. Гражданство Казахстана как национального государства оказывается на деле формально-правовым, «внешним» институтом, не подкрепленным объединяющим граждан эмоцио-

нально-психологическим, «внутренним» чувством национальной общности или идентичности, как это имеет место в других национальных государствах.

Национальное государство выступает от лица одной нации. Если же в одном государстве фактически существуют две нации, и обе, в лице своих культурных антрепренеров, претендуют на то, чтобы государство выступало только от ее имени, с чем мы имеем дело в Казахстане, то это говорит о том, что такое национальное государство не в полной мере отвечает своему определению. Для определения такого рода национальной ситуации и национальных государств Роджерс Брубейкер вводит в научный оборот понятия национализующегося (nationalizing) национализма и соответствующего ему национализующегося государства [8]. Эти понятия (ставшие, следует отметить, популярными в литературе по нациям и национализму) он использует для характеристики отношений между коренной нацией и государством с точки зрения его «принадлежности» этой нации в новых независимых государствах на постсоветском пространстве и в межвоенной Европе.

Примордиалистские стереотипы восприятия нации и национальной идентичности. В чем же заключается важность темы национальной идентичности для исследования национальной сферы Казахстана? В самой краткой и общей форме на этот вопрос можно ответить так: национальная идентичность вводит субъективное, личностное измерение в развитие национальной сферы Казахстана, давая тем самым новый взгляд, новую перспективу для ее понимания и исследования.

Попытаемся теперь подробнее объяснить то, что мы понимаем под личностным измерением национальной сферы Казахстана. С советских времен и по сегодняшний день в Казахстане, России и на всем постсоветском пространстве в массовом сознании доминирует объективистское понимание нации как некоего единого, однородного коллектива, принадлежность к которому определяется с самого момента рождения человека, так же, как его пол, цвет кожи и т. п. Национальная, как и половая, принадлежность человека фиксировалась в пятой графе

паспорта и других официальных документах, удостоверяющих его личность.

Такое представление о нации глубоко укоренилось в нашем сознании: казах это казах, русский это русский, американец это американец и т. д. Никаких иных толкований здесь быть не может, все ясно и однозначно. Человек даже не задумывался о своей национальной идентичности, все за него решили гены его родителей и государство. Может быть поэтому в советской общественной науке понятие национальной и всякой иной идентичности напрочь отсутствовало. В какой-то мере, аналогом этого понятия было понятие национального самосознания, но в нем не было даже намека на субъективное и личностное измерение национального сообщества. Национальное самосознание было такой же объективистской, внутренне однородной, коллективистской категорией, как нация, класс и другие.

Объективизм и субъективизм в представлениях о национальной идентичности Казахстана связаны с примордиализмом и конструктивизмом как способами ее понимания, определения и предложения культурными антрепренерами своим референтным группам, от лица которых они выступают. Примордиализм объективирует любую форму социальной идентичности. С точки зрения примордиализма нация и национальная идентичность существуют так же объективно, как любое природное явление, а потому несут в себе атрибуты вечности, неизменности. Национальная идентичность индивида предопределена с самого момента рождения идентичностью его родителей. Свою национальную принадлежность он наследует таким же образом, как цвет кожи, разрез глаз, форму носа, рост и т. д. Национальная идентичность современного казаха в примордиалистском плане ничем не отличается от идентичности древнего казаха.

Из сказанного можно заключить, что примордиалистское понимание нации и национальной идентичности исходит из приоритета родовых или кровно-родственных отношений в зарождении и эволюции нации. В примордиализме нация рассматривается как большая семья. В этом смысле нет большой

разницы между этносом и нацией: и то, и другое происходят от одного предка. Определение этноса как коллектива, происходящего от одного предка, получило большое распространение в этнополитической теории. Один из классиков этой теории Дональд Горовитц определяет этнос как «супер-семью» [9].

Следует отметить, что примордиалистское понимание национальной идентичности и нации широко распространено в современном Казахстане, являясь по существу доминирующим и практически безальтернативным в общественном мнении. С примордиалистским пониманием нации, этноса и других категорий национальной сферы мы сталкиваемся, например, в дискуссии по национальной идее, ни на день не затухающей на страницах газет, журналов и в интернет-пространстве сегодняшнего Казахстана.

Этот подход популярен не только в Казахстане, но и на всем постсоветском пространстве. Можно без преувеличения сказать, что он популярен во всем мире, в том числе и на Западе, особенно до 1980 гг. Примордиализм подкупает легкостью, можно сказать естественностью, усвоения и изучения нации, этноса и других категорий национальной сферы. Это связано во многом с внешними физиологическими, социальными, культурными маркерами и границами, позволяющими на «естественной», объективистской основе определять и различать этнические и национальные группы и идентифицироваться с ними. В самом деле, не так уж сложно отделять одни группы людей от других по цвету кожи и волос, по формам носа, разрезу глаз, по ландшафту местности и связанной с ним форме хозяйствования, по языку, религии, истории и другим социально-культурным факторам. Эти же факторы позволяют индивиду отождествлять себя с одними группами и отличать себя от других, а также относить одних в одни идентификационные категории, а других – в другие категории.

На этой основе появилось множество примордиалистских определений нации, в том числе хорошо знакомое нам сталинское определение нации с его известными «признаками нации». В мировой литературе по национализму сталинское определение нации считается классическим примером при-

мордиализма. Хотя сегодня в Казахстане и других постсоветских странах многие критикуют и даже высмеивают сталинское определение нации, однако в своих работах и суждениях они, сами того не подозревая, исходят из тех же объективистских, примордиалистских позиций в понимании нации и идентичности, что и высмеиваемое ими определение.

Можно утверждать, что в коммунистическом обществе с его приматом коллективистского сознания легче было утверждать примордиалистское, объективистское понимание социальных категорий, включая и нацию, определяемую в сталинском духе. Сегодня, когда мы живем в постсоветском, посткоммунистическом обществе, отличающемся более либеральной, чем советская, социально-политической системой и общественной жизнью, требуется расширение и углубление понимания нации и других социальных категорий за счет включения в него не только объективных, но и субъективных, личностных аспектов.

В этом смысле более точным нам представляется определение социальной идентичности, данное Дэвидом Лэйтином. Социальные идентичности, по его мнению, являются знаками, или ярлыками, которые люди присваивают себе (или другие люди присваивают им), когда они утверждают свое членство (или другие люди присваивают им это членство) в социальной категории, рассматриваемой ими (и другими людьми, входят они в эту категорию или нет) как наиболее соответствующая их жизненному пути и предлагающая наиболее приемлемый для них набор способов поведения [10].

Примордиализм в принципе может вообще обходиться без обращения к идентичности, поскольку для этого подхода индивид самим фактом своего рождения приписан к этносу, нации, религии, так же, как он приписан к гендеру, расе и другим генетически определенным социальным категориям. Какая необходимость человеку самоидентифицироваться, если все за него определили родители: если родители казахи, то и сын казах, а если родители русские, то и сын у них русский. Если родители мусульмане, то и сын мусульманин, а если родители христиане, то и сын христианин. Все естественно и просто. Можно, конечно, произвести самоидентификацию, но

только для того, чтобы еще раз подтвердить себе то и убедить себя в том, в чем никогда не сомневался.

Как было сказано, в примордиалистском определении нации ведущую, исходную роль играет родство, то есть гены. В этом смысле примордиализм может быть понят как направление, опирающееся на социобиологию. Иначе говоря, примордиализм основан на понимании нации как расширенной семьи. Как отмечает Даниэле Конверси, национализм как идеология передает обществу идею, что нация, так или иначе, представляет собой сообщество людей, связанных родством. Не важно при этом, что никакого биологического подтверждения реального кровного родства с другими членами нации нет. Достаточно просто верить в то, что ты сам и все твои соплеменники происходят от одного предка [11].

Это значит, что примордиалистский подход к нации и национальной идентичности основан на стереотипах и мифотворчестве. На это указывает Эрнест Геллнер: «Нации как естественный, данный от Бога способ квалификации людей, как изначально уготованный им, хотя долго не осознаваемый удел – это миф» [12]. Этот миф, однако, легко усваивается массовым сознанием и демонстрирует свою живучесть, несмотря на то, что реальная практика национальной идентичности должна, казалось бы, опровергать усвоенные людьми стереотипы и мифы.

Здесь, несомненно, лежит теоретическая слабость и уязвимость примордиализма. Неудивительно, что объективистские социобиологические работы примордиалистов стали легкой мишенью для критики со стороны тех, кто определяет нацию не через гены, но через социальные отношения и сознание. Наивным, считает Горовитц, примордиалистское представление, что этнические связи изначально даны, а не выбираются, что они выглядят как неизменные, но не как поддающиеся ковке, то есть социальной инженерии и конструированию [13].

Конструктивизм и субъективность национальной идентичности.

Без преодоления стереотипов и мифотворчества примордиализма изучение наций и национальной идентичности не

могло встать на научную основу. «Мы не должны, – заявляет Геллнер, – руководствоваться мифом. Нации не даны нам от природы, они не являются политической версией теории биологических видов. И национальные государства не были заранее предопределенной кульминацией развития этнических или культурных групп. В действительности существуют культуры, часто с трудом выделяемые, постепенно переходящие одна в другую, перекрещивающиеся и переплетающиеся, а также существуют, обычно, но не всегда, политические единицы разных типов и размеров. В прошлом они чаще всего не совпадали. Для этого во многих случаях были веские причины» [14].

Несмотря на широкую распространенность примордиализма в общественном мнении, да и в научных работах, все же в современных исследованиях национальной идентичности преобладает конструктивистский подход, позволяющий изучать ее в изменчивости и многообразии форм выражения, без чего невозможно ее адекватное понимание. Как отмечает Дэвид Лэйтин, конструирование и выбор в гораздо большей мере, чем кровь и наследственность, определяют сегодня стандартную линию повествования в рассказах и историях об идентичности [15].

Конструктивистский подход в социальной литературе иногда называют также инструменталистским. Конструктивистский подход субъективирует идентичность, рассматривая ее как ментальную конструкцию, продукт символической деятельности элит. Национальная идентичность, как всякая социальная идентичность, имеет символический характер, определяясь символами, конструируемыми и манипулируемыми национальными элитами, или культурными антрепренерами. Национальная идентичность поэтому неизбежно имеет изменчивый характер, будучи, синхронически (в любой момент времени), предметом деятельности различных, как правило, конкурирующих между собой элит (культурных антрепренеров). С другой стороны, в диахроническом (в последовательности времени) плане национальная идентичность обладает изменчивостью как предмет деятельности сменяющих друг друга во времени национальных элит.

Применение конструктивистского и инструменталистского подходов в современных исследованиях нации, национализма и других понятий и феноменов национальной сферы привело к фундаментальным выводам в их изучении и понимании. В общем виде их сформулировал и обобщил один из крупнейших современных исследователей национализма Энтони Смит. Во-первых, нации и национализм рассматриваются как исключительно современные – в смысле недавние – феномены, то есть они появились около двухсот лет назад на волне Французской революции. Во-вторых, нации и национализмы трактуются как продукты специфически современных условий, таких, как капитализм, индустриализм, бюрократия, массовые коммуникации и секуляризм. В-третьих, нации по существу представляют собой недавние конструкторы, и национализмы являются их современным цементом, изобретенным для того чтобы отвечать требованиям современности. Наконец, этнические сообщества, или этносы, будучи значительно старше по времени существования и более распространенными географически, чем нации, тем не менее, не могут рассматриваться как естественные, или природные, и данные в человеческой истории. Этносы понимаются в конструктивизме как главным образом ресурсы и инструменты в руках элит и лидеров в их борьбе за власть [16].

Наряду с этими выводами Смит сформулировал и те допущения и предпосылки, которые лежат в основе конструктивистского подхода. Этот подход рассматривает людей как находящихся и работающих в широкой области социальных групп. Как следствие, люди имеют множество коллективных идентичностей – семейных, гендерных, классовых, религиозных, этнических и т. д., в которые они входят и из которых выходят. Они выбирают и конструируют свои идентичности в соответствии с ситуациями, в которых они сами себя находят. Для конструктивистов идентичность поэтому стремится быть скорее «ситуационной», но не неизменной, а потому должна анализироваться как собственность индивидов, но не коллективов [17].

Для примордиализма же, напротив, идентичность является собственностью коллектива, поэтому она представляется и анализируется в рамках этого подхода как неизменная, вечная

и даже генетически заданная. Вопрос выбора идентичности индивидом (и даже, как мы видели, само ее существование) в примордиализме не стоит, ведь выбор за него осуществили его родители, дав ребенку набор генов, определяющих его принадлежность к той же нации, в которую они сами входят. Это вытекает из того, что объективизм примордиалистского подхода неразрывно связан с приматом коллективной идентичности над индивидуальной. Отдельный человек получает ту идентичность, которую ему приписывают родители и другие люди с момента его рождения.

Политической системой, в наибольшей мере благоприятствующей давлению коллективной идентичности в определении идентичности индивидом, является, как было указано выше, тоталитарная система. В Советском Союзе примордиалистское понимание нации на основе ее сталинского определения было единственно возможным, поскольку оно было единственно разрешенным. Согласно этому определению, нации были результатом общей культуры, общего языка, общей экономической жизни и общей территории. Каждый человек на основании этих признаков с момента своего рождения был приписан к определенной нации, что находило свое выражение в известной пятой графе паспорта советских граждан.

Социальная практика современных обществ, преодолевающих или преодолевших тоталитарный или авторитарный прессинг социума над индивидом, показывает, что по мере своего взросления люди испытывают на себе внутреннее давление и потребность организовать «идентификационные проекты». Под этим подразумевается стремление индивида выбрать себе ту идентификационную категорию, которая в наибольшей мере соответствует его личности и привязывает его к основанной на этой идентификационной категории социальной группе. Эти идентификационные проекты содержат в себе, как правило, наборы верований, принципов и обязательств, закрепленных в виде религиозных текстов или социальных практик предшествующих поколений. Хотя выбор идентичности может иметь мало общего с этими верованиями, принципами и обязательствами, однако, от индивида, связывающего себя с

такими идентификационными проектами, ожидается, что он будет соблюдать и придерживаться их как носитель определенной идентичности [18].

Понятие идентификационного проекта имеет решающее значение для конструктивистского понимания идентичности. Оно акцентирует внимание на субъективном, свободном выборе индивидом своей идентичности, а не на жесткой, объективистской привязке индивида к этносу, нации или иной социальной группе. Речь, разумеется, не идет об абсолютной свободе выбора идентичности и идентификационного проекта индивидом. Природные характеристики людей (гендер, цвет кожи, физиологические свойства) и основанные на них типы поведения и культурные формы, несомненно, оказывают свое влияние на идентификационное поведение человека.

Однако эти ограничения в применении к современному обществу не могут быть рассмотрены в смысле жесткого детерминизма и объективизма в духе примордиализма. Современный человек, несмотря на его объективную привязку к своим природным характеристикам, во многих случаях демонстрирует свободу в выборе идентичности и связанных с ней форм ментальности и поведения. Как отмечает Лэйтин, люди ограничены своими генами, физиономиями и историями утверждения своих идентичностей, но **они не являются их узниками** [19].

В современном мире никого не удивит тем, что человек меняет место работы, место жительства, профессию, религию, партийную принадлежность и другие виды идентичности. Этого, однако, не скажешь о национальной идентичности. Эта идентичность в самом деле представляется генетически заданной, вечной, неизменной. На практике, между тем, ситуация выбора или изменения национальной идентичности в современном мире является достаточно распространенной. Миллионы людей сегодня (как и вчера), включенные в глобализационные процессы, переезжают в поисках работы, лучшей доли и иных причин из одной части мира в другую, в новые для них государства, меняя тем самым свою национальную принадлежность и идентичность. Но говоря об изменившейся нацио-

нальной принадлежности и идентичности, мы имеем в виду не этническую нацию, что характерно для примордиалистского ее понимания, а гражданскую нацию, или нацию-государство.

Конструктивистский подход к национальной идентичности основан на сознательной рефлексии индивидами и группами и выборе на ее основе идентификационного проекта, в наибольшей мере соответствующей их природе, интересам и потребностям. В социальной практике оказывается так, что идентификационный проект не изобретается каждым индивидом или группой в отдельности, но предлагается им определенными группами лиц, которых в литературе определяют как культурные антрепренеры, или элиты. Идентификационные проекты производятся элитами как ментальные политические конструкты с целью предложения их этническим группам, от лица которых выступают элиты.

В результате складывается своеобразный рынок идентичностей. На рынке идентичностей современного Казахстана, так же как и на любом ином подобном рынке, «продавцами» предлагается особый «товар», который называется идентификационная категория. «Производителями» и «продавцами» этого «товара» являются культурные антрепренеры. Они считают себя представителями и защитниками интересов определенных этнических групп. Своими выступлениями, публикациями и иными публичными действиями они обращаются к тем, от имени кого они считают себя уполномоченными действовать и говорить. В этих обращениях они хотят показать, каким должен быть член этой этнической группы, и отстаивают интересы группы в отношениях с другими этносами. Тем самым они пытаются формировать идентичность представляемой ими этнической группы и предложить ее группе, чтобы она приняла эту идентичность. Такое предложение идентичности, или идентификационного проекта, можно интерпретировать как ее «продажу». Этнические же группы и индивиды, которым предлагается этот «товар», могут принять идентичность, то есть «купить», или же не принять, то есть «не купить». Если этносы и индивиды «покупают» предлагаемый им идентификационный «товар», то они становятся последователями своих

культурных антрепренеров, которые превращаются тем самым в лидеров этнических движений и групп.

Рыночный подход является важнейшим элементом конструктивистской методологии. Во-первых, он показывает конкурентную природу идентификационных отношений в современном Казахстане. Во-вторых, эта аналогия раскрывает рыночную структуру отношений между производителями различных идентификационных проектов и их потребителями. Здесь мы хотели бы также указать на две особенности рыночного, конструктивистского подхода к исследованию национальной идентичности Казахстана, раскрывающие ее субъективное, личностное измерение. Во-первых, понимание «покупателя» идентификационного проекта («товара»), то есть референтной группы для культурных антрепренеров, предполагает ее рассмотрение как совокупности индивидов с осознанным отношением к своим интересам, своей идентичности и связанными с ней ценностями, идеями, предпочтениями, восприятиями себя и других этнических и иных социальных групп. Во-вторых, и в связи с этим, можно по-новому определить идентичность как осознанный смысл вхождения индивида в определенную социальную группу, в том числе и в нацию.

Раскрывая структуру идентификационного рынка в Казахстане, можно выделить следующие его элементы. Предлагаемым на этом рынке товаром являются два идентификационных проекта, два варианта национальной идентичности Казахстана: казахская и казахстанская. Соответственно, производителями или конструкторами этих идентификационных проектов являются три элитные группы: казахские элиты, русские элиты и политическая элита государства. Наконец, покупателями на рынке национальных идентичностей Казахстана являются как отдельные этносы, в первую очередь казахи и русские, так и все полиэтничное общество.

Государство является крупнейшим субъектом идентификационного рынка, поскольку в его руках сконцентрированы самые мощные ресурсы общества – политические, экономические, финансовые, информационные, административные. Идентификационная продукция государства – казахстанская

идентичность – в силу названных причин, имеет гораздо больше шансов дойти до своего потребителя и оказать на него требуемое воздействие. Дополнительным социальным ресурсом для государства является сохранившаяся с советского времени традиция ориентации общества на государство, принятие лидирующей и доминирующей роли государства в социальной жизни. В результате национальное строительство в Казахстане осуществляется на основе казахстанской модели межэтнического согласия и мира. В основе этой модели лежит политика баланса между этническим и гражданским национализмами, казахской и казахстанской идентичностями. Референтной группой для государства как конструктора идентификационного проекта является все полиэтническое казахстанское общество, поэтому предлагаемая государством казахстанская идентичность стремится включить в себя и казахскую идентичность в том смысле, что казахстанская идентичность является идентичностью всех казахстанцев, но одновременно и идентичностью казахов.

Если казахстанская идентичность как идентификационный проект государства стремится включить в свой состав казахскую идентичность, то казахская идентичность как идентификационная конструкция казахских культурных антрепренеров, наоборот, исключает из себя казахстанскую идентичность как содержащую значительные русско-советские элементы и представляющую потому опасность для казахов и Казахстана как национального государства. Идентификационный проект «казахская идентичность» адресуется в первую очередь казахам, но также и тем не-казахам, кто готов к казахизации.

Культурными антрепренерами, производящими идентификационный проект «казахская идентичность» являются, конечно, казахские национал-патриоты, но не только они. К конструкторам казахской идентичности можно отнести также социальную группу, известную как казахская интеллигенция. Национал-патриоты и казахская интеллигенция близки по своим взглядам на нацию, национальную идентичность Казахстана и т. п. Различие между ними состоит в том, что если национал-патриоты по многим национальным вопросам стоят

в оппозиции к власти, то интеллигенция, сочувствуя взглядам национал-патриотов, демонстрирует лояльность власти.

Русские националистические элиты можно рассматривать как третью элитную группу, производящую и предлагающую на идентификационном рынке свой товар. Русские культурные антрепренеры поддерживают казахстанскую идентичность и выступают против казахской идентичности. Поддержка казахстанской идентичности русскими элитами осуществляется в той мере, в какой в ней присутствуют русско-советские элементы. В этом смысле казахстанская идентичность адресуется русскими националистами русским и другим русифицированным этническим группам Казахстана. Немалая часть казахского этноса так же может быть охарактеризована как русифицированная, поэтому русские элиты свою оппозицию казахской идентичности адресуют и этой части титульной нации.

Этносимволизм как способ конструирования национальной идентичности Казахстана. С точки зрения семиотики культура имеет символическую природу, так как культуру, в том числе этническую и национальную, можно представить как совокупность и систему символов. Отождествляя себя с нацией, человек отождествляет себя с ее культурой, а следовательно, отождествляет себя с ее ценностями и символами. Если члены определенной этнической или национальной группы разделяют общее отношение к определенным символам, рассматривая их как свои, то они ощущают себя членами единого целого, то есть имеют общую этническую или национальную идентичность. Это означает, что этническая или национальная идентичность имеет культурно-символическую природу. Разделяемый же членами этнической или национальной группы символизм получил в литературе название этнокультурного.

В рамках конструктивистского подхода к национальной идентичности культурные антрепренеры конструируют идентификационные категории как свой «товар» из материала, который можно определить как этнокультурный символизм. Национальная идентичность в этом случае предстает как ментальный конструкт, как феномен сферы сознания, как резуль-

тат способности воображения индивида и этноса или нации, то есть как субъективная категория. Приверженность такому конструкту (национальной идентичности) является делом сознательного выбора индивида или группы индивидов. Подобное понимание идентичности, включая национальную, становится заметным в периоды социальных и культурных изменений в обществе наподобие тех, что происходят в Казахстане и на постсоветском пространстве на протяжении последних двадцати – двадцати пяти лет.

Символы в рамках конструктивистского подхода играют решающую роль в определении (конструировании) национальной идентичности. Любая идентичность, в особенности национальная, имеет символическую природу. Взаимосвязь понятий нации, национальной идентичности и ее символизма раскрывается в современной литературе пониманием национализма как языка и символизма нации. Националистический язык и символизм соединяет эту националистическую идеологию с «массовыми чувствами» широких сегментов референтной группы посредством слоганов, идей, символов и церемоний. В то же время язык и символизм национализма охватывает как когнитивное, так и эмоционально-экспрессивное измерения, соединяясь с распространенными ожиданиями и чувствами как элит, так и широких слоев населения.

Предлагаемые элитами идентификационные проекты выражают себя через определенный символизм. Это относится в равной мере к казахской и казахстанской идентичностям. Национальные элиты и государство, выступающие в роли производителей национальной идентичности, конструируют ее с помощью этнокультурных символов как своеобразного строительного материала. Конструирование национальной идентичности представляет собой работу с символами, состоящей в их поиске, выборе, интерпретации, предложении референтной группе новых символов или переопределении уже известных символов, придании им нового смысла. Ведь символы являются теми предметами, назначение которых состоит в трансляции определенного смысла, идеи. В этом плане этнокультурными символами являются национальный язык, предметы матери-

альной и духовной культуры народа, произведения искусства, религиозные обряды и знаки, традиции народа, исторические события и личности, природный ландшафт, названия географических местностей и другие ономастические определения и т. д. Эти символы выражают психоэмоциональную связь индивидов с идеями, смыслами и другими духовными ценностями, которые разделяются нацией.

Казахские элиты, предлагающие обществу казахскую идентичность, опираются преимущественно на казахские этнические символы, как наиболее соответствующие природе разрабатываемого ими идентификационного проекта. Главным национальным символом для казахских элит является казахский язык, который они рассматривают как определяющий элемент казахской идентичности. Препятствия на пути превращения казахского языка в главное и основное средство межэтнической коммуникации, выполняемое сегодня в Казахстане русским языком, оцениваются казахскими элитами как препятствия на пути превращения казахской этнической идентичности в национальную идентичность.

Культурные антрепренеры, как вовлеченные в казахизацию, так и противоборствующие ей, основывают свою деятельность, сознают они это или нет, на принципах примордиализма. Сама по себе оппозиция казахских и русских культурных антрепренеров по языковому вопросу свидетельствует о примордиалистском понимании ими нации и национальной идентичности. Для примордиализма характерна жесткая связка нации и языка в духе сталинского определения нации, когда язык рассматривается как один из признаков нации. С этих позиций нация и язык нераздельны, одно не может существовать без другого. Язык понимается как исключительная, ни с кем не разделяемая собственность нации. Поэтому казахский язык воспринимается культурными антрепренерами как исключительная собственность казахской нации, а русский язык как исключительная собственность русской нации.

Примордиалистская связка языка и нации служит основой для интерпретации элитами языковой ситуации в Казахстане в духе культурного антрепренерства. Казахские национал-патри-

оты драматизируют ситуацию с казахским языком, который, обладая статусом государственного языка, до сих пор уступает русскому языку в применении в большинстве сфер социальной жизни казахстанского общества. Бедственное, по мнению национал-патриотов, положение казахского языка является отражением бедственного положения казахской нации в целом. Выступая радетелями и защитниками казахского языка и нации, национал-патриоты предлагают казахам этнокультурный вариант национальной идентичности.

В меньшей мере драматизируют ситуацию с русским языком русско-славянские культурные антрепренеры. Взаимоотношение казахского и русского языков рассматривается ими в примордиалистском духе как игра с нулевой суммой, когда выигрыш одного означает неизбежный проигрыш другого. Любые меры власти по расширению сферы применения казахского языка интерпретируются русско-славянскими культурными антрепренерами как проявление казахского этнокультурного национализма на государственном уровне, автоматически ведущее к ущемлению русского языка, а следовательно, к дискриминации русских и других нетитульных этносов. Расширение сферы применения казахского языка, особенно в сфере административного управления означает, по мнению русских элит, исключение из этой и других сфер общественной жизни русских и других нетитульных народов, не владеющих казахским языком. Суть предлагаемой культурными антрепренерами русской идентичности состоит в том, что для русских в Казахстане и других государствах Центральной Азии должен существовать языковой комфорт, созданы максимально благоприятные условия для функционирования русского языка. В противном случае культурные антрепренеры грозят новой волной массового отъезда русских из Казахстана и других центрально-азиатских государств.

Наряду с примордиализмом культурные антрепренеры опираются в своей деятельности, сами того не подозревая, на конструктивистский, инструменталистский подход. Ведь для того чтобы предложить своей референтной группе идентификационную категорию как «товар», который может быть

ею «куплен» или «не куплен», этот товар должен быть прежде всего создан, произведен. Создание идентификационной категории есть не что иное как ее конструирование, которое представляет собой мыслительный процесс формирования идентичности как определенного идеального продукта. Подручным материалом в подобном конструировании являются символы, ценности, идеи этнической культуры, которые с точки зрения примордиализма предстают как извечно существующие данности этноса и именно с ними у представителей этноса устанавливается (или должна устанавливаться) особая эмоциональная связь. Культурные антрепренеры производят манипуляцию выбранными ими элементами этнической культуры с целью вызвать отклик (желательно эмоциональный) в этнической группе и породить в ней этническую мобилизацию, что в терминах рыночной модели означает «продать» группе идентичность.

Важное значение имеет то, к каким именно элементам этнической культуры следует обращаться культурным антрепренерам в своей работе по конструированию национальной идентичности. Элементов этнической культуры существует множество и встает вопрос, какие именно из них необходимо выбрать, что бы достигнуть цели. Культурные антрепренеры обращаются к тем элементам, которые, по их мнению, в наибольшей мере способны достигнуть ума и сердца тех, от имени которых они выступают на политической арене. По мнению казахских культурных антрепренеров, важнейшим элементом этнической культуры является казахский язык и именно обращение к его, как они считают, печальной судьбе и незавидному положению в современном казахстанском обществе, способно вызвать отклик в душе казахов и сплотиться как отдельная нация, отличная от всех других национальностей Казахстана.

Как подчеркивает в этой связи Пол Брасс, в самих ценностях и институтах устойчивой культурной группы содержится своеобразное указание на то, какие обращения и символы будут эффективными, а какие нет, и при этом также представлять традиционные способы мобилизации и организации группы в новых направлениях. Тем не менее, лидеры этнических дви-

жений неизменно выбирают только те аспекты традиционных культур, которые, по их мнению, будут наилучшим образом служить цели объединения группы и которые окажутся полезными в продвижении определяемой ими с помощью таких действий группы [20].

Здесь следует указать на то, что именно традиционная культура и ее элементы, в отличие от современной национальной культуры, находящейся под большим влиянием западной культуры и других видов массовой, коммерциализированной культуры, выступает как истинно народная культура, в наибольшей мере выражающая «душу народа». Поэтому с традиционной культурой и ее элементами, как правило, связаны глубоко укорененные, эмоциональные связи людей с этой культурой и именно на этих связях в значительной мере строятся примордиалистские определения этнических групп, их границ и идентичности, предлагаемые культурными антрепренерами.

Конструирование национальной идентичности представляет собой, по Брассу, процесс, в котором элиты и контрэлиты этнической группы выбирают определенные аспекты групповой культуры, придают им новый смысл и значение, используя их как символы для мобилизации группы, защиты ее интересов и конкуренции с другими группами. В этом процессе преимущество имеют те элиты, лидеры которых могут наиболее искусно оперировать как глубоко укорененными примордиалистскими чувствами членов группы, так и руководить политикой группы в изменяющихся социально-политических обстоятельствах [21].

Предлагая полиэтничеству обществу казахстанскую идентичность, государство выражает ее не только через казахские символы, но и, в рамках казахстанской модели межэтнического согласия и мира, через русские и другие этнические символы. Идентификационный проект государства учитывает реалии, сложившиеся в культурно-языковой сфере Казахстана, и предлагает программы по развитию казахского языка. Помимо чисто этнических символов казахстанская идентичность включает в себя государственные символы – флаг, герб, гимн Казахстана. Эти символы имеют полиэтничный, госу-

дарственный характер и содержание. В число государственных полиэтнических символов можно включить новую столицу Казахстана город Астану. Отличительной особенностью казахстанской национальной идентичности является включение в нее политических символов, среди которых особое место принадлежит фигуре Президента РК – Лидера нации Нурсултана Назарбаева. Важным политическим символом в составе казахстанской идентичности является «независимость».

В строгом смысле слова русские националистические элиты Казахстана не выдвигают своего идентификационного проекта. Тем не менее, они являются важными игроками на идентификационном рынке Казахстана, поскольку своим отношением к предлагаемым идентификационным проектам они оказывают определенное влияние на выбор идентичности русским населением страны. Они поддерживают казахстанскую идентичность, однако их поддержка носит ограниченный характер. Русские элиты поддерживают казахстанскую идентичность в той мере, в какой она содержит русско-советские элементы, в первую очередь, русский язык. Свою основную задачу в поддержке казахстанской идентичности русские националисты видят в том, чтобы максимально отстаивать русско-советские элементы казахстанской идентичности от атак казахских националистов. Кроме того, русские элиты выступают против перегиба казахстанской идентичности в сторону казахской идентичности. Следует отметить, что казахстанскую идентичность со значительным содержанием в ней русско-советских элементов поддерживают не только русские, но и другие нетитульные этносы, для которых характерен высокий уровень русификации, в частности, немцы, корейцы и другие. Казахстанскую идентичность в этом варианте поддерживают и русифицированные казахи.

Литература

1 Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – С. 50.

2 Seton-Watson Hugh. Nations and States. An Enquiry into the Origins

of Nations and the Politics of Nationalism. – Boulder, Colo: Westview Press, 1977. – P. 5.

3 *Anderson Benedict*. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London and New York: Verso, 1991. – P. 6.

4 *Bhikhu Parekh*. A New Politics of Identity. Political Principles for an Independent World. – London: Palgrave Macmillan, 2008.

5 *Bhikhu Parekh*. A New Politics of Identity. – P. 56.

6 *Bhikhu Parekh*. A New Politics of Identity. – P. 57.

7 *Brubaker Rogers*. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 46.

8 *Brubaker R*. Nationalism Reframed. – P. 4–5.

9 *Horowitz D*. Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley: University of California Press, 1985.

10 *Laitin David D*. Identity in Formation: The Russian-speaking Populations in the Near Abroad. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1998. – P. 16.

11 *Conversi D*. Mapping the Field: Theories of Nationalism and the Ethnosymbolism Approach. In: Leoussi A.S., Grosby S. (eds.) Nationalism and Ethnosymbolism: History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – P. 16.

12 *Геллнер Э*. Нации и национализм / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – С. 114.

13 Цит. по: *Conversi D*. Mapping the Field. – P. 16.

14 *Геллнер Э*. Нации и национализм. С. 114–115.

15 *Laitin David D*. Identity in Formation. – P. 12.

16 *Smith Anthony D*. Nations and Nationalism in a Global Era. – Malden, MA: Polity Press, 1995. – P. 29.

17 *Smith Anthony D*. Nations and Nationalism in a Global Era. – P. 30.

18 *Laitin David D*. Identity in Formation. – P. 11–12.

19 *Laitin David D*. Identity in Formation. – P. 21.

20 *Brass Paul R*. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. – New Delhi, Newbury Park, London: Sage Publications, 1991. – P. 74.

21 *Brass Paul R*. Op. cit. – P. 75.

3 ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛИЗМ И КАЗАХИЗАЦИЯ

Как и любая другая социальная идентичность, национальная идентичность любого национального сообщества подвержена изменению, трансформации, вследствие чего она нуждается в своем периодическом определении и переопределении. Кроме того, необходимо иметь в виду и то, что Казахстан как национальное государство достаточно молод: национальные процессы, включая национальную идентичность, начались здесь сравнительно недавно, чуть более, чем 25 лет назад, разворачиваясь, можно сказать, на наших глазах. За это время произошел слом старого, советского, и формирование нового, казахстанского, национальных проектов, причем становление последнего, в значительной мере неоднозначно и требует своего внимательного теоретического анализа.

Говоря об эволюции национальной идентичности как социального процесса, следует указать ее основную и ведущую тенденцию, определяющую направление, темп и характер эволюции. Какую тенденцию эволюции национальной идентичности Казахстана можно определить как основную и ведущую? По нашему мнению, таковой является казахизация. Термин «казахизация» находит в последнее время все большее применение в публицистике, прежде всего в вопросе отношения казахского и русского языков. Казахизация трактуется как внедрение (или стремление к внедрению) казахского языка в тех сферах, где доминирует русский язык и, соответственно, искоренение или существенное сокращение применения в них русского языка. Так, сайт «Русские в Казахстане» охарактеризовал разработанные в августе 2011 г. Министерством культуры РК поправки в законодательство по вопросам государственной языковой политики как «законопроект о казахизации». В соответствии с этими поправками предполагалось включить

положение о том, что с 1 января 2013 г. заявления и жалобы граждан в государственные органы будут приниматься только на казахском языке. Эта поправка вызвала активные протесты значительной части общества и министерству пришлось ее в конце концов снять из текста поправок [1].

Однако казахизацию, по нашему мнению, нельзя трактовать только как языковой процесс. В общем смысле казахизация представляет собой широкий, многоаспектный процесс, находящий свое выражение практически во всех сферах казахстанского общества. Исходя из этого, казахизацию можно определить как процесс выхода на ведущие позиции в той или иной сфере общественной жизни казахского этноса и его языка, культуры и символов. Вместе с тем казахизацию следует рассматривать в историческом контексте как систему процессов, имеющих во многом ответный характер на процессы в национальной сфере Казахстана, происходившие в советский период. С точки зрения идентификации решающее значение среди этих процессов имела русификация. Для понимания современной казахизации как реакции на процессы в национальной сфере Казахстана советского периода, затрагивавших в той или иной мере казахов, первостепенное значение имеет анализ казахизации в демографической, политической и языковой сферах казахстанского общества.

Казахизацию в демографической сфере можно определить как абсолютный и относительный рост численности казахов в общем населении Казахстана, который наблюдается в период независимости республики. В результате демографической казахизации Казахстан из полиэтнического общества с казахско-русским доминированием во все большей мере становится полиэтническим обществом с преимущественно казахским населением, хотя в северных и восточных регионах республики сохраняется казахско-русский баланс или даже доминирование русских.

Политическая казахизация представляет собой процесс численного доминирования и роста влияния казахов в политической сфере Казахстана. Важнейшим условием политической казахизации является то, чтобы во главе республики стоял эт-

нический казах. В сегодняшнем Казахстане фактор этнической принадлежности главы государства и клановых связей сохраняет свое решающее значение в рекрутации политической и административной элиты, в политической казахизации общества. Этот фактор позволяет казахам численно доминировать в политической системе и государственном аппарате как в центре, так и на местах, даже в тех регионах, где казахский этнос не составляет большинства населения. Этому, впрочем, способствует и унитарное устройство Казахстана с централизованной формой государственного управления, характерной для административной системы большинства постсоветских государств.

Культурное измерение национальной идентичности представляет собой тот ее аспект, который появляется в результате освоения членами нации символов и ценностей национальной культуры. Символы играют определяющую роль в формировании любого человеческого сообщества, включая и нацию. Что делает то или иное сообщество людей устойчивым в социальном времени и пространстве? Главным условием здесь является общественное сознание, это те символы, ценности, традиции, которые разделяются всеми членами сообщества. Одним из первых на это указал Эмиль Дюркгейм, для которого центральным понятием социологии стала солидарность. Для Дюркгейма солидарность является «цементом» любой социальной группы, превращающим разрозненных индивидов в цепкую, устойчивую целостность. Для того чтобы индивиды ощутили себя членами когерентного человеческого сообщества, начиная от самого малого по размеру коллектива до массового национального общества, необходимо освоение (то есть превращение в «свое»), или интернализация, ими символов, ценностей, норм и принятых в этом обществе образцов поведения [2].

С точки зрения семиотики культура имеет символическую природу, так как культуру, в том числе этническую и национальную, можно представить как совокупность и систему символов. Отождествляя себя с нацией, человек отождествляет себя с ее культурой, а следовательно, отождествляет себя с ее ценностями и символами. В культурной сфере, подчеркивает Энтони Смит, национальная идентичность выражается через

целый ряд допущений и мифов, ценностей и коллективной памяти, а также через язык, право, институты и церемонии [3]. В семиотическом плане все эти культурные феномены можно представить как символы.

Если члены определенной этнической или национальной группы разделяют общее отношение к определенным символам, рассматривая их как свои, то они ощущают себя членами единого целого, то есть имеют общую этническую или национальную идентичность. Это означает, что этническая или национальная идентичность имеет культурно-символическую природу. Разделяемый же членами этнической или национальной группы символизм получил в литературе название этнокультурного.

По мнению Смита, чувство национальной идентичности предоставляет индивидам мощные средства определения и позиционирования своего индивидуального «Я» в мире через призму коллективной идентичности и ее особой культуры. Посредством этой особой, разделяемой индивидами культуры можно узнать, «кто есть мы» в современном мире. Переопределяя эту культуру, мы переопределяем самих себя, наше «истинное я». Поиск национальной самости и отношения к ней индивидов остается наиболее загадочным элементом национального проекта [4].

Национальная идентичность и этнокультурный символизм оказываются, таким образом, тесно связанными и взаимозависимыми между собой категориями. Этнокультурный символизм определяется национальной идентичностью и национальной культурой, содержащей в себе ценности и символы древнего происхождения. В то же время содержание национальной идентичности во многом определяется содержанием этнокультурного символизма, то есть тем, как национальные элиты конструируют символы и манипулируют ими для формирования идентичности своей нации. Вот почему для определения содержания и состояния национальной идентичности Казахстана необходимо определить содержание и состояние его этнокультурного символизма.

Взаимосвязь понятий нации, национальной идентичности и ее символизма обеспечивается, по мнению Смита, опреде-

ленным пониманием национализма. Смит выделяет пять важнейших аспектов, компонентов, вкладываемых в содержание понятия «национализм»:

- 1) Общий процесс формирования и укрепления наций и национальных государств;
- 2) Сознание принадлежности к нации наряду с чувствами и надеждами их безопасности и процветания;
- 3) Язык и символизм нации;
- 4) Идеология, включающая культурную доктрину наций и национальной воли и предписания по реализации национальных ожиданий и национальной воли;
- 5) Социальное и политическое движение по достижению целей нации и реализации национальной воли [5].

Для нас здесь особое значение имеет понимание национализма как языка и символизма нации. Такое понимание национализма шире, по мнению Смита, чем его понимание как идеологии или идеологического движения, поскольку националистический язык и символизм соединяет эту идеологию с «массовыми чувствами» широких сегментов референтной группы посредством слоганов, идей, символов и церемоний. В то же время язык и символизм национализма охватывает как когнитивное, так и эмоционально-экспрессивное измерения, соединяясь с распространенными ожиданиями и чувствами как элит, так и широких слоев населения [6].

Обращение к этнокультурному символизму как средству познания национальной идентичности означает обращение к вполне определенной методологии исследования социальных явлений, получившей название конструктивизма. Конструктивистский подход основан на деятельности элит, или культурных антрепренеров (в соответствии с другой терминологией), которые заняты созданием символов, смыслов, интерпретаций и переинтерпретаций предметов, событий, исторических и иных фигур с целью предложения референтной группе, от имени которой они выступают и интересы которой они добровольно берутся представлять, идентификационной категории, идентификационного проекта. Разработка элитными группами этнокультурного символизма и предложение его этносу

или нации в качестве идентификационной категории имеет решающее значение для формирования этнической или национальной идентичности. Кроме элит и культурных антрепренеров главным конструктором символов и связанных с ними идентификационных категорий является государство и его политическая система.

Одним из сложных и дискуссионных вопросов теории национализма является вопрос о соотношении нации и государства, в частности, вопрос о роли государства в формировании нации. Смит отдает приоритет в этом вопросе нации, заявляя, что национализм является идеологией нации, но не государства. Национализм устанавливает нацию в центр своих забот, и его описание мира и предписания для коллективных акций связаны только с нацией и ее членами. Представление, что нация может быть свободной только в том случае, если она обладает своим независимым государством, не является ни необходимым, ни универсальным. Ранние националисты (Руссо, Монтескье, Гердер и другие), а также некоторые современные националистические движения не требовали и сегодня не требуют своего государства как условия существования нации. Многие каталонские, шотландские и фламандские националисты гораздо больше озабочены административной автономией и культурным паритетом в многонациональном государстве, чем неограниченной независимостью (хотя некоторые националисты выступают за неограниченную независимость) [7].

Хотелось бы отметить, что национальная практика указанных Смитом стран не подтверждает его утверждения (относящегося к 1991 г., когда была опубликована его книга «Национальная идентичность») о том, что большинство националистических движений в них ограничивается только культурной и административной автономией. События последних лет свидетельствуют о том, что в Каталонии, Шотландии и Фландрии нарастают требования создания своего национального государства. Так, в сентябре 2014 года в Шотландии прошел референдум о независимости от Великобритании и о проведении подобного же референдума все более настойчиво выступают в Каталонии.

С позиции концепции этнических оснований нации Энтони Смита культурное измерение нации имеет большее значение, чем ее политическое измерение. Поэтому, считает Смит, утверждение, что каждая нация должна обладать собственным государством является общим, но не обязательным следствием теории национализма. Скорее, эта теория говорит нам о том, что национализм есть, прежде всего, культурная доктрина или, точнее, политическая идеология, в центре которой находится культурная доктрина. Эта культурная доктрина зависит, в свою очередь, от введения в теорию национализма новых понятий, языков (понимаемых как дискурс и его терминология) и символов. Эти понятия, языки и символы основаны на понимании национализма как идеологического движения, направленного на достижение и укрепление автономии, единства и идентичности нации [8].

Исследуя эволюцию социального процесса необходимо определить ее исходную точку. В случае национальной идентичности современного Казахстана такой точкой можно считать советский период, когда казахи были частью советского народа, который идеология того времени трактовала как «новую историческую общность людей». Казахстан советские руководители ставили в пример другим союзным республикам как «лабораторию дружбы народов», что вызывало у большинства казахов чувство гордости. Проявлением высокого уровня советской идентичности казахского народа можно считать высокий процент, девяносто пять, населения Казахстана, проголосовавшего в марте 1991 года на референдуме за сохранение СССР.

Оборотной стороной интернационализма казахов стала потеря значительной их частью своей национальной культуры, равнодушие к этнокультурным символам, следовательно, потеря значительной части своей национальной идентичности. Такая потеря означает не что иное как то, что в народе получило название «манкуртизация». В научной литературе манкуртизация определяется как денационализация нации. В СССР казахи оказались в числе наиболее денационализированных и, как следствие, русифицированных народов, поскольку потеря своего языка и культуры компенсировалась многими, в первую

очередь городскими, казахами приобщением к русскому языку и русско-советской культуре.

Казахизацию можно рассматривать как ответную реакцию казахов на их манкуртизацию и русификацию. Она началась в Казахстане, как и аналогичные процессы этнической мобилизации в других частях СССР, во второй половине 1980 г. Одним из главных достижений казахизации в этот период стало принятие в сентябре 1989 г. закона о языках, определившего казахскому языку статус государственного языка в Казахской ССР, а после распада СССР в Республике Казахстан. С обретением независимости Казахстаном возникли более благоприятные условия для казахизации, чем в советский период.

Если исходный пункт эволюции национальной идентичности и политической культуры постсоветского общества приходится на советский период, это означает, что к этому же периоду относится начало определяющего их социокультурного, в частности, этнокультурного, символизма. Речь идет о системе символов, определяющих семантическое содержание основных идей, ценностей и смыслов национальной идентичности и политической культуры. Эволюцию постсоветской национальной идентичности можно проследить и понять через анализ эволюции этнокультурного символизма с советского времени, ее основной тенденции, внутренних противоречий, раздельных линий и связанных с ней социально-политических и культурных процессов.

Появление на политической карте мира нового независимого государства стало поворотным этапом в эволюции национальной идентичности Казахстана. Ушла в прошлое советская идентичность, на первый план теперь вышла казахстанская идентичность. Если прежде название «казахстанцы» соответствовало региональному (союзно-республиканскому) уровню в советских идентификационных категориях, то с 1991 г. оно приобрело статус национальной идентичности. Республика Казахстан определяет себя как национальное государство всех проживающих в нем казахстанцев, которым оно предоставляет равное, независимое от этнической принадлежности, казахстанское гражданство.

Такой подход к национальному строительству и национальной идентичности получил в литературе название гражданского национализма. С гражданским национализмом, рассматривающим нацию как население страны вне зависимости от этнической принадлежности ее жителей, соседствует этнический, или титульный, национализм. Эта разновидность национализма опирается на этническое понимание нации, в соответствии с которым нацию составляет только титульный этнос, давший государству свое имя. Само государство с позиции титульного национализма трактуется как собственность титульного этноса, смыслом существования которого является защита культуры этого этноса.

Под этой защитой понимается то, что применительно к Казахстану мы определили как казахизацию, то есть выдвигание в центр общества культуры и символов титульного этноса. Казахизация представляет собой процесс, обратный русификации советского периода, то есть она стремится к доминированию элементов казахского этнокультурного символизма, при этом, чтобы элементы русского этнокультурного символизма отошли бы на второй план. Но за этими изменениями в сфере этнокультурного символизма общества стоят, как было сказано выше, изменения национальной идентичности. С точки зрения конструктивистского подхода социальная сфера, в том числе национальная сфера, является полем деятельности элит. За любыми изменениями в национальной сфере стоят элиты, поскольку эти изменения связаны с изменениями идентичности.

Идентичность наряду с автономией и единством являются, по Смитту, важнейшими целями национализма как идеологического движения по их достижению и укреплению. Эти важнейшие понятия национализма образуют взаимосвязанный язык или дискурс, содержащий в себе выражающие его церемонии и символы. Эти символы и церемонии в столь значительной мере являются частью мира, в котором мы живем, что мы по привычке смотрим на них как данные от века. Они включают в себя очевидные атрибуты нации – флаги, гимны, парады, денежные знаки, столицы, присяги, народные костюмы, музеи народного творчества, военные мемориалы, церемонии поминовения

жертв и героев национальных трагедий, паспорта, границы и многие другие. В то же время этнокультурный символизм включает более скрытые аспекты, такие как национальные игры и развлечения, сельская местность, народные герои и героини, сказки и фольклор, формы этикета, архитектурные стили, искусства и ремесла, способы планирования городов, правовые процедуры, образовательные практики и военные коды [9].

Во многих случаях национальные символы, обычаи и церемонии являются наиболее сильными и долговечными аспектами национализма. В них находят свое выражение основные элементы национальной идеи, благодаря чему принципы абстрактной идеологии становятся осязаемыми и легко узнаваемыми для каждого члена нации, вызывая у них эмоциональный отклик. Символы и церемонии всегда обладали эмоциональными качествами для коллективов и социальных групп, что было описано в работах Эмиля Дюркгейма, и нигде эти качества не проявляются столь наглядно, как в национальной сфере. В самом деле, многое из того, что Дюркгейм приписывал тотемическим ритуалам и символам первобытных племен, может быть применено с большей силой националистическим ритуалам и церемониям, поскольку для национализма не имеет значения, с помощью чего ему распространяться, будь это тотем или божество; для национализма божеством является сама нация. Национальные эмоции, выпускаемые национализмом как джинн из бутылки, направлены в конечном счете на саму нацию, сознательно превознося саму себя. Торжественно провозглашаемые достоинства принадлежат исключительно самой нации, точно так же как к осуждаемым преступлениям относятся те, что ставят под угрозу саму нацию. С помощью церемоний, обычаев и символов каждый член сообщества участвует в его жизни, разделяет эмоции и достоинства сообщества и таким образом посвящает себя его судьбе. Артикулируя и делая осязаемым идеологию национализма и национальную идею, церемонии и символизм помогают ощутить многовековую протяженность и преемственность абстрактного сообщества истории и судьбы [10].

Если говорить о казахском народе, то его символами следует считать кочевой образ жизни и все связанные с ним ма-

териальные предметы (казахская порода лошадей, юрта и ее конструктивные части, зимние и летние места кочевков и т. д.). Важнейшими символами казахов является казахский язык, музыка и музыкальные инструменты и другие элементы народной культуры. Фигуры ханов Кирея и Джанибека, Абылай хана, Абая, Чокана Валиханова, Курмангазы, Ахмета Байтурсунова и других деятелей партии «Алаш», и многих других относятся к важнейшим символам казахского народа. Война казахов с джунгарами, присоединение Казахстана к России, народное восстание 1916 г. под предводительством Амангельды Иманова, кампания коммунистического режима под названием «Малый Октябрь» и связанный с ней голод и массовая гибель казахов в начале 1930-х гг., и целый ряд других исторических событий являются важнейшими для казахов национальными символами. К числу своих главных символов казахи относят свою землю, историческую родину с ее степным ландшафтом и такими местностями, как Сары Арка, Алтай, Алатау, Арал, Каспий и многие другие.

Теоретический анализ казахизации предполагает обращение к методу «центр-периферия». Это не географическая, а социологическая концепция, раскрывающая социально-культурную структуру общества. Центр общества состоит из тех социальных групп, которые определяют основные символы общества. Под символами общества, нации, этноса, класса и любой другой социальной группы подразумеваются идеальные и материальные предметы, личности, исторические события, выражающие и представляющие социальную группу. Центральные группы находятся в привилегированном положении, так как они задают основные смыслы, ценности и культурные ориентации общества, которым вынуждены подчиняться нецентральные и периферийные группы.

Современные крупные человеческие сообщества представляют собой сложные, комплексные социальные образования. Например, большинство современных наций представляют собой многоэтнические общества. Это относится и к Казахстану, в котором проживают представители 130 этносов. В многоэтнических обществах каждая этническая группа имеет свою

систему символов, и это создает сложность для формирования нации как единого политического сообщества, поскольку этнические символы могут быть несовместимыми друг с другом. Несовместимыми являются, например, религиозные символы, если этносы многоэтнического общества являются последователями различных религий.

Как же в таком случае оказываются возможными нации, как они цементируются, вокруг каких символов происходит их консолидация? Ответ на эти вопросы заключается в неоднородной структуре общества, в наличии в нем центра и периферии. Центральные группы находятся в привилегированном положении, так как они задают основные смыслы, ценности и ориентации общества, которым вынуждены подчиняться нецентральные и периферийные группы. Логика поведения нецентральных и периферийных групп состоит в том, чтобы переместиться в центр общества. Одним из важнейших способов достижения этого является такая трансформация символов общества, когда символы периферийной группы становятся основными символами общества, а прежние основные символы уходят на периферию, либо вообще сходят с социальной арены [11].

Казахизация, рассмотренная сквозь призму методологического подхода «центр-периферия», означает стремление казахского этнокультурного символизма (точнее, казахских элит, разрабатывающих и продвигающих этот символизм), занять центральное положение в этнокультурном символизме всего казахстанского общества. Это означает, что казахские символы, включая в первую очередь казахский язык как главный символ этнокультурного символизма, должны стать центральными, то есть обязательными для всего населения Казахстана. Вследствие этого символы, в частности, языки, других этносов станут периферийными. Это относится прежде всего к русским символам, включая русский язык.

Ставя своей целью придать казахским символам центральное положение в постсоветском Казахстане, казахские элиты стремятся к тому, чтобы прилагательное «казахский» стало бы главным определением возможно большего числа сфер социальной и культурной жизни Казахстана. В первую очередь

казахи стремятся к тому, чтобы их важнейший символ – казахский язык – распространился если не на все, то на максимально большое число социальных и культурных сфер общества. Главное для них, чтобы казахский язык занял место русского языка в качестве языка межнационального общения в Казахстане, то есть основного средства коммуникации в обществе. Они стремятся к тому, чтобы казахский язык и другие казахские символы определяли систему образования в стране, а также другие социальные системы общества.

Культурные антрепренеры, как вовлеченные в казахизацию, так и противостоящие ей, основывают свою деятельность, сознают они это или нет, на принципах примордиализма. Сама по себе оппозиция казахских и русских культурных антрепренеров по языковому вопросу свидетельствует о примордиалистском понимании ими нации и национальной идентичности. Для примордиализма характерна жесткая связка нации и языка в духе сталинского определения нации, когда язык рассматривается как один из признаков нации. С этих позиций нация и язык нераздельны, одно не может существовать без другого. Язык понимается как исключительная, ни с кем не разделяемая собственность нации. Поэтому казахский язык воспринимается культурными антрепренерами как исключительная собственность казахской нации, а русский язык как исключительная собственность русской нации.

Мы можем отсюда придти к выводу, что между двумя идентичностями Казахстана – казахстанской и казахской – существует конкуренция за статус национальной идентичности страны. Эта своеобразная конкуренция возникла сразу же после обретения Казахстаном суверенитета в декабре 1991 г. Конкуренция казахской и казахстанской идентичностей находит свое выражение через попытки и претензии каждой из них на утверждение своего права единолично представлять Казахстан как национальное государство, определять его внутреннюю и внешнюю политику. Речь идет о попытках и претензиях каждой из идентичностей определять, в конечном счете, судьбу Казахстана.

Какие же элиты стоят за казахизацией современного Казахстана? По нашему мнению, таковыми являются государство и

казахские элиты. Под государством мы в данном случае имеем в виду правящую элиту, определяющую национальную политику, а также те связанные с ней элиты (прежде всего, казахская творческая интеллигенция), которые участвуют в конструировании символов и манипулировании ими в русле этой политики. Под казахскими элитами мы понимаем автономные от государства национальные движения и организации, которые в печати получили название казахских национал-патриотов.

Очевидно, что государству, в руках которого находятся решающие политические, экономические, символические и иные ресурсы, принадлежит главная роль в казахизации общества. Определяя государство как ведущего субъекта казахизации, мы имеем в виду его политику по поддержке казахского языка в самых различных сферах, включая печатные СМИ, телевидение и радио, интернет, книжную продукцию, а также меры по расширению его применения в делопроизводстве в государственных органах и т. д. Государству принадлежит решающая роль в расширении применения казахского языка в сфере образования, начиная с детсадов и кончая университетами.

Развитие казахского языка является важным моментом идеологии государства. В целом государственную идеологию в современном Казахстане можно определить как идеологию модернизационного развития. Идеологическими концептами, выраженными в виде слоганов в структуре этой идеологии можно считать «Елбасы-Лидер нации», «Независимость», «Консолидация», «Стабильность», «Социальная модернизация», «Межэтническое и межконфессиональное согласие», «Стратегия-2030», «Сначала экономика – потом политика» и другие. Символами, посредством которых массы воспринимают эти идеологические концепты и слоганы, являются государственные символы Казахстана (флаг, герб, гимн), Нурсултан Назарбаев как Елбасы-Лидер нации, числа 1991 и 2050, столица государства Астана, животное барс и ряд других.

В распространении государственной идеологии большую роль играют средства массовой информации. Казахизация информационной сферы имеет важное значение в казахизации

общества. На это обратил внимание в марте 2012 г. министр культуры и информации того времени Дархан Мынбай. В этой сфере политика министерства направлена на то, чтобы увеличивать число телеканалов, вещающих на государственном языке. Кроме того, на государственных и частных телеканалах растет число программ и передач на казахском языке. Популярные у населения телесериалы переводятся на казахский язык, либо сопровождаются титрами на этом языке [12].

Казахизация при поддержке государства проявляется в ономастике, то есть в широкой практике наименования казахскими словами и именами географических местностей, областей, городов, районов, площадей, улиц. Государственные символы, многие праздники и памятные даты современного Казахстана в значительной мере связаны с казахской культурой и историей.

Казахские элиты, или национал-патриоты, выступают как более радикальные сторонники казахизации. Они хотят, чтобы выдвижение казахского этнокультурного символизма в центр казахстанского общества продвигалось более быстрыми темпами и в более полном масштабе. В частности, чтобы с большей решительностью происходило искоренение русификации казахов. Поэтому национал-патриоты критикуют власть за низкие темпы казахизации, за нерешительность в ее проведении, за большие, с их точки зрения, уступки русскому языку и русской культуре. Наиболее радикальные из них обвиняют государство в нежелании помогать казахскому языку, казахской культуре, вообще казахам.

Государство в силу своего особого положения и социально-политической ответственности перед полиэтническим обществом проводит политику баланса интересов как казахов, так и других этносов Казахстана. На практике это означает, что наряду с титульным национализмом государство проводит и политику гражданского национализма, отвечающей интересам нетитульных этносов страны.

Несмотря на это в течение по крайней мере двадцати пяти лет (в 2014 г. исполнилось двадцать лет с момента принятия первого закона о языках, провозгласившего статус казахского языка как государственного языка Казахстана) мы наблюдаем,

как казахский язык и другие казахские символы не могут занять господствующего положения в нашем обществе. Тем самым ставятся под сомнение претензии носителей казахской идентичности на их центральное положение в новом обществе. Следовательно, ставятся под сомнение претензии казахской идентичности на статус национальной идентичности Казахстана.

Одним из главных объяснений такого положения вещей является упомянутая выше конкуренция идентичностей, противостояние казахской и казахстанской идентичностей по вопросу главных символов Казахстана. Те, кто стоят на позициях казахстанской идентичности, в первую очередь, русские и другие некоренные народы Казахстана, не хотят, чтобы русский язык и другие их привычные символы ушли бы на периферию нового общества со своего центрального места, которое они занимали в советском обществе. Естественно, что имеет место сопротивление стремлению казахского языка и других казахских символов занять господствующее положение в иерархии символов нового казахстанского общества.

Ни для кого не является секретом то, что сегодня в Казахстане имеется сопротивление казахизации со стороны нетитульных этносов, в первую очередь, русских. Нетитульные этносы сопротивляются казахизации потому, что воспринимают ее как стремление ассимилировать их посредством казахского языка и казахской культуры. Социальные движения против казахизации возглавляют русские, славянские и казачьи организации («Лад», Русская община, Союз казаков Семиречья и др.), национально-культурные центры и организации нетитульных этносов. Любые действия или их попытки, направленные на принижение статуса и позиций русского языка, переименования русских названий областей и городов Казахстана эти социальные движения преподносят как дискриминацию русских и других нетитульных этносов. Примыкающими к этому движению можно считать элиты городских русифицированных казахов, которых национал-патриоты называют шала казахами. Для них предлагаемые национал-патриотами меры по радикальной казахизации современного Казахстана представляются неприемлемыми.

Можно говорить о пассивной и активной формах указанного сопротивления. Пассивное сопротивление выдвиганию казахских символов на центральное положение и соответствующему вытеснению старых основных символов вылилось в форме «протеста ногами». Речь идет о массовом выезде из Казахстана в первой половине 1990-х гг. русских и других некоренных национальностей на историческую родину, где их символы оставались центральными и не подвергались сомнению.

Если пассивное сопротивление оказывается на массовом уровне, то активное сопротивление казахским символам оказывается элитами славянских и других некоренных народов в самом Казахстане. Это может быть, например, прямое игнорирование закона о языках, либо такое его исполнение, которое по существу равносильно игнорированию. Известно ставшее анекдотичным исполнение радио- и телеканалами положения закона о языках, требующего не менее половины эфирного времени вещать на государственном языке, когда это вещание ведется в ночное время, а днем вещание ведется на русском языке. Активное сопротивление выражается и в том, что представители некоренных народов Казахстана открыто выражают несогласие с программой правительства по переводу делопроизводства на государственный язык, давая оценку этим мерам как дискриминационным по отношению к этим народам.

Глобализация как ведущая тенденция развития современного мира еще больше усиливает значение русского языка и русской культуры для Казахстана. Ничего удивительного в этом нет, так как глобализация приходит в Казахстан главным образом через Россию, точно так же, как основным каналом вхождения Казахстана в глобализационные процессы является Россия. Глобализация, таким образом, ставит Казахстан в еще более зависимое положение от России в экономическом, культурном и иных отношениях.

Русификация является тем фактором, который формирует сложное и неоднозначное отношение казахов к конкуренции казахстанской и казахской идентичностей за статус национальной идентичности Казахстана. С одной стороны, они хотят, чтобы казахские символы стали доминирующими в новом обще-

стве. С другой стороны, многие казахи не хотят, чтобы ставшие привычными символы русской культуры и советского времени ушли бы на периферию казахстанского общества.

Это означает, что многие казахи имеют наряду с казахской идентичностью и казахстанскую идентичность. В принципе, современный человек может обладать множеством идентичностей, причем некоторые из этих идентичностей могут находиться в противоречии друг с другом по разным основаниям, в том числе и в вопросе о том, символы какой из идентичностей должны занимать центральное положение в обществе, а какие должны находиться на периферии.

Было бы упрощением рассматривать противостояние казахстанской и казахской идентичности как противостояние русских и других некоренных национальностей Казахстана, с одной стороны, и казахов, с другой стороны. Социальная и культурная реальность современного Казахстана демонстрирует, что русифицированные казахи нередко оказываются по своей идентичности, по своим культурным ориентациям ближе к русским, чем к тем казахам, кто отрицательно относится к русской культуре и российскому влиянию на Казахстан в различных сферах.

В этой связи важно отметить и то, что казахская и казахстанская идентичности не являются по своей структуре и составу чем-то однородным и непроницаемым по отношению к другой идентичности. Каждая из них подразделяется внутри себя на группы придерживающихся различного отношения к влиянию противоположной идентичности на себя. Такие группы имеются как внутри казахской идентичности, так и внутри казахстанской идентичности.

Таким образом, то, что внешне выглядит как противостояние монолитных, отрицающих друг друга казахской и казахстанской идентичностей, при внимательном анализе оказывается множеством сплавов этих идентичностей с различным удельным весом той или иной. На самом деле национальная идентичность Казахстана представляет собой целый спектр идентичностей, полюсами которого оказываются ортодоксальные формы казахской и казахстанской идентичностей.

Один полюс спектра составляет та форма казахской идентичности, которая утверждает, что основными символами казахстанского общества должны быть исключительно казахские символы. На другом полюсе этого спектра находятся те группы некоренного населения, которые противятся выдвиганию казахских символов на господствующее положение и ратуют за то, чтобы оставить все так, как было в советское время. Указанные формы идентичности находятся между собой в неприимом противоречии. Между этими полюсами находятся различные тона, полутона и оттенки казахской и казахстанской идентичностей.

Казахизация, таким образом, является тем процессом, в рамках и вокруг которого происходят изменения национальной идентичности Казахстана, которая выше была определена как казахстанская идентичность. Эта идентичность не устраивает казахских национал-патриотов, поскольку они усматривают в ней препятствие для казахизации Казахстана. По их мнению, в казахстанской идентичности доминируют элементы русского этнокультурного символизма и потому продолжают занимать центральное положение в обществе. Поэтому национал-патриоты как сторонники радикальной казахизации, выдвигают и предлагают обществу казахскую идентичность в ее противопоставлении казахстанской идентичности.

Тенденцию доминирования этнокультурного символизма титульного этноса или его стремления к достижению центрального положения в структуре постсоветского общества можно определить как нативизация, или этнизация. Иначе говоря, нативизация представляет собой общий термин для обозначения казахизации, украинизации и аналогичных процессов в постсоветских обществах в символической сфере. Понимаемая в таком смысле нативизация рассматривается экспертами как символическое основание титульного, этнокультурного национализма на постсоветском пространстве.

Титульному этнонационализму элиты нетитульных этносов противопоставляют идею гражданского национализма, основывающегося на гражданской концепции нации, включающей в себя всех граждан страны независимо от их этнической,

религиозной, культурной и иной принадлежности. Наиболее активными в отстаивании гражданского национализма являются, как показывает постсоветская практика, русские элиты. В символической сфере русские и другие нетитульные элиты стремятся к консервации советского символизма. Помимо русского языка этот символизм связан с такими его элементами, как праздники (23 февраля, 8 марта, 9 мая и другие), историческими фигурами (Юрий Гагарин и другие), достижениями в спорте и т. д.

Подтверждением сказанному стала ситуация с надписью на памятнике героям-панфиловцам в одноименном парке в Алматы. В ряде казахстанских и российских СМИ в начале 2013 г. появилась информация о том, что власти города собираются убрать с памятника знаменитую фразу политрука Василия Клочкова «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!». Вместо нее планировалось поставить одну из новых надписей: «Подвиг казахстанцев – наследие для народа, наследие для поколений», «Вечный покой героям-казахстанцам!» и «Подвиг казахстанцев, сражавшихся за Родину, будем помнить вечно». Из сообщений СМИ можно было узнать, что инициатором этой идеи стал городской совет ветеранов, возглавляемый Еренгаипом Шайхутдиновым. Вскоре, однако, последовала опровержение властей, что планов изменения надписи нет, а Шайхутдинов заявил, что никакой инициативы по замене фразы Клочкова не было, а было только желание добавить одну из надписей с целью увековечения памяти казахстанцев-участников Великой отечественной войны. Комментируя эту ситуацию, главный редактор сайта «Русские в Казахстане» Илья Намовир отметил, что в принципе сама история с памятником героям-панфиловцам не так уж удивительна и нетипична. Скорее, наоборот. Подобные инициативы, направленные на стирание из памяти казахстанцев нашего общего прошлого в СССР, пропитанные духом исторического ревизионизма в угоду национальной конъюнктуре, отнюдь не редкость. Председатель «Республиканского славянского движения «Лад» Максим Крамаренко считает, что вброс идеи о переименовании мемориала славы героям-панфиловцам есть не что иное, как стремление

разрушить еще существующие духовные связи между народами постсоветского пространства. Под лозунгами о необходимости воспитания казахстанского патриотизма часть казахской политической элиты пытается «развернуть» общественное сознание от России, постепенно удаляя из истории Казахстана «страницы» о положительном опыте нахождения казахского народа в едином с Россией государстве, каковыми были СССР и Российская империя [13].

Заключает свой комментарий Крамаренко в полном соответствии с конспирологической традицией современного русского национализма, видящего корни всех проблем в происках Запада. «Можно сказать, что все это звенья одной политической стратегии, корни которой находятся за океаном. Идея о замене лозунга на мемориале Славы не случайно возникла одновременно с инициативой казахстанской оппозиции о проведении референдума против Таможенного союза, появление которого так боятся в США. В конце прошлого года Хилари Клинтон дала указания всем прозападным силам о недопущении создания Евразийского Союза. Вот в Казахстане эта директива госдепа и реализуется в различных формах. Ведь у этого интеграционного начинания есть большие перспективы, которые будут способствовать усилению всех государств, участвующих в нем, что в свою очередь приведет к их более независимой от США внешней политики» /14/.

Противостояние этнокультурных символизмов дестабилизирует постсоветское общество, создает в нем или в каком-то его регионе межэтническое напряжение. В некоторых случаях такое противостояние переходит из латентной формы в открытую насильственную фазу, что имело место, например, в июне 2010 г. на юге Кыргызстана. Задачу смягчения противостояния берет на себя государство посредством предложения обществу своего варианта этнокультурного символизма, в котором оно стремится учесть претензии противоборствующих сторон. Для государства создание собственного варианта этнокультурного символизма является формой разрешения противоречия между титульным национализмом, которому он обязан самим фактом своего существования, и необходимостью поддержа-

ния межэтнической стабильности в обществе, а следовательно, поддержки в той или иной мере и форме нетитульных этносов. Поэтому этнокультурный символизм государства представляет собой компромисс между символическими системами титульного и нетитульного этносов. Например, в конституциях Казахстана и других постсоветских государств титульный язык объявлен государственным языком, а русский язык – языком официального использования в государственных органах наравне с титульным языком.

Литература

1 По следам законопроекта Минкульта РК о «казахизации»... Происходит «моральное избиение» людей, не знающих госязыка // Сайт «Русские в Казахстане». www.RussiansKz.Info. Последнее обновление 10.08.2011.

2 Дюркгейм Э. Разделение общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – С. 68.

3 *Smith A.D.* National Identity. – Reno: University of Nevada Press, 1991. – P. 73.

4 *Smith A.D.* National Identity. – P. 75.

5 *Smith A.D.* National Identity. – P. 72.

6 *Smith A.D.* National Identity. – P. 74.

7 Ibid.

8 Ibid.

9 *Smith A.D.* National Identity. – P. 77.

10 *Smith A.D.* National Identity. – P. 78.

11 Эйзенштадт С.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Aspect Press, 1999. – С. 138–143.

12 Дархан Мынбай. Культура и информация – мощный фактор инновационного развития // Казахстанская правда, 03.05.2012.

13. Казахская политическая элита пытается «развернуть» общественное сознание от России – М. Крамаренко // www.bekzat.kz последнее обновление 24.03.2013.

14 Там же.

4 ЯЗЫК КАК ЯДРО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СИМВОЛИЗМА КАЗАХСТАНА

Язык как фактор национальной идентичности. Постсоветские государства, в большинстве своем являющиеся мульти-этническими, мультикультурными обществами, сталкиваются сегодня с проблемой формирования национальной идентичности, что предполагает совпадение в них политического и культурного сообществ, объединенных единой системой институтов, символов и ценностей. Поэтому с позиции методологического подхода этнокультурного символизма конструирование единой системы символов, служащей основой интеграции мультиэтнического общества, имеет решающее значение для формирования постсоветской национальной идентичности.

Национальная идентичность имеет политическое и культурное измерения. Последнее представляет собой тот аспект национальной идентичности, который появляется в результате освоения членами нации символов и ценностей национальной культуры. С точки зрения семиотики культура имеет символическую природу, так как культуру, в том числе этническую и национальную, можно представить как совокупность и систему символов. Отождествляя себя с нацией, человек отождествляет себя с ее культурой, а следовательно, отождествляет себя с ее ценностями и символами. Если члены определенной этнической или национальной группы разделяют общее отношение к определенным символам, рассматривая их как свои, то они ощущают себя членами единого целого, то есть имеют общую этническую или национальную идентичность. Это означает, что этническая или национальная идентичность имеет культурно-символическую природу. Разделяемый же членами этнической или национальной группы символизм получил в

литературе название этнокультурного. Разработка элитными группами этнокультурного символизма и предложение его этносу или нации в качестве идентификационной категории имеет решающее значение для формирования этнической или национальной идентичности.

Национальная идентичность и этнокультурный символизм оказываются, таким образом, тесно связанными и взаимозависимыми между собой категориями. Этнокультурный символизм определяется национальной идентичностью и национальной культурой, содержащей в себе ценности и символы древнего происхождения. В то же время содержание национальной идентичности во многом определяется содержанием этнокультурного символизма, то есть тем, как национальные элиты конструируют символы и манипулируют ими для формирования идентичности своей нации. Вот почему для определения содержания и состояния национальной идентичности Казахстана необходимо определить содержание и состояние его этнокультурного символизма.

Социокультурные процессы в постсоветских обществах определяются процессом, который получил название «нативизация». Он направлен на то, чтобы превратить национальный язык титульной нации в язык общего употребления всех проживающих в постсоветском государстве народов и все символы титульной нации в общие символы всего населения страны. В Казахстане нативизацию можно определить как казахизацию.

Казахизация, рассмотренная сквозь призму методологического подхода «центр-периферия», означает стремление казахского этнокультурного символизма (точнее, казахских элит, разрабатывающих и продвигающих этот символизм), занять центральное положение в этнокультурном символизме всего казахстанского общества. Это означает, что казахские символы, включая в первую очередь казахский язык как главный символ этнокультурного символизма, должны стать центральными, то есть обязательными для всего населения Казахстана. Вследствие этого символы, в частности, языки, других этносов станут периферийными. Это относится прежде всего к русским символам, включая русский язык.

Чем определяется главное значение казахского языка в системе казахского этнокультурного символизма? Ответ на этот вопрос определяется центральным положением языка в системе этнокультурного символизма нации или этноса вообще. Представление о том, что язык является определяющей характеристикой национального или этнического сообщества, восходит к древности. Как отмечает Джошуа Фишман, представление об особом положении языка в составе святой троицы (святой народ, святая земля, святой язык) восходит к иудео-христианской традиции с библейских времен [2].

Объективным основанием для такого представления является то, что язык представляет собой основное средство вербальной коммуникации человеческого общества. В языке объективируется человеческая мысль и благодаря этому она становится достоянием не только индивида, в голове которого эта мысль зародилась и оформилась в словесной форме, но и других людей. Для этого, однако, необходимо, чтобы другие люди также понимали язык, на котором выражена мысль.

Язык, следовательно, выступает символическим кодом для тех, кто на нем говорит. Этот код, представляя собой систему звуковых и графических символов, позволяет различать своих (тех, кто говорит на своем языке) от чужих (тех, кто не говорит на этом языке). Язык, иначе говоря, представляет собой символическую границу, отделяющую одно человеческое сообщество от другого. В этом состоит общий принцип существования нации: минимизировать внутренние различия (культурные, языковые, религиозные и прочие) и максимизировать внешние различия. Если говорить о языке, то действие этого принципа состоит в том, чтобы, как отмечает норвежский социолингвист Эйнар Хауген, в национальном сообществе существовал только один язык, один лингвистический код, на котором осуществляется вербальная коммуникация [3].

Вербальная коммуникация составляет символическую основу человеческого общения, благодаря чему становится возможным само существование во времени и пространстве социальных сообществ. Поэтому мы можем говорить о человеке как социальном существе во многом благодаря языку. Язык состав-

ляет основу человеческой культуры, которая в семиотическом плане также может быть рассмотрена как система символов. Язык лежит в основе литературы, драмы, поэзии, музыки, театра, кино, телевидения и других видов национального искусства, поскольку продукты этих видов культуры выражаются в языке. Если мы проинтерпретируем произведения литературы и искусства как системы символов, то лежащий в основе этих символов язык может трактоваться не только как субстрат, но и как их субстанция. Ведь человеческая мысль, как мы подчеркнули выше, неотделима от языка.

Если язык лежит в основе литературы и искусства и является средством их развития, то, в свою очередь, и они являются важнейшими способами развития национального языка. Посредством литературы и искусства, а следовательно, языка, национальное сообщество познает само себя. Но социальное самопознание невозможно без социальной самоидентификации, точно так же, как самоидентификация сообщества невозможна без его самопознания. Ведь познание самих себя, «нас», основывается на знании того, что есть «мы», и обратно.

Литература и искусство являются сферами современного общества эпохи модерна и относятся к так называемой высокой культуре. Но в традиционных обществах фольклор и народная музыка так же неотделимы от языка и таким же образом представляют собой формы самосознания этих обществ посредством развитого в формах народной культуры символизма. Для казахского традиционного кочевого общества фольклор существует в виде эпических сказаний о батырах, жырах и других видах устного народного творчества. Кочевые казахи не имели своей письменности, поэтому у них получила высокое развитие устная традиция. Музыка казахов, как и у других традиционных народов, была тесно связана с устной традицией, с языковым символизмом.

Таким образом, язык через фольклор, устное народное творчество и музыку соединяет в единую историческую цепь, в единое символическое целое следующие друг за другом поколения народа, этнокультурного сообщества, говорящего на этом языке. Следовательно, для этнокультурного сообщества

язык и история как его важнейшие символы теснейшим образом взаимосвязаны и переплетены, выступая в качестве его цементирующего материала на протяжении многих веков.

Народный язык (вернакуляр), по утверждению американского общественного деятеля восемнадцатого века Макферсона, есть не только столбовая дорога к истории, сам по себе он и есть история, голос ушедших времен, которые кружатся перед взором человека со всеми их свершениями [4]. Французский философ Этьен Фурноль заявлял в начале 1930-х гг., что язык и история являются близнецами, поскольку вместе они образуют две важнейшие потребности общества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Европе нет ни одной нации, появлению которых не предшествовали бы исследования в области филологии и археологии на протяжении последних пятидесяти – восьмидесяти лет [5].

Важнейшим символом самосознания человеческих обществ была и остается религия. Народы присоединялись к мировым религиям и вместе с тем присоединялись в той или иной мере к их сакральным текстам и сакральным языкам, которые были, как правило, мертвыми языками. Как отмечает Бенедикт Андерсон, чем мертвее религиозный язык, тем более он сакральный [6]. В результате в средние века в Европе сложилась иерархия языков: на вершине латынь как сакральный язык и язык просвещенной элиты, затем народные языки, или вернакуляры (итальянский, французский, английский, немецкий и другие), а внизу диалекты.

Революция Гутенберга – изобретение печатного станка – привела к зарождению и развитию в Европе печатного капитализма, когда печатание и продажа книг создали растущий рынок книг. По мнению Андерсона, развитие печатного капитализма привело к постепенному вытеснению с вершины иерархии языков латыни и выходу на передовые позиции вернакуляров, поскольку этого требовали растущие книжные рынки [7]. Это привело к возвышению вернакулярных языков – английского, немецкого, французского и других, которые постепенно становились языками высокой культуры, языками элитарных кругов Европы. Развитие литературы стало культурной

основой возвышения языков. Творчество Шекспира, Мильтона, Монтеня, Мольера, Расина, Сервантеса и других великих европейских писателей и поэтов способствовало превращению вернакуляров в литературные языки, языки высокой культуры, элитарные языки.

Печатный капитализм, как отмечает голландский социолингвист Ян Бломмарт, стал также инструментом распространения специфических языковых, лингвистических идеологий. Понятие языковой идеологии выросло из лингвистической антропологии Уорфа и Сепира, оно связано с социально и культурно укорененными металингвистическими концептуализациями языка и форм его употребления. Носители и пользователи языка в той или иной мере используют концепции языка и языкового употребления: концепции «качества», ценности, статуса, норм, функций, владения и т. д. Эти концепции определяют коммуникативное поведение пользователей языка; они осознанно или неосознанно пользуются этими концепциями и, тем самым, воспроизводят их. Эти концепции являются идеологическими конструктами и в них выражены стоящие за ними представления о мощи и власти. Употребление языка в обществе на самом деле идеологически стратифицировано и регламентировано, а потому «лучший» язык отличается от «менее адекватного» языка в любом аспекте его употребления. Так, например, письменный язык оценивается выше, чем устный язык, стандартный национальный язык рассматривается выше, чем диалект, а специфические экспертные языки признаются выше обыденного языка [8].

Внедрение печатного капитализма предоставило инструмент для распространения языковых идеологий, которые наделяли высшим престижем автономный, структурированный, семантически прозрачный письменный язык, язык элиты, который находился под контролем высшего и среднего классов общества. Этот язык в условиях печатного капитализма насаждается всему обществу как единственный Язык и противопоставляется «жаргонам», «наречиям», «диалектам» и иным формам «неточного», «вульгарного», «путаного» устного языка менее просвещенных масс. Этот был тот вид Языка, который

должен был быть положен в основу грамматик и словарей, а затем представлен нормативно как собрание четких правил в нарождающиеся национальные системы образования [9].

Одним из основоположников языковой идеологии в Новое время можно считать английского философа Джона Локка. Он разработал в высшей степени элитистский взгляд на язык как нечто, нуждающееся в «очищении» и деконтекстуализации как части программы рационалистического и беспристрастного индивидуализма, лежащего в основе эпохи модерна. Язык, в этом смысле, должен быть отделен от устной народной «традиции», вернакулярных рассказов и анекдотов простых людей, и воспринимаемых Локком как антирациональная, эмоциональная, хаотическая. Язык в смысле Локка стал «стандартным» языком модерна. Но прежде чем это случилось, в Европе зародилась другая, противоположная тенденция. Устная и народная традиция, отрицаемая Локком, была спасена немецким философом Иоганном Готфридом Гердером и его школой и возвышена до уровня «национального характера». Но «традиция» должна была быть рационализирована: традиция нуждалась в обновлении разновидностью прозрачного стандартного языка, отстаиваемого Локком. В результате столкновения взглядов Локка и Гердера возникла своеобразная комбинация традиции, понимаемой как национальная идентичность, с одной стороны, и рационалистических представлений стандартного разговора, которая стала основой для подъема национальных стандартных языков, как мы их знаем сегодня: лингвистических единиц, известных сегодня как «английский язык», «французский язык» и другие, с другой стороны. Эти лингвистические единицы, с одной стороны, определяются как деконтекстуализированные, следовательно, универсальные правила и нормы, а с другой стороны, они ограничиваются национальными пространствами, в рамках которых становятся эмблемами, или символами, национальной идентичности [10].

Система взглядов, рассматривающая язык как центральный элемент национальной идентичности и национального бытия, получила название романтизма. Основоположником романтизма считается Гердер, хотя он испытал на себе влия-

ние более ранних философов, в частности, итальянского философа Джамбатиста Вико, написавшего «Новую науку». Однако именно Гердер развил систему взглядов и идей, объединяющую язык, нацию и территорию в единое целое. Поэтому Гердер рассматривается также и как один из основателей национализма вообще. Романтический национализм стал одним из самых широко распространенных в мире идеологических течений на протяжении последних более чем двухсот лет.

В работах Гердера выражаются взаимодополняющие друг друга взгляды, что родной язык выражает душу или дух народа, и что поскольку язык представляет собой преимущественно коллективное достижение, язык является самым надежным для человека способом сохранения своеобразия, отличия от других, которое он наследовал от своих предков, а также для передачи его еще неродившимся поколениям. Языку поэтому принадлежит центральное место в эмоциональном и интеллектуальном поиске современного национализма самобытности и своеобразия народов и наций. Каждая нация ищет свое место в ряду современных наций, пытается определить свою миссию в истории человечества. Это место и миссия нации составляет ее суть, ее душу и сердце. Душа нации не только отражается в родном языке и защищается им, но родной язык есть важнейшая часть души народа и, в конце концов, сама эта душа. Поэтому для Гердера многообразие языков и культур в мире само по себе есть прекрасная вещь [11].

Романтический национализм, как было сказано, получил широкое распространение в мире, во всех его частях и регионах, поскольку везде в мире националисты ставят треугольник «язык-народ-земля» как фундамент определения нации в своих странах. Поэтому националисты так или иначе повторяют слова и мысли Гердера. Например, «без финского языка мы не финны»; «роль арабского языка в жизненной истории арабов состоит в том, чтобы фиксировать их творческую натуру, быть символом их единства и выражением их умственных и художественных способностей»; «наш каталонский язык, символ нашего народа, от которого он никогда не откажется, есть духовное основание нашего существования» [12].

Языковой национализм в Казахстане подчиняется общим мировым закономерностям романтического национализма, что связано с попытками государства и национальных элит определить национальную идентичность с помощью казахского языка и роли русского языка в этом процессе. В этом нам видятся в самом общем виде причины популярности в Казахстане романтического национализма, хотя сами элиты не осознают того, что их действия определяются логикой этого вида национализма.

Наиболее последовательными в определении национальной идентичности Казахстана посредством казахского языка являются казахские титульные элиты, или национал-патриоты. Достижение этой цели они видят в языковой казахизации казахстанского общества, что означает превращение казахского языка в единственное средство вербальной коммуникации не только между казахами, но и всеми национальностями Казахстана. В этом случае, как было сказано выше, казахский язык займет центральное, доминирующее положение в социальной жизни Казахстана, а другие языки, включая и русский, перейдут на периферийное положение. Как отмечает американский политолог и социолингвист Уильям Фиерман, казахские националисты рассматривают доминирование казахского языка как естественное следствие независимости Казахстана. Такой взгляд соответствует представлению, что только одна этническая группа, идентифицируемая только с одним языком, может предъявлять претензии на Казахстан как свою традиционную землю [13]. Но такой взгляд полностью соответствует логике романтического национализма, соединяющего язык, народ (этнос) и территорию в стремлении создать нацию и национальную идентичность.

Идентичность, которая может возникнуть на основе казахского романтического национализма, может быть определена как казахская идентичность. В самом общем виде она может быть определена как ответ «Мы казахи» на вопрос «Кто мы?» В определении казахской идентичности ключевую роль играет казахский язык, который должен обладать особым статусом по сравнению с другими языками республики. Взгляд, что ка-

захский и только казахский язык должен иметь особый статус в Казахстане неявно основан на романтическом представлении, что каждый язык имеет свою территорию распространения и культивирующее его государство [14]. Следовательно, казахский язык и казахская идентичность задают параметры национальной идентичности Казахстана в том смысле, что национальная идентичность должна совпадать с казахской идентичностью.

В силу исторических, культурных и иных причин доминирование казахского языка в современном Казахстане остается недостижимой целью. Как и в других постсоветских обществах нативизация сталкивается с сильными позициями русского языка и русско-советской культуры, обретенными ими еще в советский период и продолжающими доминировать в силу инерционности культурных процессов в постсоветском обществе. К тому же государство проводит в полиэтническом обществе Казахстана политику гражданского национализма и мультикультурализма, оказывая поддержку русскому и другим языкам. Это вызывает критику власти со стороны казахских национал-патриотов, которые призывают ее применять жесткие меры в отношении тех, кто не уважает государственный статус казахского языка и нарушает закон о языках.

Таким образом, сегодня казахизация, основанная на романтическом национализме, сталкивается с серьезными препятствиями в достижении доминирования казахского языка как главного символа этнокультурного символизма Казахстана. Противоречие казахской и казахстанской идентичностей способствует неопределенности в формировании национальной идентичности Казахстана.

Исторические аспекты языковой ситуации в Казахстане. Проблема обретения казахским языком реального статуса государственного языка представляет собой главное противоречие, узловое сплетение всей национальной проблематики современного Казахстана. Смысл этого противоречия выражается в том, что, с одной стороны, казахский язык не может занять ведущие позиции в казахстанском обществе и на деле соответствовать ут-

вержденному в Конституции РК статусу государственного языка. Ведущие позиции в Казахстане вот уже многие десятилетия прочно занимает русский язык. Но, с другой стороны, без реального доминирования казахского языка претензии казахов (и в первую очередь, выступающих от их лица этнических элит, национал-патриотов) на утверждение Республики Казахстан как своего национального государства не могут обрести под собой реальную почву. Ведь во всех других постсоветских государствах доминирование языка титульного этноса является незыблемой основой национальной государственности.

Русский язык является для казахского языка основным препятствием для его доминирования как государственного языка, как языка всеобщей вербальной коммуникации в казахстанском обществе. В Казахстане практически все, независимо от национальной принадлежности, говорят и пишут на русском языке, тогда как на казахском языке говорят по существу только казахи, да и то не все. Такое положение сложилось давно и сегодня трудно сказать, когда оно изменится в обратную сторону, а именно, когда все будут говорить и писать по-казахски, а на русском говорить и писать только часть общества.

Достижение реальной казахизации, чтобы все казахи, не говоря уже о других национальностях, знали бы казахский язык и говорили на нем в своем общении между собой, представляется сегодня сложной социальной и политической задачей, стоящей перед государственной властью как основным проводником языковой казахизации. Главной причиной здесь является русификация казахов и других народов Казахстана, утвердившаяся в республике еще в советское время и не сдающая своих позиций, несмотря на усилия власти и национал-патриотов, по сей день.

В результате проводившейся коммунистическим режимом политики национально-русского билингвизма, языкового двуязычия все коренные, титульные народы национальных республик СССР были в той или иной мере русифицированы. Однако, как отмечает американский политолог Брайан Силвер, добиться полной русификации титульных народов союзных республик советской власти не удалось [15].

Постсоветская практика показывает, что там, где титульные нации были менее русифицированы, а их культурная традиция была достаточно автономна от русско-советской культурной традиции, там языковая этнизация была достигнута быстрее и легче. В таких постсоветских государствах язык титульной нации приобрел доминирующее положение во всех сферах социальной жизни, а языковая ситуация перестала быть политической по своему содержанию проблемой.

В тех же новых независимых государствах, где в советское время титульные нации оказались более русифицированы, языковая этнизация достигается гораздо дольше и труднее. К числу таких государств можно отнести Казахстан, Кыргызстан, Белоруссию и в определенной мере (в восточной и южной части) Украину. В этих государствах (кроме Белоруссии) языковая проблема в ее постсоветском виде, то есть утверждение титульного языка в его государственном статусе, стоит в самом центре политической повестки дня. Без преувеличения можно сказать, что в современном Казахстане казахское национальное движение есть ничто иное, как казахское языковое движение.

Исторические корни сложной и противоречивой языковой проблемы в Казахстане, как видно из вышесказанного, уходят в советское прошлое, в проводившуюся коммунистическим режимом языковую и культурную русификацию всех нерусских народов СССР. Следует сразу же отметить, что проблема русификации казахов практически не исследована в современной литературе: ни в мировой, ни, тем более, казахстанской литературе.

В советском Казахстане политика русификации казахов осуществлялась под лозунгами интернационализма, расцвета и сближения наций, казахско-русского двуязычия и т. п. Необходимо отметить, что советская русификация казахов стала продолжением их более ранней, досоветской русификации, проводившейся в отношении казахов Российской империей. Эти два вида русификации казахов проводились разными методами и с разной степенью интенсивности и жесткости, но в то же время их объединяет стремление властей внедрить среди нерусских народов (включая казахов) русский язык и русскую

культуру. Такая политика направлена на ассимиляцию подчиненных народов в русской культуре и русском символизме.

В понимании русификации важно отметить то, что как внедрение русского языка и русской культуры среди нерусских народов, русификация является сознательной политикой государства, сначала империи, а потом коммунистического режима. Как осознанная политика государства русификация берет свое начало в восемнадцатом веке, в период царствования Екатерины II. Ее правление можно рассматривать как расцвет Российской империи, когда Россия значительно расширила свои территории по всем географическим направлениям. Эффективное управление разросшимися гигантскими пространствами предполагало создание соответствующего этим требованиям государственного аппарата, то есть государственного строительства в рамках империи.

Одним из главных средств государственного строительства стала лингвистическая рационализация на основе русского языка. Лингвистическая рационализация означает осуществление управления по единой стандартной процедуре на всех уровнях государственного аппарата и во всех частях государства на основе одного языка. Этим языком, естественно, является язык имперской нации, то есть той нации, от лица которой осуществляется имперское правление. В данном случае речь идет о русской нации и русском языке.

Внедрение русского языка в рамках политики русификации началось в это время в западных частях Российской империи, тогда как в ее восточных частях, включая казахские земли, языком управления стал татарский язык. Это стало следствием проводимой Екатериной политики поощрения татар переселяться в казахские степи. В результате, начиная с восемнадцатого века и на протяжении большей части девятнадцатого века, татарский язык стал в казахских землях официальным языком имперского правления. Татары, как известно, вошли в состав российского государства, а затем империи, еще в шестнадцатом веке. Многие из них оказались тесно смешанными с русским народом, ассимилированными русским языком и православием. Татарская элита пользовалась большим дове-

рием царской администрации в проведении ее колониальной политики в восточных частях российской империи. Поэтому перед служившими в колониальной администрации казахами, занимавшими низшие ее ступени (как правило, толмач-переводчик), стояла необходимость знания татарского языка [16].

Положение с языком колониальной администрации в казахских землях стало меняться с 1870-х гг., когда татарский язык в результате изменения политики имперского центра стал замещаться русским языком. Изменение в лингвистической рационализации Российской империи, связанное с возрастанием роли русского языка в колониальном управлении, стало следствием общего изменения в государственном строительстве России, которое дополнилось теперь необходимостью национального строительства, настоятельно потребовавшего его для выживания империи.

Замена ранней формы русификации ее более поздней, углубленной и расширенной разновидностью происходила в Российской империи в контексте коренной трансформации политической и культурной организации общества в Европе во второй половине XIX века. Эта трансформация была связана с ростом национализма на континенте и появлением на нем, вслед за Францией, национальных государств (Германии, Италии, Голландии, Испании, Швеции и некоторых других). Специфика европейского национализма состояла в том, что, в отличие от национализма на американском континенте, приведшего к появлению национальных государств в США и Южной Америке, где языковые вопросы не играли сколько-нибудь заметной роли, в Европе национализм был очень тесно привязан к языковой проблематике.

Система взглядов, рассматривающая язык как центральный элемент национальной идентичности и национального бытия, получила название романтизма. Основоположителем романтизма считается немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер, хотя он испытал на себе влияние более ранних философов, в частности, итальянского философа Джамбатиста Вико, написавшего «Новую науку». Однако именно Гердер развил систему взглядов и идей, объединяющую язык, нацию и территорию

в единое целое. Поэтому Гердер рассматривается также и как один из основателей национализма вообще. Романтический национализм стал одним из самых широко распространенных в мире идеологических течений на протяжении последних более чем двухсот лет.

В работах Гердера утверждаются взаимодополняющие друг друга взгляды, что родной язык выражает душу или дух народа, и что поскольку язык представляет собой преимущественно коллективное достижение, язык является самым надежным для человека способом сохранения своеобразия, отличия от других, которое он наследовал от своих предков, а также для передачи его еще неродившимся поколениям. Языку поэтому принадлежит центральное место в эмоциональном и интеллектуальном поиске современным национализмом самобытности и своеобразия народов и наций. Каждая нация ищет свое место в ряду современных наций, пытается определить свою миссию в истории человечества. Это место и миссия нации составляет ее суть, ее душу и сердце. Душа нации не только отражается в родном языке и защищается им, но родной язык есть важнейшая часть души народа и, в конце концов, сама эта душа. Поэтому для Гердера многообразие языков и культур в мире само по себе есть прекрасная вещь [17].

Как отмечает Хьюг Сетон-Уотсон, девятнадцатый век стал в Европе и ближайшей периферии золотым веком лексикографов, грамматиков, филологов и литераторов народных языков [18]. Этот период можно иначе назвать «филологической революцией». Филологическая, или лексикографическая (Б. Андерсон), революция дала сильнейший толчок развитию языков Европы. Деятельность элит, так или иначе связанных с местными языками, имела во многом конструктивный, точнее конструирующий, характер, поскольку в результате языки поднимались на новый уровень и становились главным инструментом формирования (конструирования) национальной идентичности. Иначе говоря, филологическая революция стала ядром появления и роста национализма в Европе. Этот национализм, в основе которого лежала романтическая философия, получил название языкового, или вернакулярного, национализма.

Филологическая революция вместе с тем породила и постепенно распространила в Европе убеждение, что языки являются персональной собственностью вполне определенных специфических групп их каждодневных пользователей и, более того, что эти группы, воображаемые как сообщества, наделены своим автономным местом в братстве равных (им таких же групп). Как остроумно замечает Андерсон, филологические поджигатели поставили имперские династии перед сложной, трудноразрешимой дилеммой, не терявшей к тому же своей остроты с течением времени. Смысл этой дилеммы состоял в необходимости выбора и создания унифицированного языка, способного соединить все части империи в единое целое [19].

Применительно к Российской империи речь шла о том, чтобы превратить русский язык из языка административного управления, который к тому же дополнялся в этом качестве татарским языком в тюркоязычных частях империи (то есть государственного языка в собственном смысле слова), в национальный язык. Чем же определялась необходимость такой языковой трансформации Российской империи?

В Европе второй половины XIX века быстро возрастал престиж национальной идеи, поэтому перед всеми династиями этого континента встала задача каким-то образом вписаться в эту тенденцию, обрести новую для себя национальную идентичность. Поэтому Романовы вдруг обнаружили себя великорусскими, Ганноверская династия – англичанами, Гогенцоллерны – немцами. При этом их кузены и кузины с таким же успехом превратились в румын, греков и т. д. [20]. Это были способы подстраивания монархий и империй под новый политико-культурный принцип организации человеческого общества и пространства, который стал теперь главным легитимирующим фактором существования государства. Это новый тип государства, принципиально отличающийся от империи, королевства, княжества, графства, города-республики и других типов традиционного государства, получил название национального государства.

Подстраивание империи под модель национального государства, «натурализация» (или «национализация») европей-

ских династий, вела в конце концов к тому, что Сетон-Уотсон колко охарактеризовал как «официальный национализм», наиболее известным примером которого была царистская русификация. Все империи того времени проводили в своих владениях политику, аналогичную русификации: англизация, проводившаяся Британской империей в ее заморских колониях и Ирландии, франкизация – во французских колониях и Алжире (являвшегося до 1962 года частью Франции), германизация – в Австро-Венгерской империи, японизация – в завоеванных в XXв. Японией Корее, странах Юго-Восточной Азии и других территориях.

Эти «официальные национализмы» лучше всего могут быть поняты как способ соединения натурализации (национализации) империи с сохранением династической власти над многочисленными разноязычными областями, захваченными с прежних, донациональных времен. Иначе говоря, «официальный национализм», по замечанию Андерсона, представлял собой попытку натянуть короткую и тесную шкуру нации на гигантское тело империи [21].

Политика русификация разнородного населения Российской империи выражала, таким образом, сознательное слияние двух противоположных политических порядков, старого (имперского) и нового (национального). Однако реализовать, подстроить под себя политико-культурную модель нации империям, включая Российскую, было гораздо труднее. Национальные государства к моменту своего образования обладали уже в значительной мере культурной однородностью, без которой невозможно существование нации как таковой. Нация является единством политического и культурного сообществ. Империи же изначально были культурно разнородными, и это было для них нормальной ситуацией. Политическая и военная гегемония имперского центра позволяла ему без проблем править над включенными в империю народами и регионами безо всякой культурной и языковой однородности.

Говорить о полной культурной однородности первых национальных государств было бы, однако, неосмотрительно. В США относительная культурная однородность, следовательно,

достаточно зрелая и основанная на ней национальная идентичность, была достигнута после Гражданской войны, то есть после 1860-х гг. Во Франции, так же ведущей отсчет своего существования как национального государства с конца XVIII века, после революции 1789 г., достижение культурной однородности, то есть «превращение крестьян во французов» заняло длительный исторический период, завершившись фактически к началу XX века [22]. Тем не менее, именно модель национального государства в наибольшей мере способствовала требованиям индустриальной и научной революции, социально-экономической модернизации в целом.

Неслучайно, модель нации стала столь привлекательной для всех европейских государств, вступивших на путь модернизации. Модель национального государства стала поэтому объектом для подражания и даже своеобразного пиратства. Нация обнаружила себя, по словам Андерсона, «изобретением», которое невозможно было обеспечить патентом. Поэтому она оказалась доступной для своеобразного пиратства самыми разнообразными и порой совершенно неожиданными руками [23].

Официальной политикой, официальным национализмом в его полном масштабе русификация становится при Александре III (1881–1894 гг.). Внедрение русского языка во всех частях Российской империи оказалось необходимостью не только для национального строительства культурно, цивилизационно и лингвистически разнородного населения вокруг русского ядра. Неменьшее значение это внедрение имело и для подавления национализма украинцев, финнов, поляков, латышей, кавказских народов, зародившегося и получившего развитие в различных частях гигантской империи как реакция населявших их народов на имперскую политику царской власти, колониальный статус своих регионов, преследование национальных элит и эксплуатацию широких масс.

В конце XIX-начале XX вв. национальный вопрос в России приобрел небывалую остроту. Россия, по словам В.И. Ленина, была тюрьмой народов. Среди многих причин этого явления одной из главных была русификация, проводившаяся царским режимом насильственными методами. Русификация не могла,

конечно, не быть насильственной, ведь речь шла о навязывании народам культурно и цивилизационно чуждого им символизма, вербально-коммуникативного кода.

Казахи входили в состав Российской империи около двухсот лет, с 1731 по 1917 гг. Если в XVIII в. влияние империи на казахов было невелико, поскольку Россия была занята в то время выходом к Балтийскому и Черному морям, то в XIX в., особенно после 1822 г., когда был принят указ о сибирских киргизах, положение принципиально изменилось. С этого времени началась настоящая колонизация казахов.

Российская колонизация привнесла в жизнь казахов значительные изменения. К их числу можно отнести административно-территориальное деление казахских земель и государственно-бюрократическое управление коренным населением на основе этого деления, расширение торговых, экономических и иных контактов казахов с русскими, татарами и другими народами, внедрение начального образования среди казахских детей и т. д. Все эти меры так или иначе способствовали модернизации традиционного казахского кочевого общества.

Одним из главных результатов социальной и мировоззренческой модернизации традиционного казахского общества стало появление этнической колониальной элиты. Наиболее яркими ее представителями в XIX веке стали Шокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев. Само появление этой элиты стало результатом мировоззренческих изменений, которые привнесла с собой колониальная модернизация.

Особенность колониальной элиты состояла в том, что она оказалась способной увидеть и осознать привнесенные колонизацией различия и сравнить их с жизнью своего общества. В ходе общения с колониальными властями и вообще с русскими людьми представители казахской элиты стали воспринимать многие привнесенные институты и предметы как новшества, новации, отождествляемые ими с передовым, а свое с отсталым. Это стало возможным вследствие того, что вместе с восприятием модернизации в сознание казахской элиты проникла идея прогресса как мировоззренческая основа модернизации.

Восприняв модернизационное сознание, казахская элита расширяет свой взгляд на мир. Она видит теперь его не только как мир кочевников-скотоводов, но и с более широкой перспективой. Казахской колониальной элите открывается новый взгляд на мир, включая казахское кочевое общество. Это взгляд с иных философских позиций, с позиций идеи прогресса. Модернизированный мир, в который оказались включены кочевые казахи, предлагает новое понимание человека, способного осуществлять прогресс на практике.

Традиционное казахское общество есть общество простого воспроизводства экономических и всех иных социальных форм жизни. В таком обществе люди живут так же, как и их предки, столетиями ничего не меняется. Человек здесь ценит не новое, но наоборот, старое, проверенное веками, видя в нем основу своего бытия. В том обществе, которое принесли с собой в степь русские, жизнь меняется гораздо быстрее, каждое поколение привносит с собой нечто новое, чего не знало предыдущее поколение. Это общество расширенного воспроизводства социальных жизненных форм, общество прогресса.

С идеей прогресса в сознании колониальной элиты связываются представления и ценности труда, создания нового, знаний, умений, навыков, квалификаций и, идя дальше и глубже, знания и науки. Колониальная казахская элита связывала эти качества с русскими, видя в этом достойный пример для подражания. В «Қара сөз» Абай призывает казахов не смеяться над русскими, татарами, сартами, но, наоборот, учиться у них их умениям и качествам, которые помогут казахам встать на путь прогресса. Особое значение он придает знанию и науке, рассматривая их как высшие ценности, к которым должен стремиться человек. Как патриоты своего народа, Абай, Шокан и Ибрай стремились к тому, чтобы казахи стремились к грамоте, знаниям, науке и стали просвещенным народом. Однако, рассуждения Абая в «Қара сөз» полны горечи от того, что казахи вместо того, чтобы стремиться к знаниям, науке, к новому, наоборот, предаются лени, самодовольству и другим порокам, предпочитая оставаться невежественными самим и оставляя неграмотными своих детей [24].

Рассматривая как высшую ценность науку, знания и культуру русских, казахская колониальная элита не могла иначе относиться и к русскому языку. Практически вся казахская элита XIX в. прекрасно знала русский язык. Шокан Валиханов получил образование в Омском кадетском корпусе и состоял как военный офицер на государственной службе. Абай хорошо знал русскую литературу и перевел на казахский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова.

Русский язык воспринимался казахской колониальной элитой как язык прогресса, к которому они хотели приобщить казахов. Благодаря переводам Абая Пушкин и другие русские классики звучали на казахском языке, но это был способ приобщения казахов к русскому миру, но вместе с тем способ культурной и в определенной мере языковой русификации кочевого населения. Схожие явления культурной русификации народов Российской империи происходили в этот период в других ее частях. Например, переводом басен Крылова на азербайджанский язык занимался Мирза Фатали Ахундов.

Особое значение среди мер языковой русификации имело начальное образование на русском языке среди казахских детей. Как было отмечено выше, в 1870-е гг. в казахских землях происходила замена татарского языка в качестве официального языка административного управления на русский. Такое же изменение происходило в системе образования с указом Александра III, запретившем преподавание среди казахов на татарском языке и утвердившего в этом качестве русский язык.

Среди представителей казахской элиты, сыгравших большую роль в распространении образования среди казахских детей на русском языке, особое место занимает Ибрай Алтынсарин. Он был соратником Николая Ильминского, известного русского востоковеда, деятеля образования и православного миссионера в восточных частях Российской империи, включая и казахские земли. Ильминский, боясь татарского влияния на казахов, рекомендовал царским властям убрать татарский язык из системы административного управления и образования и заменить его русским языком.

Его деятельность в сфере образования была направлена на обучение детей восточных народов, включая казахов, начальной грамоте. Ильминский считал, что для облегчения выполнения целей обучения детей коренных народов и проникновения в их души необходимо вести преподавание на их родном языке. Для этого требуется разработать письменность восточных языков, бывших, как правило, бесписьменными. Этой письменностью, естественно, была кириллица. По Ильминскому, такая мера будет помогать внедрению в умы и сердца обучаемых детей русских и православных ценностей и в то же время отстранять их от арабской письменности с ее связью с исламом. Школы Ильминского были, следовательно, школами русификации казахских и других восточных детей. Тем более, что начиная со второго года обучения в его школах единственным языком преподавания был русский язык, тогда как родной язык детей был всего лишь одним из предметов обучения [25].

Как один из видных деятелей казахской колониальной элиты, Ибрай Алтынсарин видел в русском языке и образовании детей на этом языке главный способ развития казахского народа. Вся его жизнь была посвящена делу обучения казахских детей в российской системе образования. Именно поэтому он стал соратником Николая Ильминского в деле становления и развития образования казахских детей на русском языке. Как и Шокан Валиханов, Алтынсарин видел в исламе источник невежества и отсталости казахского народа. Он стал одним из сподвижников письменности казахского языка на кириллице. Противоречие его жизни и деятельности состояло в том, что будучи казахским патриотом, он вместе с тем стал и одним из проводников русификации среди казахов.

Первая казахская светская школа начала функционировать с 1841 г. в Букеевской орде по инициативе хана Джангира. В 1850 г. при Оренбургской пограничной комиссии открылась другая светская школа. В последней трети XIX в. открылись городские училища, приходские училища, прогимназии, русско-казахские и русско-туземные училища и школы, школы первоначальной грамотности. С 1898 по 1914 гг. количество начальных школ в Казахстане выросло с 730 до 1988, а числен-

ность учащихся в них с 29, 1 тыс. до 101 тыс. человек. Царизм, по словам Н.А.Казбековой, рассматривал школьное образование как одно из действенных средств русификации национальных меньшинств. «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, – писал в 1870 г. царский министр народного просвещения Д.А. Толстой, – бесспорно, должно быть обрусение и слияние с русским народом» [26].

Следует, впрочем отметить, что эта ранняя русификация, как и вся дореволюционная колониальная русификация казахов носила ограниченный характер. Она ограничивалась преимущественно элитными слоями казахского общества, тогда как основная масса кочевников знала только лишь родной язык. Как отмечает Марта Брилл Олкотт, начиная с 1870-х гг. казахская родовая аристократия стала отдавать своих детей на обучение в русские школы, видя в образовании на русском языке залог сохранения своих и своего потомства позиций в системе колониальной администрации и в увеличении своего богатства [27].

Из этого поколения получивших образование в русских школах казахов к концу XIX в. выросла новая волна казахской колониальной элиты. Она была более многочисленной, чем первая волна казахской элиты, свободно говорила и писала на русском языке, не порывая при этом, впрочем, с родным языком. Многие выпускники русских колониальных школ не ограничивались только начальной школой, но продолжили образование в средней и старшей школе уже за пределами казахских земель. С каждым годом число таких учащихся возрастало и многие из них продолжали учебу в университетах России, а некоторые и в Европе.

Впрочем, в самом Казахстане к концу XIX в. стали появляться профессиональные заведения. Первыми профессиональными учебными заведениями стали Туркестанская учительская семинария, основанная в 1879 г., и Оренбургская казахская учительская школа (1883 г.). Позже учительские семинарии открылись в Актюбинске, Верном, Семипалатинске, Уральске. Эти учебные заведения подготовили за весь дооктябрьский период 300 учителей-казахов. В XIX в., из сельскохозяйственных и фель-

дшерских школ, откуда выходили специалисты со средним образованием [28].

В результате к концу XIX – началу XX вв. появилась казахская национальная интеллигенция, узкая прослойка людей, владевшая такими специальностями, как учитель, врач, фельдшер, инженер, журналист, административный работник, землемер, ветеринар и многими другими. Появление такой социальной прослойки свидетельствовало о расширении и углублении колониальной модернизации в казахской степи. В принципе, развитие казахской элиты подчинялось тем же закономерностям, что и в колониях других империй, в восточной, южной Азии, тропической Африке, на Ближнем Востоке и в других частях мира.

Не менее закономерным является появление националистической группы в среде национальной интеллигенции. Такая тенденция наблюдалась в эволюции национальной элиты в большинстве колониальных стран. Она же обнаружила себя и в казахской колониальной элите. На основе этой группы в 1917 г. была организована национальная партия «Алаш». Рост казахского национализма стал реакцией элиты на ужесточение колониальной политики царской администрацией. Особенно остро встал земельный вопрос, когда царизм стал поощрять крестьянство из центральных частей России на переезд в казахские земли и передачу им участков земли за счет пастбищ кочевых казахов. Элита стала рупором протеста казахского народа.

Если первая волна казахской колониальной элиты видела многие позитивные моменты русского влияния на казахов, то вторая волна заметно отличалась от своих предшественников, борясь с негативными последствиями российского колониализма. Это касалось не только земельного вопроса, но и системы образования, имевшей отчетливую русификаторскую направленность. В условиях ужесточения российской колониальной политики в казахских землях, роста великорусского шовинизма, внедрение русского языка в образование казахских детей рассматривалось националистической элитой резко отрицательно.

Ахмет Байтурсунов, как один из лидеров зарождающегося национального движения казахов, выступал против русификации казахских детей, обучающихся в колониальных школах. Особенно сильно он возражал против использования кириллицы как письменности казахского языка. В качестве противовеса подобным действиям колониальных властей Байтурсунов разработал алфавит казахского языка на основе арабской письменности, получивший название төте жазу. Алфавит төте жазу был приспособлен к фонетическим особенностям казахского языка, включая в себя графемы характерных для него звуков, в том числе гласных. Обучение грамоте с помощью төте жазу было намного доступнее казахским детям, как, впрочем и взрослым. В то же время создание этого алфавита на основе арабской письменности приближало казахов к исламу, к своим культурно-цивилизационным основаниям.

Деятельность Ахмета Байтурсунова в этом направлении сближала его с джадидизмом, общественно-политическим и интеллектуальным движением среди тюркских народов Российской империи конца XIX – начала XX века. Хотя Байтурсунов не причислял себя к джадидам и его самого так же не причисляли к джадидизму, тем не менее его просветительская деятельность и филологическая работа может быть понята сквозь призму этого движения и его идеологии.

Джадидизм оставил наибольший след в истории своими преобразованиями в сфере образования. Джадиды критиковали традиционную исламскую систему образования, предлагая реформировать ее с тем, чтобы она соответствовала требованиям модернизации, в которую их общества оказались вовлеченными в рамках колонизации их Российской империей. Традиционное исламское образование в соответствии с требованиями дня должно было идти навстречу европейскому образованию. Джадиды стали создавать новометодные школы (усул-и джадид), в которых старались соединить исламское образование со стандартными европейскими способами обучения – парты, скамьи, доски, деление учеников на классы, а учебного времени на уроки. Это была классно-урочная система преподавания.

Главное значение в джадидистской реформе образования имело введение аналитико-звукового метода преподавания грамоте вместо традиционного буквослагательного. Звуковой метод предполагает большую роль гласных звуков, тогда как буквослагательный основан на слогах, состоящих только из согласных звуков. Звуковой метод потребовал трансформации арабского алфавита посредством введения в него букв, обозначающих гласные звуки. Эту идею впервые предложил основатель джадидизма и пантюркизма Исмаил Гаспринский. Төте жазу Байтурсунова основан на алфавите, предложенном Гаспринским.

Төте жазу получил достаточно большое распространение в свое время. Как письменность казахского языка он применялся как до революции, так и в первые годы советского периода. После внедрения советским режимом латинского алфавита для тюркских языков төте жазу перестал использоваться как письменность казахского языка. Төте жазу сыграл большую роль в противодействии русификации казахов.

Оценивая в целом русификацию казахов в дореволюционный период, отметим еще раз, что она носила ограниченный характер. Русифицированной оказалась только очень узкая страта казахской колониальной элиты, тогда как широкие слои кочевого общества остались вне влияния русского языка и культуры.

Литература

- 1 *Эйзенштадт С.Н.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Aspect Press, 1999. – С. 138–143.
- 2 *Fishman J.A.* Language and Nationalism. Two Integrative Essays. – Rowley, MA: Newbury House Publishers, 1972. – P. 44.
- 3 *Haugen E.* Dialect, Language, Nation // *American Anthropologist*. Vol. 68, 1966. – P. 922–935, p. 928.
- 4 *Fishman J.A.* Language and Nationalism. Two Integrative Essays. – P. 45.
- 5 *Ibid.*
- 6 *Anderson Benedict.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London and New York: Verso, 1991. – P. 14.

-
- 7 *Anderson Benedict*. *Imagined Communities*. – P. 37–46.
- 8 *Blommaert J.* *Language Policy and National Identity*. – In: Ricento T. *Introduction to Language Policy: Theory and Method*. – Wiley-Blackwell, 2008. – P. 241–242.
- 9 *Blommaert J.* *Language Policy and National Identity*. – P. 242.
- 10 *Ibid.*
- 11 *Fishman J.A.* *Language and Nationalism. Two Integrative Essays*. – P. 46.
- 12 *Ibid.*
- 13 *Fierman W.* *Changing Urban Demography and the Prospects of Nationalism in Kazakhstan // Canadian Review of Studies in Nationalism*. Vol. XXVII (2000). – P. 7–20, p. 12.
- 14 *Ibid.*
- 15 *Brian Silver*. *Language Policy and the Linguistic Russification of Soviet Nationalities // Jeremy Azrael (ed.) Soviet Nationality Policies and Practices*. – New York, 1978. – P. 282–286.
- 16 *Martha Brill Olcott*. *The Politics of Language Reform in Kazakhstan // Isabelle T. Kreindler (ed.) Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present, Future (Berlin, 1985)*.
- 17 *Fishman J.A.* *Language and Nationalism. Two Integrative Essays*. – Rowley, 1972. – P. 46.
- 18 *Hugh Seton-Watson*. *Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Boulder, 1977. – P. 11.
- 19 *Anderson Benedict*. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. – London and New York, 1991. – P. 84.
- 20 *Anderson Benedict*. *Imagined Communities*. – P. 85.
- 21 *Anderson Benedict*. *Imagined Communities*. – P. 86.
- 22 *Eugen Weber*. *Peasants into Frenchmen*. – Stanford, 1976.
- 23 *Anderson Benedict*. *Imagined Communities*. – P. 81.
- 24 *Абай*. *Қара сөз*. – Алматы, 2009.
- 25 *Laitin David D.* *Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. – Ithaca and London, 1998. – P. 42.
- 26 *Казбекова Н.А.* *Джадидизм и народное образование в конце XIX – начале XX веков // Вестник КазГУ*. – № 2.
- 27 *Martha Brill Olcott*. *The Kazakhs*. Stanford, 1987. – P. 104.
- 28 *Казбекова Н.А.* *Джадидизм и народное образование в конце XIX – начале XX веков*.

5 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ КАЗАХСТАНА: ЭТНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ – ГРАЖДАНСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ

Флаг, герб и гимн как атрибуты государства

В данном разделе мы рассмотрим государственные символы с точки зрения их влияния и воздействия на национальную идентичность Казахстана. Прежде всего для нас представляет интерес вопрос: влияют ли символы государства на национальную идентичность граждан Казахстана? Для этого важно понять, каков вообще идентификационный потенциал государственных символов? Какие компоненты – этнические или гражданские – доминируют в государственных символах Казахстана и как они связаны с национальной идентичностью?

Любое национальное государство создает свои символы, с помощью которых оно представляет себя на международной арене. В международной практике государственные символы являются отличительными знаками, представляющими государство как носителя суверенитета и члена международного сообщества. Современное международное сообщество насчитывает около двухсот государств. В этом сообществе каждое государство рассматривает себя как равное среди равных. При этом размер, численность населения, экономическая и военная мощь не имеют никакого значения. В соответствии с этим каждое государство стремится разработать свои символы и требовать к ним уважения не только от своих граждан, но и от других государств, утверждать с помощью символов свое достоинство и независимость.

К главным государственным символам относятся флаг, герб и гимн. Именно они выступают как символические представители государства в международных отношениях. Везде,

где государства вступают в те или иные отношения, так или иначе присутствуют их символы. На международных соревнованиях мы различаем спортсменов по гербам и майкам на их одежде. Нередко мы болеем за того или иного спортсмена в зависимости от того, какое государство он представляет. Если спортсмен представляет нашу страну или же дружественное нам государство, то и наши симпатии на его стороне. В честь призеров соревнований поднимаются национальные флаги, а в честь их победителя исполняется еще и гимн его страны.

Флаг, герб и гимн государства рассматриваются в современном мире как его атрибуты. Эти атрибуты, имеющие символический характер, отражают фундаментальные признаки государства, без которых государство как таковое существовать не может. Речь идет о таких атрибутах государства, как территория, население и правительство. Правительство создает законодательство, на основе которого функционирует и вступает в отношения с другими государствами данное государство. Фундаментальные признаки государства соответствуют классическому политико-правовому определению государства, данному в Конвенции прав и обязанностей государства, принятой в 1933 г. в столице Уругвая Монтевидео.

В истории человечества существовали различные формы государства. Универсальной формой государства в современном мире является национальное государство, в котором выражено определенное соответствие между территорией и населением государства. В национальном государстве, или нации-государстве, население и его территория представляют собой определенный тип сообщества, который называется нацией. Современный мир является сообществом национальных государств, в котором каждая нация обладает или стремится обладать своим государством.

Традиция государственных символов имеет древние корни, восходя к отличительным знакам, которые создавали и передавали из поколения в поколение человеческие коллективы даже в то время, когда еще не появились первые государства. С помощью определенных знаков, символов различные группы людей, объединенных языком, религией, образом жизни

или какими-то иными признаками, стремились отделить себя от других и выделить среди других коллективов и социальных групп.

Уже в древности у племен и родов, вошедших в состав казахского народа, существовали особые знаки, тамги, и боевые кличи, ураны, которые позволяли отличать одни племена от других. Казахские племена выносили изображение тамги на свои знамена, с которыми они выходили в бой. Воины выкрикивали уран, который нередко обозначал имя далекого предка, прародителя племени или рода. Тамга и уран своего племени становились для казахов выражением общего для них духа, связи с предками, их поддержки в ежедневной жизни и войнах с другими племенами и потому имели для них значение особой святости.

Современные государственные символы выросли по существу из отличительных знаков племен, народов, религиозных сообществ, прото-государств и традиционных государств, к коим относились всевозможные княжества, герцогства, полисы, города-государства, империи и т. д. Идея и практики государственности зародилась в регионе Средиземного моря и прилегающих к нему частях мира, а затем получили свое развитие на европейском континенте.

В средние века и на ранних стадиях Нового времени европейские государства, от самых крохотных городов-государств до великих империй, рассматривались как собственность, принадлежность их правителей, дарованная им богом. Геральдические знаки правящего в этих государствах аристократического рода были в то же время символами их суверенных владений. Каждый аристократический род имел свои геральдические знаки, прежде всего, гербы и знамена, приобретающие значение гербов и знамен традиционных государств.

В Новое время и в эпоху Просвещения идея государства и суверенитета претерпели значительную трансформацию. Идея рационального государства (по-французски, *raison d'état*) появляется в Западной Европе, в первую очередь во Франции и Англии, первыми в истории рациональными государствами, в первой половине семнадцатого века. Европейское рациональное государство принципиально отличается от средне-

вековых империй и городов-государств прежде всего идеей суверенитета. В средневековом государстве суверен совпадал с его верховным правителем, тогда как в государствах нового типа сувереном становится сама идея государства как единства его территории и населения. В европейском сознании эпохи Просвещения государство само по себе является ценностью, причем эта ценность определяется не божественным предопределением, что характерно для средневекового сознания, а разумом и деятельностью автономного в своих суждениях и поступках человека.

Рациональное государство и приходящее ему на смену национальное государство являются намного более сложными в количественном и качественном отношении социально-политическим образованиями, чем традиционное государство. В основе национального государства лежит идея представительства и воображаемого сообщества. Поэтому идея государства в новых условиях является во многом абстрактной идеей. Абстрактной потому является и идея суверенитета, поскольку она связывается не с каким-то конкретным лицом, но с воображаемым, следовательно, абстрактным, сообществом и воображаемой территорией.

Употребляя выражение «воображаемое сообщество», мы прежде всего имеем в виду концепцию нацию, предложенную Бенедиктом Андерсоном в его ставшей классической книге «Воображаемые сообщества» [1]. Согласно Андерсону, нацию составляют люди, которые определенным образом, или способом, рассматривают, или воображают, некое сообщество как единое целое и считают себя принадлежащими к нему. Человеческая способность воображения необходима при понимании нации потому, что в современном мире нации представляют собой крупные сообщества, проживающие на обширной территории, которые невозможно охватить одним взглядом, не говоря уже о том, чтобы знать персонально каждого его члена.

Национальная идентичность основана на способности индивида воображать человеческие сообщества как некую единую социальную сущность и соотносить себя с ними. Нация при таком ее понимании есть ни что иное, как сообщество ин-

дивидов, имеющих общую идентичность, то есть воображающих себя как принадлежащих этому сообществу. Следовательно, нация не есть объективированная общность людей с общей для них генетикой, как это представляется примордиалистскому подходу к нации. Наоборот, нация есть сообщество людей, объединенных субъективной ментальностью воображения себя и других как чего-то единого и неразрывного.

Территория, будучи с одной стороны, объективным признаком государства, оказывается вместе с тем, в силу своей обширности, способом воображения нации. Большинство современных наций проживают на достаточно большой территории, превышающей по размеру территорию деревни или даже города, чтобы их можно было охватить одним взглядом. Для восприятия (то есть воображения) нации и ее территории на помощь приходит географическая карта, в первую очередь, политическая карта мира, представляющая земной шар как совокупность национальных государств. Географическая конфигурация территории государства нередко служит одним из его определений. Например, в географическом смысле Францию часто упоминают (прежде всего, сами французы) как «шестиугольник». На государственном флаге Кипра изображен остров как территория этого островного государства.

В государственном гимне Республики Казахстан имеются строчки: «Ұрпаққа жол ашқан, Кең байтақ жерім бар», которые можно рассматривать как географическую ассоциацию и, следовательно, как способ воображения казахской нации. Эта ассоциация должна вызывать в памяти и воображении широкие степные просторы Казахстана, кочевое прошлое его народа, воспроизводить в национальном сознании культурно-цивилизационные основы казахов как коренного этноса государства.

Выражая абстрактные идеи государства и его суверенитета, флаг, герб и гимн государства так же приобретают символический характер. Цвета и сочетание цветов, орнаменты, кресты, полумесяцы и другие геометрические фигуры на флаге и гербе, проникновенные слова, строки и музыка гимна призваны отражать идею единства нации, территории и культуры государства, его связи с прошлым и устремленностью в будущее.

К числу государственных символов иногда относят и национальный девиз. Под этим имеют в виду определенный лозунг, выражающий надежды и чувства граждан и государства в отношении прошлого и будущего страны. Национальный девиз иногда изображается на флаге и гербе государства. Например, на флаге Бразилии написаны слова «Прогресс и порядок», а на гербе США на ленточке в когтях орла записано «Единство в многообразии». Эти фразы рассматриваются как национальные девизы этих стран.

Сегодня, однако, многие государства не имеют национального девиза как своего государственного символа. Считается, что национальный девиз выражен в тексте гимна государства, особенно в его первых строчках. Например, первые слова гимна Великобритании «Боже, храни королеву» отражают национальные чаяния Соединенного Королевства как конституционной монархии, объединившей всех британцев и королеву как живого символа этого единства.

Таким образом, флаг, герб и гимн являются общепринятыми в мире символами государства. Подобно удостоверению личности отдельного человека, государственные символы являются идентификационными знаками государства на международной арене. Как атрибуты государства флаг, герб и гимн являются олицетворением государства. На международной арене государственные символы призваны демонстрировать независимость и суверенитет государства, его равный статус с другими государствами в системе международного права и международных отношений.

Следует отметить, что то, что в Казахстане и других постсоветских государствах называется государственными символами, вне постсоветского пространства принято называть национальными символами (national symbols). Такое различие на самом деле является неслучайным, оно вытекает из различия, которое вкладывается в понятие нации на постсоветском пространстве и в других частях мира. На постсоветском пространстве нация как понятие в общественном сознании рассматривается как этнос, что соответствует советскому пониманию нации. В то же время государство при таком понимании рассматривается ав-

тономно от нации, как только лишь политико-административный орган управления территорией и полиэтническим (многонациональным) населением.

В целом в международной теории и практике нация понимается как нация-государство, соединяя в себе нацию как полиэтническое сообщество и государство как социально-политический институт. При таком понимании нации национальное строительство представляет собой национально-государственное строительство. Поэтому то, что мы рассматриваем как государственные символы оказывается ни чем иным, как национально-государственными символами, или же просто национальными символами. Ведь нация есть, как было сказано, нация-государство. Однако, в силу того, что термин «государственные символы» в смысле национальных символов прочно вошел в повседневную практику социально-политической жизни Казахстана, мы будем употреблять его в дальнейшем изложении.

На внутренней арене государственные символы указывают на верховенство государства в системе права, регулирования отношений в обществе, выполнении важнейших социальных функций. Во внутриполитическом плане особое место среди государственных символов принадлежит гербу, поскольку именно герб изображен на печатях государственных органов различных уровней. Главная функция печати состоит в удостоверении, подтверждении истинности какого-либо документа, изданного организацией или юридическим лицом. Печать государственной организации, так называемая гербовая печать, должна подтверждать авторитет государства в системе правовых и иных отношений.

В силу этого авторитета неудивительно, что именно государство обладает исключительным правом на установление своих символов. Никакой иной субъект в обществе, кроме государства, не может устанавливать государственные символы, которые утверждаются конституцией как главным законом государства. Подробное описание и порядок использования государственных символов определяются в специальном законе или ином акте общегосударственного значения.

Образование в декабре 1991 г. независимого государства Республики Казахстан поставило перед ним задачу создания собственных символов – флага, герба и гимна. Хотя Республика Казахстан была преемником Казахской Советской Социалистической Республики, однако новое государство не могло использовать советские символы. Осталась прежняя территория, сохранилось проживающее на ней население, но изменилось государство, его политическая система, идеология, а вместе с ним изменилось и общество, его сознание.

Отказ нового государства от коммунистической идеологии сделал невозможным использование им советских символов, коммунистических по своему идеологическому содержанию. Требовались новые государственные символы, которые отражали бы идею независимости Казахстана, причем речь здесь идет о независимости не только государственной, но и, что не менее важно, независимости идеологической, освобождении от пут коммунистической идеологии и самостоятельном выборе идеологических оснований новой государственности.

Флаг, герб и гимн Республики Казахстан должны отражать в первую очередь идею независимости государства, независимости его народа, выхода на первый план его культуры и ценностей, возможностей их развития без оглядки на внешние центры власти и их идеологию. Как подчеркивает Президент Казахстана Н.А. Назарбаев: «Государственные символы – это одна из незыблемых основ нашего государства, нашего суверенитета. Они выражают священный объединяющий образ Независимости» [2].

Такие государственные символы были созданы в 1992 г. после подведения итогов объявленных государством конкурсов на разработку флага, герба и гимна Республики Казахстан. С тех пор на международной арене Казахстан представлен своими флагом, гербом и гимном. Эти государственные символы играют большую роль в социально-политической жизни общества практически во всех его сферах.

Государственный флаг Республики Казахстан представляет собой прямоугольное полотнище голубого цвета с изображением в центре солнца с лучами, под которыми парящий орел. У древка вертикальная полоса с национальным орнаментом.

Изображения солнца, его лучей, орла и орнамента – цвета золота. Автором государственного флага Казахстана является заслуженный деятель искусств Шакен Ниязбеков. Государственный герб Республики Казахстан имеет форму круга и представляет собой изображение шанырака на голубом фоне, от которого во все стороны в виде солнечных лучей расходятся уйки. Справа и слева от шанырака расположены изображения мифических коней. В верхней части расположена объемная пятиконечная звезда, а в нижней части надпись «Қазақстан». Изображения звезды, шанырака, уйков, мифических коней, а также надписи «Қазақстан» цвета золота. Авторами государственного герба Республики Казахстан являются известные архитекторы Жандарбек Малибеков и Шот-Аман Валиханов. Государственный гимн Республики Казахстан, ранее известный как песня «Менің Қазақстаным», по инициативе Президента Нурсултана Назарбаева был утвержден Парламентом страны 6 января 2006 года. Впервые он прозвучал 11 января 2006 года во время торжественной инаугурации Главы государства [3].

Забота о государственных символах является одной из важнейших функций государства. Подтверждением этого является установление правительством дня 4 июня как государственного праздника День государственных символов. Для регулирования системы отношений в обществе, связанных с государственными символами, 4 июня 2007 г. принят закон о государственных символах [4]. Одним из направлений этого закона является защита государственных символов и требование к гражданам не только Казахстана, но и иностранных государств уважительного отношения к государственным символам республики. За надругательство над государственными символами закон определяет административное наказание и не исключается уголовное наказание в случаях злостного надругательства над символами Казахстана.

Этническое содержание государственных символов Казахстана

Далее мы рассмотрим государственные символы Казахстана не в их внешнем аспекте, то есть роли представителя госу-

дарства на международной арене, но главным образом в их внутреннем аспекте, как способа воздействия государства на своих граждан с целью укрепления связи и привязанности граждан к своему государству. Иначе говоря, речь пойдет о государственных символах как факторе формирования национальной идентичности Казахстана.

Мировая практика свидетельствует о том, что государственные символы являются важным средством взаимосвязи и взаимодействия государства и его граждан. Это связано с центральной ролью государства в современном человеческом обществе. Государство является организатором социально-политической, культурной, информационной жизни общества, что определяет его решающую роль в идентификационных предпочтениях и поведении граждан.

Формирование нации вокруг государства является в современном обществе ведущим способом национального строительства. Решающее значение национальной идентичности в идентичности современного человека связано как раз с тем, что государство определяет деятельность всех основных сфер общества, а следовательно, человека как социального существа. Национальная идентичность несет в себе сильный эмоциональный заряд связи индивида со своей нацией и государством. Каждая нация имеет или стремится иметь свое государство, точно так же, как каждое государство есть государство определенной нации. Поэтому связь индивида с нацией выражается через его связь с государством, как верно и то, что связь индивида с государством есть его связь с нацией. У государства есть свои символы, церемонии и ритуалы, являющиеся по существу национальными символами, церемониями и ритуалами. Участие в этих церемониях и ритуалах, несущее в себе сильную эмоциональную нагрузку, дает гражданам чувство сопричастности с нацией и государством, формирует и укрепляет их национальную идентичность.

Из сказанного можно понять, почему государственные символы столь важны как для государства, так и для его граждан. Предлагая обществу свои символы, государство должно пропагандировать их, но не навязывать. Принимая государственные

символы, граждане могут выражать к ним критическое отношение, но не пренебрегать ими.

Поскольку национальная идентичность находит свое выражение через символы, то одним из главных инструментов конструирования гражданской идентичности в руках государства являются государственные символы. Речь в первую очередь идет о таких государственных символах, как флаг, герб и гимн государства. Кроме них государственными символами являются конституция, государственные праздники, столица государства, институт главы государства, название государства и другие. С их помощью государство конструирует национальную идентичность.

Некоторые из государственных символов, например, флаг, герб и гимн несут в себе этнические образы титульной нации (это, в частности, можно сказать о флаге, гербе и гимне Казахстана и других постсоветских государств), но несмотря на это они адресуются всем гражданам страны независимо от их этнической принадлежности. Граждане всех национальностей страны, а не только титульного этноса, глядя на государственные символы, должны отождествлять себя с государством, идентифицировать себя с ним. В этом состоит главная цель конструирующей деятельности государства по формированию национальной идентичности.

Чтобы объяснить это подробнее следует обратиться к ситуации с государственными символами Казахстана в советский период. Советская национальная политика стремилась представить союзные республики если не как национальные государства, то по крайней мере как некие образования, отражающие их национальную специфику. Однако эта специфика занимала подчиненное положение по отношению к господствующей идеологии режима и его символам. Поэтому символы коммунистического режима рассматривались как основные символы советского общества, включая и государственные символы.

Например, флаг и герб Казахской ССР содержали в себе главным образом советскую коммунистическую символику, повторяя в основных чертах символы советского флага и гер-

ба, в том числе основной красный цвет флага и почти полную схожесть герба Казахской ССР с советским гербом. Национальная символика имела декоративный характер и второстепенное значение по отношению к основным символам советского общества. Например, тонкая голубая полоса у нижнего основания красного полотнища флага советского Казахстана.

Начиная с 1991 г. казахи ощущают, что теперь они уже не являются полупериферийной группой, а находятся если не в центре нового общества, то достаточно близко к нему. Символы казахского этнического, или титульного, национализма во все большей мере становятся символами всего Казахстана. Так, тонкая светло-голубая полоса на основном красном фоне флага Казахской ССР превращается в основной цвет государственного флага Республики Казахстан. По мнению экспертов, чистый голубой цвет наиболее близок душе, природе и миропониманию казахского народа. Он является свидетельством культурно-этнического единства казахского народа и одновременно указывает на идею неделимости государства [5].

Параллельная древку полоса с казахским орнаментом также является казахским символом. Большинство народов имеют свой орнамент, который представляет собой узор, основанный на повторе и чередовании составляющих его элементов. Орнамент предназначается для украшения различных предметов (утварь, орудия и оружие, текстильные изделия, книги, мебель и т. д.), архитектурных сооружений (как извне, так и в интерьере), произведений пластических искусств (главным образом прикладных). Связанный с поверхностью, которую он украшает и зрительно организует, орнамент, как правило, выявляет и акцентирует архитектуру предмета, на который он нанесен. В орнаменте запечатлено эстетическое осмысление деятельности человека, творчески преобразующей, упорядочивающей природу или религиозного содержания. В орнаменте, особенно в народном творчестве, где он имеет самое широкое распространение, запечатлелось фольклорно-поэтическое отношение к миру. Со временем мотивы утрачивали свой первоначальный смысл, сохраняя декоративную и архитектурную выразительность. Важное значение в генезисе и дальнейшем развитии

орнамента имели эстетические общественные потребности: ритмическая правильность обобщенных мотивов была одним из ранних способов художественного освоения мира, помогающим осмыслить упорядоченность и стройность действительности. Не только ритм, свойственный многим процессам жизнедеятельности человека и природным явлениям, но и другие закономерности, несомненно, были отражены в орнаментальных мотивах: закон равновесия, когда одно может быть равно множеству, тройственность мира, невероятно значимое явление в мироощущении древних, присутствующая в орнаментальном знаке, имеющем, центр, среднюю часть и периферию. Орнамент, в конечном счете, послужил началом символического описания мира [6].

Казахский орнамент формировался на основе искусства древних скотоводческих племен гуннов, саков, усуней, тюрков, канглы и кипчаков. В орнаменте отражалось их художественное осмысление мира. Практически все элементы казахского орнамента «читались» в свое время совершенно определенным образом. В настоящее время, к сожалению, смысловое значение орнаментальных мотивов утрачено. С определенностью можно сказать о происхождении и значении зооморфных мотивов в казахском орнаменте. В основе их лежит стилизация образов древнего «звериного стиля»: барана, лошади, верблюда, волка, орла, сокола, а затем воспроизведение отдельных частей их фигур – головы, рогов, ушей, копыт, горбов, ног и т. д. Так возникли орнаментальные мотивы «бараний рог» – «қошқар мүйіз», «олений рог» – «бұғы мүйіз», «голова лошади» – «ат бас», являющиеся основными в казахском орнаменте. Основные узоры в казахском орнаменте можно разделить на космогонические, зооморфные, растительные и геометрические. К древнейшим относятся космогонические узоры, самым популярным среди которых является соляной круг как символ солнца. Вихревые розетки также являются символом солнца. Их часто изображали на талисманах, а также на керамических изделиях и архитектурном декоре. К космогоническим казахским орнаментам относятся также «күн көзі» – «глаз солнца», «күн сәулесі» – «солнечные лучи», «шыққан күн» – «восход солнца», «ай гүл» – «лунный цветок»,

«айшық гүл» – «полумесяц». Узор «ай гүл» – один из древнейших в казахском орнаменте. С космогоническими казахскими орнаментами тесно связаны орнаменты, являющиеся символическим изображением природы. Земля и вода – главные стихии скотоводов, им они поклонялись как священным. В казахском орнаменте волнистые кривые линии, зигзаги назывались «су» и обозначали воду, реку, течение. Для геометрических узоров казахского орнамента характерны равновесие между отдельными элементами, пропорциональное деление фигур, вписанных в композицию. Многообразны всевозможные линии: прямые, волнистые, спиралевидные, в виде цепочки, шнура. В казахском орнаменте много производных геометрических узоров [7].

В свете сказанного понятно, что не только параллельная древку флага полоса казахского орнамента соответствует космогоническим и зооморфным мотивам изображения на государственном флаге Республики Казахстан, но и другие его элементы. Этим мотивам соответствует изображение солнца и солнечных лучей в центре полотнища. Помимо земли и воды солнце было одним из главных символов мироощущения кочевников-казахов, как, впрочем, и у других народов.

Одноцветие фона флага Казахстана символизирует единство страны. Голубой цвет является традиционным для тюркских народов, обозначая бесконечность неба над всей землей и людьми. Кроме того голубой цвет является символом общего благополучия, спокойствия, мира и единства. Солнце это источник жизни и энергии, всего живого на земле. Поэтому силуэт солнца является символом жизни. Время определяется для кочевника движением солнца. По закону геральдики силуэт солнца является символом богатства и изобилия. Не случайно все 32 луча солнца на флаге имеют форму зерна – основы изобилия и благополучия. Орел или беркут в миропонимании кочевников занимает особое место. На языке символики силуэт орла означает государственную власть, широту и прозорливость. Для степняков это символ свободы, независимости, целеустремленности, полет в будущее [8].

Несомненно, изображение парящего орла имеет особое символическое значение для государственного флага Казахста-

на. Парящий орел символизирует для казахов бескрайность степных просторов, над которыми как хозяин летает орел. Вместе с тем это символ бескрайнего голубого неба Казахстана, символ свободы живущих под этим небом людей. В то же время орел это символ мощи и решительности людей, живущих на этой земле. Следует отметить, что Казахстан не единственная страна, на государственных символах которой изображен орел. Эта птица присутствует, например, на государственном гербе США (белый орел) и России (двуглавый орел, одна голова которого смотрит на Восток, другая на Запад). Орлы здесь изображены не в полете, но сидящими с грозным взглядом и готовыми к полету. В отличие от них орел на флаге Казахстана находится в свободном полете, без агрессивности и хищности в позе и поведении.

Явные этнические символы присутствуют и в государственном гербе Казахстана. Образ шанырака, верхней сводчатой куполообразной части юрты, в центре герба символизирует образ общего дома всех людей, проживающих в Казахстане. Счастье в нем зависит от благополучия каждого, как прочность шанырака зависит от надежности его уюков (опор). Шанырак не только по форме напоминает небесный купол, но и по отражению в сознании людей является одним из важных элементов жизнеустройства. Шанырак это символ отчего дома, а в более широком понимании и мира как вселенной. Поперечные дуги внутри шанырака – кульдереш – обозначают единство трех казахских жузов. На гербе изображен мифический конь с крыльями Тулпар. Такие же кони украшают шлем Золотого человека, найденного при раскопках близ города Иссык. Крылья символизируют сильное, процветающее государство. Они свидетельствуют также о чистых помыслах и стремлении к совершенствованию и достижению гармонии в обществе, гармонии с природой и мировой цивилизацией. В государственном гербе республики изображены два мифических коня, как бы оберегающих шанырак с двух сторон. Они также образно выражают идею служения общему дому – родине. Беречь родину как зеницу ока и преданно служить ей – это один из лейтмотивов, заложенных в символизме мифических коней [9].

Казахский символизм государственного герба подчеркивается лучами солнца, соответствующими орнаментальному мотиву «күн сәулесі». Солнечные лучи исходят от находящегося в центре герба шанырака, так что шанырак изображает не только юрту как жилище кочевника, но и само светило, символ жизни, энергии и тепла. Шанырак дает степнякам не только кров, но и саму жизнь.

Как было сказано выше, в государственном гимне Казахстана имеются строчки, указывающие на бескрайние степи как способ воображения нации через воображение ее пространства и связанные с ним цивилизационные и культурные основания казахского этноса. Другим важным указанием этнического содержания гимна как государственного символа Казахстана являются строчки:

*Ежелден ер деген,
Даңқымыз шықты ғой.
Намысын бермеген,
Қазағым мықты ғой!*

Перевод этих строк на русский язык следующий:

*Сказание о мужестве – моя страна.
В седой древности,
Родилась наша слава,
Горд и силен мой казахский народ! [10]*

Здесь последняя строчка непосредственным образом указывает на казахов как народ, о котором поется в гимне. Исходный текст гимна на казахском языке и мелодия песни замечательного казахского лирического композитора Шамши Калдаякова с казахской напевностью свидетельствует об этническом содержании и этого государственного символа. Мелодия его песни «Менің Қазақстаным» была популярна среди казахов еще в советское время. Название песни («Мой Казахстан») свидетельствует о ее патриотичности, которым наполнены не только слова, но и мелодия. Новый текст песни соответствует

государственному гимну и в еще большей мере усиливает ее патриотическое содержание.

Кроме указания на казахов в этих строчках имеется обращение к их славному прошлому: «В седой древности родилась наша слава». Здесь большое значение имеет слово «слава». Слава родилась мужеством и доблестью предков, отстоявших в бою родную землю. Эта слава ставит наш народ в один ряд с другими народами, добившимися своего государства ратными подвигами. Иметь свое государство означает иметь свою территорию, которую государство защищает. Точно так же государство защищает культуру своей нации. Ведь в нации, как отмечал Эрнест Геллнер, соединяются культура и государство, основная цель которого состоит в обеспечении политической крыши для культуры [11].

Кроме слова «слава» в указанных строчках государственного гимна Казахстана имеют и слова «седая древность». Для современной нации большое значение помимо славного прошлого имеет и утверждение ее древности, существования в далекие незапамятные времена. Утверждение древности нации является задачей ее историков, поэтов, писателей и других культурных антрепренеров. Доказывая свое древнее прошлое, нация и ее элиты доказывают и обосновывают свои претензии на территорию, на которой она проживает, и на государство, которое этой территорией управляет.

Такое положение характерно не только для Казахстана, но и для постсоветских государств, а также для посткоммунистических государств в целом. Прошлое, по мнению Алены Леусси, является одним из главных оснований политической легитимности этих государств. Они апеллируют к событиям прошлого или воспоминаниям о нем. Речь идет о прошлом докоммунистического периода или более раннем периоде, вплоть до средних веков. Некоторые из посткоммунистических стран (например, Польша) обладали в прошлом той или иной формой государственности, либо же стремились к достижению таковой. Даже словаки, эстонцы и латыши, не имевшие своего государства до двадцатого века, стремятся утвердить свои средневековые или еще более ранние корни [12].

Проведенный нами анализ показал, что государственные символы Казахстана обладают выраженным казахским этническим содержанием. В то же время, как было сказано выше, государственные символы Казахстана, его флаг, герб и гимн, обращены не только к казахам, но и ко всем гражданам страны. В этом смысле направленность государственности символов Казахстана совпадает с направленностью его конституции, которую так же можно рассматривать как государственный символ. В преамбуле Конституции РК записано: «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, создавая государственность на исконно казахской земле, сознавая себя миролюбивым гражданским обществом, приверженным идеалам свободы, равенства и согласия, желая занять достойное место в мировом сообществе, осознавая свою высокую ответственность перед нынешним и будущими поколениями, исходя из своего суверенного права, принимаем настоящую Конституцию» [13].

В этой преамбуле, имеющей в целом гражданское содержание, фраза «на исконно казахской земле» имеет выраженную этническую коннотацию, которая отсылает к историческому прошлому Казахстана. Иначе говоря, этнические элементы государственных символов Казахстана сопряжены с гражданскими элементами, не содержащими в себе этнической коннотации. В таком виде государственные символы Казахстана отражают особенности национального строительства в стране.

В этом нет ничего удивительного, поскольку это соответствует мировой практике создания государственных символов. Как отмечают российские политологи, учитывая то большое политическое, юридическое и социально-психологическое значение, которое имеет государственная символика, ее, как правило, создают на основе символов исторического прошлого народа с учетом его национальных традиций и особенностей психологического склада [14]. Такая практика создания государственных символов характерна для постсоветских и посткоммунистических государств, о чем речь шла выше.

*Государственные символы и диалектика этнической
и гражданской нации в Казахстане*

С точки зрения конструктивистского подхода символы являются важнейшим строительным материалом построения любой идентичности, включая, и прежде всего, национальную идентичность. Символы являются по своей социальной и культурной природе передатчиками, трансляторами смыслов. Сама идентичность, национальная или иная, является для человека своего рода навигатором в социальном мире, позволяя ему ориентироваться в огромном разнообразии социальных групп, составляющих этот мир. Теми маркерами, с помощью которых строится механизм социальной ориентации личности, или механизм его идентичности, являются символы.

Символы, как было сказано, транслируют смыслы. Речь идет о смыслах культурных, идеологических, религиозных и иных. Социальные группы, будь это национальные, этнические, религиозные, культурные, языковые и иные, формируются вокруг определенных смыслов. Если индивид входит в ту или иную социальную группу, он должен принимать ее смыслы и разделять их с другими членами группы. Смыслы социальных групп существуют в виде определенных сакральных текстов, мифов, историй, представлений, идей, стереотипов, идеологий и т. д. В современной литературе такого рода смыслы называют также нарративами.

Члены социальной группы должны принимать эти смыслы-нарративы безусловно, безо всякого сомнения. Это означает, что человек должен безусловно принимать символы, с помощью которых построены и выражают себя групповые смыслы-нарративы. Как правило, члены социальной группы могут не знать в точности и во всей полноте конституирующие свою группу смыслы-нарративы, но они хорошо знают представляющие их символы. Вот почему конституирующими сообщество конструктами выступают не столько смыслы-нарративы, сколько представляющие и замещающие их символы [15].

В религиозном сообществе большинство верующих не знают во всей полноте и глубине священных текстов своей рели-

гии. Большинство христиан плохо знают Библию и связанные с ней сакральные книги христианства, но они хорошо знают крест, религиозные обряды, праздники рождества, пасхи и другие, которые представляют собой символы их религии. Точно так же основная часть мусульман не знают в полном объеме и во всей глубине священного учения ислама, представленного в Коране. Тем не менее они считают себя правоверными, поскольку исполняют все предписания религии, почитают полумесяц, зеленый цвет и иные символы ислама.

В советском обществе большинство людей не читали трудов Маркса, Энгельса и Ленина, составлявших основу коммунистической идеологии, определявшей политическую и другие системы общества. Их представление об этой идеологии ограничивалось упрощенными нарративами о классовой борьбе, классовой структуре общества, рабочем классе, капиталистическом классе, социализме и капитализме, светлом будущем человечества коммунизме, империализме, а также такими символами, как серп и молот, плакаты и скульптуры, изображающие историю СССР, ее основные этапы и вехи. Советский человек отождествлял себя с этими нарративами, смыслами и, в конечном счете, символами.

В любой социальной группе составляющие ее члены отождествляют себя со смыслами, нарративами и символами, с помощью которых они себя выражают. Чем глубже человек идентифицирует себя с символами группы, тем крепче его идентичность с ней. Наивысший уровень идентичности определяется как готовность человека отдать свою жизнь за свое сообщество, но его можно интерпретировать и как готовность отдать жизнь за символы своего сообщества, за которыми скрываются жизненно важные для личности идеи и смыслы.

Большое значение для человека в современном мире имеет этническая идентичность. Среди символов, формирующих и выделяющих этническую идентичность среди других социальных символов, решающее значение имеют культурные символы. Среди них следует указать в первую очередь на язык этноса, традиционную одежду, образ жизни, миф о едином предке-прародителе, родной земле, религиозные представления,

взгляды на природу и многие другие. Этнос, таким образом, можно определить как культурную главным образом группу.

Особое значение в определении этноса имеют культурные границы, которые представляют собой определенные символы, отличающие одни этнические группы от других. Одним из часто встречающихся и важных примеров культурной границы является язык, который представляет собой символ, или даже символизм, отличающим одну группу (тех, кто говорит на этом языке) от других групп (тех, кто на нем не говорит). Этнические границы позволяют поэтому отделять «нас», находящихся по одну сторону границы, от «них», «других», находящихся по другую сторону границы. По мнению норвежского этносоциолога Фредрика Барта, именно этнические границы имеют решающее значение в конституировании этносов и их взаимодействиях с другими этносами [16].

Еще большее, чем этническая идентичность, в современном мире имеет национальная идентичность. Нация как социальная группа тесно связана с этносом, однако между ними имеются и серьезные различия. Если этнос, как было сказано, является главным образом культурным сообществом, то нация соединяет в себе не только культурные, но и политические определения. Нация представляет собой единство своих культурного и политического сообществ. Поэтому символы, определяющие национальную идентичность, состоят из культурных и политических символов в их неразрывном единстве и взаимосвязи.

Среди национальных символов, то есть определяющих национальную идентичность символов, особое значение имеют государственные символы. Эти символы, как было сказано выше, предлагаются национальному сообществу государством, то есть политическим по своей природе институтом. Государственные символы имеют одним из своих главных предназначений воздействие государства на граждан с целью укрепления своей связи с ними и в то же время привязанности их к себе, то есть к государству.

Население большинства современных национальных государств является полиэтническим по своему составу. Моноэт-

нические нации, состоящие из одного только этноса, являются на сегодняшний день большой редкостью. Поскольку государство является представителем нации и в то же время активным формирующим ее субъектом, то для создания устойчивой нации из своего полиэтнического населения государство должно учитывать интересы всех составляющих нацию этносов. Речь идет не только об экономических или политических интересах, но также и о культурных, религиозных, языковых и подобных интересах. Эти группы интересов тесно связаны между собой, поскольку они выражаются через близкие и схожие по своему содержанию и структуре символы. Ведь символы, как мы уже не раз подчеркивали, являются по своей основной социально-культурной функции трансляторами смыслов, определяющих идентичность человека, то есть глубинные структуры его ментальности и психологического склада.

Символы, как было сказано, определяют культурные границы этносов и других социальных групп самой разной природы. Поэтому символы объединяют людей в группы, но они же разъединяют их, отделяя и отдаляя одни группы и сообщества от других. Привязанность людей к своим символам (то есть идентичность со своей группой) порождает часто неприятие символов других групп и сообществ. Это определяется тем, что символы других групп воспринимаются как несовместимые с символами своей группы, что порождает их полное отрицание, а сама группа при этом рассматривается как вражеская.

От неприятия группой другой социальной группы и ее символов прямая дорога к конфликтам между ними. Их вероятность тем выше, чем выше способность группы к мобилизации, то есть готовности действовать с целью изменения своего статуса. Такая ситуация описывается с помощью конструктивистского подхода, о котором речь шла выше. К мобилизации своей группы призывают культурные антрепренеры, берущие на себя задачу представлять интересы группы с помощью предложения ей идентификационного проекта, основанного на групповых символах, смыслах, нарративах и т. д. Если группа в результате деятельности культурных антрепренеров группа откликается на призыв к социальной мобилизации, это гово-

рит об успешности предложенного ими идентификационного проекта.

Для того чтобы вызвать в группе мобилизацию культурные антрепренеры создают в группе атмосферу тревоги, опасности, угрозы существованию групповым символам, следовательно, существованию самой группы. Поскольку групповая граница представляет собой групповой символ и основанный на ней символизм, то указание на угрозу для существования символов означает по существу деятельность по защите символов, то есть укрепление групповой границы.

Речь идет о создании так называемого психологического синдрома разделяемой (членами группы или сообщества) идентичности. Смысл этого синдрома состоит в том, что посредством разделяемой идентичности индивиды оказываются связанными общим психологическим синдромом, на основе которого они будут действовать сообща для сохранения, защиты и укрепления своей общей идентичности. Разделяя общую идентичность, люди будут стремиться, при определенных обстоятельствах, действовать сообща как одно целое, как одна социальная, организационная, психологическая единица, тем самым отдавая приоритет интересам общности, а не своим индивидуальным интересам [17].

Укрепление общей групповой идентичности выступает как укрепление идентификации индивидов с символами группы. Одной из важных форм укрепления национальной идентичности в современном мире является идентификация граждан с национально-государственными символами. Как показывает международная практика, межгосударственные конфликты, в том числе войны, является сильным средством укрепления идентичности граждан с государственными и национальными символами. На это самым непосредственным образом указывает российско-украинский конфликт 2014 года. Агрессия России против Украины, аннексия Крыма и необъявленная война на востоке Украины привели к росту национальных чувств украинцев, включая их идентичность с государственными символами. Цвета государственного флага Украины – желтый и голубой – приобрели самую широкую популярность среди

украинцев, поскольку они теперь отождествляются с независимостью Украины. День независимости Украины 24 августа стал в 2014 г. поистине национальным праздником, тогда как в прежние годы воспринимался как один из выходных дней.

Если говорить о Казахстане, то у нас, к счастью, нет таких трагических событий, как на Украине. Непосредственных угроз для безопасности и независимости нашей страны на сегодняшний день нет. Тем не менее, не следует забывать, что Казахстан является полиэтническим и поликультурным обществом, в котором проживают различные этнические группы, самыми крупными среди которых являются казахи и русские. Казахско-русское противоречие является, как мы указывали выше, одним из главных противоречий национальной сферы современного Казахстана.

Межэтнические противоречия находят свое выражение в первую очередь через противостояние этнических символов. Разработкой, определением и переопределением символов и их манипуляцией занимаются этнические антрепренеры, этнические элиты. Ставя в повестку дня те или иные этнические вопросы, культурные антрепренеры выдвигают на первый план соответствующие этим вопросам символы.

Как уже неоднократно указывалось, казахские этнические элиты выдвигают на первый план проблему казахского языка, определяя его как главный казахский этнический символ. Распространение во всех социальных сферах казахского языка, его выдвижение на первый план мы определили как важнейшую задачу казахизации. Кроме этого важнейшими направлениями казахизации в культурно-языковой сфере являются историческое сознание, ономастика и другие. Если говорить о русских элитах, то они в противостоянии с казахскими элитами и казахизацией отстаивают русско-советские символы.

Ареной противостояния казахских и русско-советских символов и стоящих за ними элит является сегодня Интернет, где на сайтах казахских и русских националистических организаций элиты открыто выражают свое мнение. Хотя националистические элиты нередко получают доступ на страницы печати, однако, в целом главной сферой выражения своих по-

зиций для них остается Интернет. Однако Интернет, при всей его открытости и доступности для многих слоев населения Казахстана (в первую очередь для молодежи), значительно уступает телевидению в формировании общественного мнения. Этот постсоветский феномен наглядно подтвердился в 2014 г. в России, где центральные телеканалы буквально зомбируют население в отношении к Украине и поддержке агрессивной политики своего государства.

В Казахстане, как и других постсоветских государствах, все телеканалы находятся в государственной собственности. В этом проявляется ведущая роль государства в формировании общественного мнения и сознания. Это касается различных аспектов политики, включая и национальную сферу, которая находится в самой сердцевине социально-политической ситуации в современном Казахстане. Благодаря контролю над СМИ и, прежде всего, телевидением государство регулирует межэтнические отношения, проводя свою национальную политику.

Важнейшим аспектом национальной политики государства, как было подчеркнуто выше, является деполитизация межэтнических отношений. Государство стремится, чтобы все вопросы, касающиеся этносов, относились к сфере культуры и решались в рамках этой сферы. Речь идет в первую очередь о развитии языка и других видов культуры этнических групп Казахстана, а также об образовании на этническом языке и национальных школах. Важнейшими своими помощниками в решении этих вопросов государство видит этнокультурные центры и объединяющую их Ассамблею народа Казахстана (АНК). Именно поэтому государство рассматривает АНК как важнейший инструмент своей национальной политики [18].

Другой важный аспект национальной политики государства состоит в маргинализации этнических элит. В условиях низкой политической культуры населения с неразвитыми демократическими и гражданскими ценностями и установками существует опасность высокого уровня этнической мобилизации с потенциально деструктивными последствиями. Так, в начале 1990-х гг. относительно свободная деятельность этнических элит привела, как известно, к достаточно высокому уров-

ню этнической мобилизации и межэтническому напряжению в Казахстане. В этой ситуации государство, обеспокоенное угрозами для межэтнической стабильности и консолидации, активизировало свою национальную политику, в том числе и в отношении этнических элит и антрепренеров. Одним из элементов этой политики стал контроль над СМИ и пропаганда через них ценностей гражданской нации и межэтнической стабильности и согласия в противоположность этническим ценностям и символам.

Первостепенное значение в утверждении межэтнической стабильности и консолидации государство придает своим символам – флагу, гербу и гимну. Государственные символы, как было сказано, предлагаются обществу государством, а не этническими, культурными или иными элитами. Основное значение государственных символов состоит в выражении идеи суверенитета и независимости государства, его культуры и истории. Эти идеи выражаются в государственных символах в абстрактной форме. Если речь идет о полиэтничном и поликультурном обществе и гражданской форме нации, то государственные символы, в первую очередь, флаг и герб, не отражают культурные и иные особенности одного этноса. Например, флаги многих стран состоят из полос различных цветов. Эти цвета выражают различные идеи и ценности идеологического или исторического характера. В таком виде государственные символы рассматриваются гражданами различной этнической и культурной принадлежности как принадлежащие всему обществу, но не какой-то отдельной его части. Государственный символ выступает одновременно национальным символом, при этом нация понимается как гражданская, а не этническая категория.

В Казахстане, как и в других постсоветских и посткоммунистических государствах, нация понимается в этническом смысле. Для обозначения полиэтничного населения Казахстана как единого сообщества граждан страны в политическом лексиконе употребляется выражение «казахстанский народ», а не «казахстанская нация», как принято в международной практике. Понятие нации применяется, в первую очередь, к этниче-

ским казахам как титульному этносу страны. К другим этносам Казахстана это понятие неприменимо. То же самое имеет место и в других постсоветских государствах.

Национально-государственное строительство в современном Казахстане осуществляется по формуле, которую Энтони Смит определил как «нация на основе доминирующего этноса». Его концепция «этнического ядра» или «доминирующего этноса» описывает ситуацию, в которой социальные идентичности и солидарности, как в традиционных, так и в современных обществах, выстраиваются «вокруг доминирующего этноса, который притягивает другие этносы или их фрагменты в государство, которому он дает свое имя и культурные основания» [19].

В Казахстане ведущим этносом в национальном строительстве являются казахи. Государство получило свое имя по имени своего ведущего этноса, а язык казахов провозглашен государственным языком Казахстана. Реальная практика национального строительства свидетельствует о том, что казахская культура и казахские символы должны стать основой культуры полиэтнического общества. Этот процесс, как было сказано, называется «казахизация». Свое выражение он находит и в государственных символах страны, которые несут на себе отпечаток этнической культуры казахов.

Модель «доминирующего этноса» получила в современном мире большое распространение. Она находит свое применение не только в посткоммунистическом мире, но и в других регионах мира. На основе этой схемы Казахстан стремится соединить в своем национальном строительстве этнические и гражданские принципы, осуществить синтез этнической и гражданской нации.

Отражением такого подхода являются государственные символы Казахстана, которые несут в себе этнические черты казахской культуры и истории, но в то же время адресуются не только казахам, но и ко всем гражданам страны. Следовательно, государственные символы Казахстана являются не только этническими символами, но также и гражданскими символами.

Литература

- 1 *Anderson Benedict*. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London and New York: Verso, 1991.
- 2 О государственных символах. Официальный сайт Президента Республики Казахстан // www.akorda.kz/ru/category/about_symbols
- 3 Там же.
- 4 Конституционный закон «О государственных символах Республики Казахстан» от 4 июня 2007 г., №258 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан // www.akorda.kz/ru/category/about_symbols
- 5 *Бектурганов Н., Абдакимов А.* Государственные символы Республики Казахстан. – Караганда, 1996. – С. 44–46.
- 6 <https://ru.wikipedia.org/wiki/Орнамент>
- 7 Казахский орнамент // www.bilu.kz
- 8 *Бектурганов Н., Абдакимов А.* Государственные символы Республики Казахстан. – С. 45.
- 9 О государственных символах. Официальный сайт Президента Республики Казахстан // www.akorda.kz/ru/category/about_symbols
- 10 www.kazakh.ru/kazakh/symbolism
- 11 *Геллнер Э.* Нации и национализм/пер. с англ. – М: Прогресс, 1991. – С. 104.
- 12 *Leoussi A.S.* National symbols: ethnicity and historical continuity in post-communist 'New Europe'. In: *Leoussi A.S., Grosby S.* (eds.) Nationalism and Ethnosymbolism: History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – P. 182.
- 13 Конституция Республики Казахстан. Официальное издание. – Алматы: Казахстан, 2007.
- 14 www.dic.academic.ru
- 15 *Cohen A.P.* The Symbolic Construction of Community. – London and New York: Routledge, 1985. – P. 15.
- 16 *Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference* / Ed. By F. Barth. – Bergen; Oslo; London, 1969.
- 17 *Bloom W.* Personal Identity, National Identity and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P.26.
- 18 *Назарбаев Н.А.* «Казахстан-2050»: один народ – одна страна – одна судьба // Казахстанская правда, 25.04.2013.
- 19 *Smith A.D.* National Identity. Harmondsworth: Penguin, 1991. – P. 86.

6 ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

История и конструирование национальной идентичности. История дает человеческому обществу взгляд и понимание его прошлого, поэтому она всегда относилась к числу идеологизированных форм знания, подчиняясь господствующей в политической системе идеологии. В советском обществе история была частью коммунистической идеологии, строго подчиняясь ее целям и требованиям. В независимом Казахстане история развивается в рамках идеологического плюрализма и не ограничена в своем изучении прошлого рамками какой-то одной идеологии. Тем не менее, практика исторической науки в период суверенитета показывает, что история остается связанной с той или иной идеологией.

В наибольшей мере, как показывает практика, история связана с идеологией национализма. Такое положение характерно не только для Казахстана, но и для всех национальных государств на разных стадиях их исторического развития. Это не случайно, поскольку изучение прошлого, его интерпретация учеными, аналитиками и политиками проецируется на настоящее и будущее того или иного национального общества. Вот почему история имеет столь большое значение в формировании нации и национальной идентичности. В данном случае речь идет как об этнической форме национальной идентичности, так и о гражданской идентичности и национализме.

В целом понятия нации и национальной идентичности тесно связаны между собой, они, не боясь преувеличения, предполагают друг друга. Нация как человеческое сообщество состоит из индивидов, разделяющих общую национальную идентичность. В то же время национальная идентичность есть

самосознание составляющих нацию индивидов. Национальная идентичность несет в себе сильный эмоциональный заряд связи индивида со своей нацией и государством. Каждая нация имеет или стремится иметь свое государство, точно так же, как каждое государство есть государство определенной нации. Поэтому связь индивида с нацией выражается через его связь с государством, как верно и то, что связь индивида с государством есть его связь с нацией.

Укреплению связи индивида с нацией и государством в значительной мере способствует история, которая как бы освящает эту связь с позиции «глубины веков», вырабатывая у индивида представление о многовековом существовании его государства и нации. Чем более древними предстают в истории нация и государство, тем более великой они претендуют быть в настоящее время. История (точнее историки, интерпретирующие исторические факты) описывает многовековое существование государства и нации как сложный, порой трагический, но достойный путь во времени и в веках. На этом пути народ и государство выстояли против врагов, преодолели все находившиеся на этом пути препятствия и передали в руки сегодняшнего поколения ответственность за судьбы нации и государства в будущем. Поэтому без истории (национальной истории), предоставляющей нации своеобразную «историческую легитимность», трудно представить себе существование современной нации.

С конца восемнадцатого века в работах европейских философов и социальных мыслителей популярной стала тема сравнения народов с точки зрения их культурного, исторического и в целом социального развития. Одним из основоположников этого направления был немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер. В его трудах и работах его последователей народы стали делиться на «исторические» и «неисторические». «Историческими народами» были те, что имели богатую историю и культуру, развитый язык и искусство, а потому такие народы расценивались как стоящие на более высокой ступени развития. К «историческим народам» относились народы Западной Европы, отличавшиеся более высоким не только культурно-

историческим, но и социально-политическим развитием, что дало основание рассматривать их как нации. «Неисторические народы» Восточной Европы рассматривались западноевропейскими философами того времени как отсталые в культурно-историческом и социально-политическом отношениях. Неудивительно, что оценивались эти народы как стоящие на донациональном уровне и не способные подняться до уровня нации.

Для «неисторических народов», осознавших на определенном этапе своей эволюции оскорбительность для себя подобной классификации, одной из главных задач строительства нации стало создание собственной национальной истории. Тем самым для этих народов национальная история становилась способом перехода из разряда «неисторических» в категорию «исторических» народов. В рамках этих усилий появились труды Василия Татищева, Сергея Соловьева, Василия Ключевского и других российских историков по созданию «истории государства российского», которую можно также определить как историю становления российской империи. В основе этой исторической деятельности лежала идеология национализма.

Национализация российской истории происходила в девятнадцатом веке в рамках трансформации (так и незавершенной по сей день) империи в национальное государство. Этот процесс формирования национальных государств в Европе охватил период примерно сто лет, с 1820 по 1920 гг., и имел, по словам Бенедикта Андерсона, две отличительные особенности. Первая из них состояла в центральном идеологическом и политическом значении «национального печатного языка». Вторая заключалась в возможности заимствования «национальной модели» государства, которую предоставляли образовавшиеся к тому времени национальные государства Северной и Южной Америк, а также, «после революционных конвульсий», Франция. «Нация» оказалась таким изобретением, который невозможно было запатентовать. Оно оказалось доступным для пиратства совершенно разными и порой неожиданными руками [1].

В теории национализма Андерсона центральную роль в формировании национального государства играет язык, или

«национальный печатный язык». Исключением является только креольский национализм Северной и Южной Америк, где ни английский, ни испанский языки не играли сколько-нибудь решающей роли в национальном движении. Но в Европе языковой вопрос был ключевым в образовании национальных государств. Вместе с языком решающую роль в процессе национального строительства, как показывает практика, играет история. Французский философ Этьен Фурноль заявлял в первой половине 1930-х гг., что язык и история являются близнецами, поскольку вместе они образуют две важнейшие потребности общества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Европе нет ни одной нации, появлению которых не предшествовали бы исследования в области филологии и археологии на протяжении пятидесяти – восьмидесяти лет [2].

С точки зрения семиотики культура имеет символическую природу, так как культуру, в том числе этническую и национальную, можно представить как совокупность и систему символов. Отождествляя себя с нацией, человек отождествляет себя с ее культурой, а, следовательно, отождествляет себя с ее ценностями и символами. Если члены определенной этнической или национальной группы разделяют общее отношение к определенным символам, рассматривая их как свои, то они ощущают себя членами единого целого, то есть имеют общую этническую или национальную идентичность. Это означает, что этническая или национальная идентичность имеет культурно-символическую природу. Разделяемый же членами этнической или национальной группы символизм получил в литературе название этнокультурного символизма.

В рамках конструктивистского подхода к национальной идентичности культурные антрепренеры конструируют идентификационные категории как свой «товар» из материала, который можно определить как этнокультурный символизм. Национальная идентичность в этом случае предстает как ментальный конструкт, как феномен сферы сознания, как результат способности воображения индивида и этноса или нации, то есть как субъективная категория. Приверженность такому конструкту (национальной идентичности) является делом со-

знательного выбора индивида или группы индивидов. Подобное понимание идентичности, включая национальную, становится заметным в периоды социальных и культурных изменений в обществе наподобие тех, что происходят в Казахстане и на постсоветском пространстве на протяжении последних двадцати – двадцати пяти лет.

Символы в рамках конструктивистского подхода играют решающую роль в определении (конструировании) национальной идентичности. Любая идентичность, в особенности национальная, имеет символическую природу. Взаимосвязь понятий нации, национальной идентичности и ее символизма раскрывается в современной литературе пониманием национализма как языка и символизма нации. Националистический язык и символизм соединяет эту националистическую идеологию с «массовыми чувствами» широких сегментов референтной группы посредством слоганов, идей, символов и церемоний. В то же время язык и символизм национализма охватывает как когнитивное, так и эмоционально-экспрессивное измерения, соединяясь с распространенными ожиданиями и чувствами как элит, так и широких слоев населения.

Предлагаемые элитами идентификационные проекты выражают себя через определенный символизм. Это относится в равной мере к казахской и казахстанской идентичностям. Национальные элиты и государство, выступающие в роли производителей национальной идентичности, конструируют ее с помощью этнокультурных символов как своеобразного строительного материала. Конструирование национальной идентичности представляет собой работу с символами, состоящей в их поиске, выборе, интерпретации, предложении референтной группе новых символов или переопределении уже известных символов, придании им нового смысла. Ведь символы являются теми предметами, назначение которых состоит в трансляции определенного смысла, идеи. В этом плане этнокультурными символами являются национальный язык, предметы материальной и духовной культуры народа, произведения искусства, религиозные обряды и знаки, традиции народа, исторические события и личности, природный ландшафт, названия геогра-

фических местностей и другие ономастические определения и т. д. Эти символы выражают психическую и эмоциональную связь индивидов с идеями, смыслами и другими духовными ценностями, которые разделяются нацией.

У государства есть свои символы, церемонии и ритуалы, являющиеся по существу национальными символами, церемониями и ритуалами. Участие в этих церемониях и ритуалах дает гражданам чувство сопричастности с нацией и государством, которое несет в себе сильную эмоциональную нагрузку. Национальные символы, церемонии и ритуалы очень часто черпаются из исторического прошлого государства. Иначе говоря, определенная интерпретация истории государства или народа дает элитам символический материал для конструирования идентификационного проекта, предлагаемого своим референтным группам. Если история является одним из главных факторов формирования национальной идентичности, то это означает, что история страны представляет собой кладовую этнокультурного символизма. Беря из этого неисчерпаемого арсенала символы, этнические элиты манипулируют ими для создания идентификационного проекта, что означает конструирование национальной идентичности.

История и этнография, по утверждению американского политолога Карла Дойча, являются резервуарами символов и мифов, героев и их подвигов и миссий. Уподобляясь археологам, национальные элиты раскапывают эти резервуары, очищают их содержимое, чтобы представить его как символы этнической унификации и мобилизации. Каждая этническая группа имеет своего героического прародителя, призывавшего в прошлом к национальному единству и самоутверждению, точно так же, как она имеет галерею великих поэтов и сказителей, создавших передающиеся из поколения в поколение поэзию и сказания, в которых выражены надежды и чаяния народа. Фольклор, народные песни и сказки также являются для элит хранилищем народной памяти, которая также является их разработкой и конструкцией [3].

Исторические артефакты являются в руках националистических элит строительным материалом для создания на-

циональной идентичности и нации. Элиты находят их, увеличивают их символическое значение и комбинируют их для конструирования идентификационного проекта. Создание идентификационной категории есть ни что иное как ее конструирование, которое представляет собой мыслительный процесс формирования идентичности как определенного идеального продукта. Подручным материалом в подобном конструировании являются символы, ценности, идеи этнической культуры, которые с точки зрения примордиализма предстают как извечно существующие данности этноса и именно с ними у представителей этноса устанавливается (или должна устанавливаться) особая эмоциональная связь. Культурные антрепренеры производят манипуляцию выбранными ими элементами этнической культуры с целью вызвать отклик (желательно эмоциональный) в этнической группе и породить в ней этническую мобилизацию, что в терминах рыночной модели означает «продать» группе идентичность.

Как утверждает венгерский политолог Дьердь Йоши, мы находим везде любопытный поиск исторических предков с целью реконструировать прошлое, как нечто славное подобно потерянному раю. В подобном поиске венгерский поэт поет: «Предки, предки, вы славные предки, вы как буря покачнули целый мир» [4].

Символы, которые предоставляет этническим элитам национальная история, состоят из исторических событий и эпох и действующих в них личностей. Главным инструментом в руках этнических элит, с помощью которого этот символизм превращается в историческую концепцию как важную часть создаваемого и предлагаемого ими идентификационного проекта, является интерпретация. Направленность же и способ применения интерпретации исторического прошлого определяется политическими потребностями настоящего. Речь идет о существующей в обществе ситуации в национальной сфере, ее противоречиях и борьбе этнических элит за главенствующее положение в политической, культурной и иных сферах. Не только этнические элиты, но и государство обращается к национальной истории с той же целью использования предоставляемого

ею символизма для утверждения своего идентификационного, следовательно, национального проекта. С учетом имеющихся в распоряжении государства социальных ресурсов, очевидно, что возможностей для утверждения такого проекта у него значительно больше, чем у этнических элит.

Раскрывая структуру идентификационного рынка в Казахстане, можно выделить следующие его элементы. Предлагаемым на этом рынке товаром являются два идентификационных проекта, два варианта национальной идентичности Казахстана: казахская и казахстанская. Соответственно, производителями или конструкторами этих идентификационных проектов являются три элитные группы: казахские элиты, русские элиты и политическая элита государства. Наконец, покупателями на рынке национальных идентичностей Казахстана являются как отдельные этносы, в первую очередь казахи и русские, так и все полиэтничное общество.

Мифологизация истории Казахстана: удревнение и возвеличивание нации. Национальную историю Казахстана можно разделить на четыре больших периода, различающихся между собой направленностью и содержанием политических, экономических, культурных, идеологических и иных процессов. Каждый из этих периодов предоставляет историкам, политологам и другим специалистам большое количество событий и героев, которые можно использовать как символы для манипулирования ими с целью создания отвечающих тем или иным современным потребностям исторических концепций.

Этими историческими периодами национальной истории Казахстана являются:

1) Казахское ханство (до 1731 г.), охватывающий историю казахов с момента их этногенеза до приобретения российского подданства;

2) Колониальный период (1731–1917 гг.) истории казахского народа в составе Российской империи;

3) Советский период (1917–1991 гг.) истории Казахстана как советской республики;

4) Независимый Казахстан с 1991 г. по настоящее время.

В зависимости от преследуемых элитными группами политических и идеологических целей, они в создании своих исторических концепций обращаются к одному из указанных периодов национальной истории Казахстана с целью интерпретации событий и героев этих периодов в угоду своим концепциям. В целом, отношение к истории в целях формирования национальной идентичности в Казахстане подчиняется тем же самым закономерностям, что и в других постсоветских обществах.

Одной из таких постсоветских закономерностей обращения с национальной историей является то, что называется «удревнение» национальной истории [5]. Под этим понимается такая интерпретация национальной истории, которая относит этногенез титульной нации в очень далекое прошлое, тем самым соединяя ее исторически с народами и этносами, проживавшими на территории государства в древние периоды времени.

Например, сегодня историки Казахстана связывают историю казахов с древними тюрками, вплоть до гуннов. Выводится заключение, что гунны являются предками казахов. Такое заключение, однако, построено на цепочке логических силлогизмов о связи казахов с древними тюрками, следовательно, гуннами. Например, кандидат физико-математических наук, вице-президент Казахстанской национальной академии естественных наук Еренгаип Омаров, обосновывая требуемый ему тезис «Аттилу можно считать предком казахов», опирается на следующее рассуждение: «Что касается Аттилы, то уже точно известно, что он гунн. А если учесть, что казахи потомки гуннов, значит, Аттила наш предок» [6].

В приведенном умозаключении Омаров опирается на суждение «Казахи потомки гуннов», которое, в свою очередь, неявно основывается на утверждении о том, что тюрки происходят от гуннов. Учитывая, что сегодня в мире живет много разных тюркских народов, то все они с равным правом могут претендовать на происхождение от гуннов и записывать Аттилу в свои предки. Более того, некоторые из тюркских народов могут претендовать на то, что Аттила в большей мере является «их предком», чем предком других тюрков.

К примеру, кыргызские ученые недавно заявили о сенсационном открытии: Аттила это прямой предок кыргызов, а казахи произошли от кыргызов. Автором этого открытия является филолог из Бишкека Амангельды Бекбалаев. На основе своего открытия он написал книгу «Аттила – предок кыргызов», где в качестве подтверждения своих слов ссылается на германские сказания и легенды [7].

По мнению Еренгаипа Омарова, такие заявления кыргызских ученых смешны и беспочвенны, а легендарный завоеватель «скорее наш, чем их». Еще предки Аттилы, говорит Омаров, строили древний Тараз, а возможно, и Алматы. Что же касается заявления о том, что казахи произошли от кыргызов, то это, по его мнению, вообще ни в какие ворота не лезет, так как кыргызы до XV века жили в Сибири, до тех пор, пока Россия не завоевала этот край. «Кыргызы попросту проиграли битву и убежали. Казахи их приютили, а теперь они так говорят» [8].

В этом споре об Аттиле как «предке моего народа» и «кто от кого произошел», можно отметить, что спорящие стороны опираются на разные подходы. Кыргызская сторона обосновывает свои претензии на Аттилу с помощью литературных источников, точнее, вольную и субъективную интерпретацию германских сказаний и легенд. Казахская же сторона строит свои доказательства на основе территориального подхода. Омаров нисколько не сомневается в том, что если имеются свидетельства строительства гуннами города на территории современного Казахстана, то из этого можно с уверенностью заключить, что они являются предками казахов.

Тезис «Гунны предки тюрков» восходит ко Льву Гумилеву, написавшему много книг о гуннах и древних тюрках. В принципе его аргументация так же опирается на территориальный подход: ареал расселения древних гуннов во многом совпадает с землями, на которых проживали древние тюрки. Можно ли, однако, исходя из этого факта, однозначно утверждать, что гунны были предками тюрков?

Первые сведения о тюрках относятся к шестому веку н.э. и почерпнуты они из китайских источников. Однако, как возникли тюрки, откуда они пришли и других сведений о них эти ис-

точники не дают. Тем более, нет исторических сведений о связи гуннов и тюрков. Утверждения о том, что гунны были предками тюрков, носят во многом умозрительный, спекулятивный характер. Хотя гунны жили на тех же территориях, что и тюрки, из этого нельзя однозначно заключать, что тюрки происходят от гуннов. Ведь гунны могли уйти с этих земель намного раньше, чем там появились тюрки. В древней истории не счесть случаев, когда проживавший на каких-то землях народ терпел поражения от другого народа и покидал эти земли, а их победители через какое-то время так же уходили с завоеванных земель под давлением новых завоевателей и т. д.

Факт проживания в определенный исторический период одного народа, а затем проживания на этой же территории другого народа не может служить основанием для утверждения об их преемственности. На этой же территории могли проживать самые разные народы, некоторые из которых могли не попасть в исторические хроники, летописи и другие источники. Вполне может случиться так, что именно эти, не попавшие в исторические источники народы, оказываются генетически связанными с проживающим на этой территории народом. Вообще, современные народы образовались в результате смешения многих разных народов в историческом прошлом.

Вот почему попытки любителей-историков связать казахов или кыргызов с гуннами и показать тем самым, что Аттила является предком этих современных народов, выглядят с профессиональной точки зрения наивными. Профессиональный подход исходит из факта существования гуннов и с помощью научных методов выводит по шкале исторического времени их преемственность с другими народами. Здесь же мы имеем обратный подход, когда исходят из существования современного народа и затем с помощью вольных, субъективных толкований источников и каких-то умозрительных схем обосновывают генетическую связь этого народа с каким-то древним народом. В результате попытки удревнения такими авторами истории своего народа и применяемыми ими псевдонаучными подходами приводит к мифологизации национальной истории.

Закономерностью постсоветского исторического познания, тесно связанной с удревнением, является возвеличивание национальной истории, а, следовательно, самой нации. Смысл этой исторической работы состоит в том, чтобы связать историю титульного этноса с теми народами, которые проживали на территории современного государства и отличились в мировой истории великими делами. Как правило, это были завоевания этим народом других народов и территорий, завершившиеся созданием больших империй. С помощью этого приема история казахов связывается с завоеваниями гуннов или монгольской империей. Сегодня символами возвеличивания истории казахов можно считать фигуры вождя гуннов Атилы и создателя монгольской империи Чингисхана, которые стараниями современных историков и историков-любителей все активнее причисляются к фигурам казахской истории, следовательно, казахской нации.

Тенденции удревнения и возвеличивания национальной истории постсоветских народов в методологическом плане опираются на примордиалистское понимание нации и истории. Ведь тот, кто пытается доказать происхождение казахов или кыргызов от гуннов, живших в древности, вольно или невольно исходит из того, что нации имеют древние корни, восходящие чуть ли не к первобытному человеку. Нации, в соответствии с примордиализмом, определяются своим генетическим кодом, а отсюда недалеко до расизма. Если гены имеют решающее значение для формирования нации, то нации оказываются не социально-культурными и историческими образованиями, а природными сообществами.

Примордиалистское понимание нации, доведенное до своего логического конца, заводит в тупик биологизма и расизма. Как показывает история, с таким пониманием нации связаны шовинизм, нацизм, расизм и другие политические опасные концепции. В современной науке изучение нации и национальной идентичности основано на конструктивистском подходе, который называют также инструменталистским. В отличие от примордиализма конструктивистский подход рассматривает нацию не как сообщество с древними корнями, но как относи-

тельно недавнее социально-политическое изобретение человечества. Нация, по мнению Эрнеста Геллнера, является продуктом индустриальной эпохи. «Небывалый накал национализма в девятнадцатом и двадцатом столетиях есть отражение и следствие индустриализма – способа производства, возникшего и распространившегося именно в этот период [9].

Причем, как считает Геллнер, специфика нации как общества современного типа состоит в том, что она возникает там, где ее прежде не было. «Нации как естественный, данный от Бога способ классификации людей, как изначально уготованный им, хотя долго не осознаваемый политический удел – миф. Национализм, который иногда берет ранее существовавшие культуры и превращает их в нации, иногда изобретает новые культуры и часто уничтожает старые, – это реальность, хороша она или плоха, и, в общем, реальность неизбежная [10].

Если исходить из подобного конструктивистского понимания нации, то истоки национальной идентичности Казахстана следует искать не в древности, среди гуннов, а гораздо позже. На гуннов как своих предков претендуют многие народы, не только тюркские, поэтому этот источник национальной идентичности казахов слишком общий и неопределенный. Кроме того, большой разрыв во времени между гуннами и современными казахами ставит под сомнение утверждение о прямой исторической и, тем более, генетической преемственности между этими народами.

Гораздо важнее, с нашей точки зрения, искать истоки и причины национальной идентичности Казахстана в недавнем прошлом, когда нации стали зарождаться в человеческой истории. Время зарождения наций не следует искать в седой древности, как думают примордиалисты. По меркам человеческой истории оно отстоит от нас достаточно близко, около двухсот лет назад, с середины XIX века. Речь идет о нациях и национальных государствах, которых не было до указанного времени. Если же понимать нацию в примордиалистском смысле как этнос, то, несомненно, этносы имеют более длительную историю.

Было бы, однако, ошибкой отождествлять этническую историю с национальной историей. Во-первых, далеко не вся-

кий этнос, как показывает история, имеет шанс трансформироваться в нацию. Этнос только тогда становится нацией, когда у него появляется свое национальное государство, вот почему вместе с понятием нации в современной политической теории употребляется понятие нации-государства. Во-вторых, понятие нации предполагает существование национализма. Это означает появление и существование национальных элит, национального движения, которое ставит своей целью установление своего национального государства или, по крайней мере, национальной автономии в рамках многонационального государства, с целью защиты и развития культуры своей нации. Как утверждает Геллнер, «национализм – это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» [11]. Иначе национализм Геллнер определяет «как течение, стремящееся соединить культуру и государство, обеспечить культуру своей собственной политической крышей, и при этом не более чем одной» [12].

Национальная идентичность, как мы неоднократно подчеркивали, связана с символами. Поиск, разработка и утверждение символов есть ничто иное как конструирование национальной идентичности. Если мы говорим о символах национальной идентичности Казахстана, то их поиск, по нашему мнению, следует вести, с исторической точки зрения, в тех периодах истории нашей страны, которые связаны с колонизацией казахов, советским периодом их истории и периодом независимости.

Наше указание на период колонизации казахов связано с тем, что именно в этот период, точнее, в конце XIX начале XX вв., в казахском этническом сообществе появляются элиты, которые можно определить как националистические. В журналах и газетах «Айкап», «Казах» и других Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакип Дулатов и другие представители ранней казахской интеллигенции протестуют против царской политики отъема земель у казахский скотоводов. Тем самым они не только защищают и представляют интересы казахов, но и вводят в обращение целый ряд национальных символов, вклю-

чая символ-этноним «казах», что способствует формированию национальной идентичности казахов.

Благодаря этой деятельности первых казахских националистов у казахов формируется представление о себе как единой, когерентной общности, национальном сообществе. Формирование представления о себе как о нации стало у казахов результатом национализма. По утверждению французского политолога Оливье Руа национализм у казахов исторически появился раньше, чем у других народов Центральной Азии [13]. Этот национализм зародился и поддерживался как реакция национальной интеллигенции, национальной элиты на колониальную политику царского режима. Как было сказано, в указанный период царский режим проводил политику отъема пастбищных земель у кочевников-скотоводов и других притеснений казахов.

Зародившаяся на основе казахского национализма национальная идентичность стала тем фундаментом, который дал возможность казахам отличать себя от других тюркских народов Центральной Азии, или, как в то время именовался регион, Туркестана. Казахи воспринимали себя именно как казахов, а не туркестанский народ, хотя часть казахов (южных, входивших в Старший жуз) были частью Туркестана. В Туркестане местные элиты стояли на позициях пантюркизма и панисламизма и хотели объединить население региона, состоявшее из разных этнических, культурных и языковых групп, в единую туркестанскую общность [14].

Казахский национализм и возникшая на его основе идентичность стали идейной основой для превращения казахской интеллигенции в политическую партию «Алаш». В своей программе эта партия поставила своей главной задачей образование национальной автономии в составе Российской республики, которая должна была придти на смену империи. Революция в октябре 1917 г. изменила планы партии «Алаш», поскольку ее лидеры не видели казахов в провозглашенном большевиками «пролетарском государстве». Было провозглашено независимое государство Алаш Орда, которое, однако, было быстро подавлено большевистским режимом.

Как и другие советские народы, казахи стали объектом национальной политики коммунистического режима. Эта национальная политика, проводившаяся под лозунгами интернационализма, расцвета и слияния советских наций была фактически направлена на денационализацию, лишение национальной идентичности советских народов. В числе наиболее пострадавших от этой политики народов оказались казахи. Тем не менее, несмотря на насильственную ликвидацию кочевого образа жизни казахов, их принудительную седентаризацию, навязанную русификацию, казахи не потеряли своей национальной идентичности. Не в последнюю очередь это было связано и с тем, что последующие поколения казахской элиты сумели сохранить заложенный ранней казахской интеллигенцией национализм. Они сумели в значительной мере сохранить казахскую культуру и ее символы, вокруг которых формировалась и поддерживалась национальная идентичность.

Очевидно, что поиск национальных символов следует искать на пути научного понимания нации и ее идентичности. Такое понимание возможно с помощью модернистского подхода к изучению нации и идентичности. Нация есть продукт индустриальной эпохи и не могла существовать в другие, более ранние периоды человеческой истории, не говоря уже о древности. Поиск нации и ее символов в древности, на который ориентирует примордиализм, ведет к заблуждениям и ложным выводам.

Тем не менее, примордиалистский поиск корней современных наций в древности остается популярным занятием национальных элит. Поиск того, чего в принципе не может быть, а главное, «находки» и «открытия» в этом поиске не могут, разумеется, обходиться без мифотворчества. Удревнение и возвеличивание национальной истории и нации в таком мифотворчестве тесно между собой связаны. Чем более древней в историческом мифотворчестве элит предстает нация, тем более великой она выглядит в их глазах и этот взгляд должны принять другие нации.

По мнению выдающегося казахстанского историка Нурболата Масанова, «мифологизацию можно рассматривать как

своеобразный способ интерпретации исторических процессов массовым обыденным сознанием, как правило, не способным подняться до научно-обоснованного понимания истории. С другой стороны, мифологизация является для части интеллигенции естественным способом обоснования, часто ложной исключительности и историчности своего этноса, уникальности его истории и культуры» [15].

Мифологическое творчество в сфере исторического сознания является одним из главных инструментов формирования национальной идентичности. С этой точки зрения можно взглянуть и понять мифологизацию истории в современной казахстанской истории. С обретением независимости Казахстана история перестала быть монополией коммунистического государства и его идеологии. Как и в других молодых национальных государствах, история Казахстана стала служить целям идеологии национального строительства, в первую очередь, целям исторического обоснования и легитимации ведущего этноса как движущей силы формирования нации и государства.

Мифологические элементы в казахстанской истории связаны с различными историческими событиями, историческими фигурами, приобретающими символическое значение. Символом удревнения национальной истории Казахстана можно считать древнетюркский Орхонский камень, или стелу Тоньюкука, привезенную из Прибайкалья и помещенную сегодня в холле Евразийского университета им. Л.Н. Гумилева. Интересно отметить, что и сам Лев Николаевич Гумилев стал в современном Казахстане символом его национальной истории, точнее, ее удревнения: многие профессиональные и непрофессиональные историки, приложившие руку к этому виду исторического творчества, были вдохновлены им после прочтения работ Гумилева.

Как считает Нурболат Масанов, труды Л.Н. Гумилева массово востребованы непросвещенным и ставшим до предела наивным и доверчивым обывателем... Он – отец мифологии не с точки зрения методов, а содержания... [16]. В подтверждение своих слов Масанов ссылается на В.А. Шнирельмана, который раскрыл феномен популярности Гумилева: «В конце 1980-х годов из маргинала Гумилев, умело разговаривающий

с человеком с улицы понятным ему языком, превратился «во властителя дум». Его книги стали выпускаться огромными тиражами, его идеи были подхвачены деятелями, связанными с системой образования, и начали входить в школьные учебники, а его «теория этногенеза» постоянно цитируется политиками, так и лидерами этнонациональных движений. Объясняется это просто: объявляя этносы органическими биологическими целостностями, его теория идеально вписывается в парадигму этнического национализма, не только легитимизируя его, но и снабжая паранаучной аргументацией. Поэтому «этническое возрождение» рубежа 1980–1990-х годов с энтузиазмом восприняло многие идеи Гумилева, благо крайняя противоречивость и непоследовательность его построений позволяла любому национализму интерпретировать их в свою пользу. ... Популярная, общеобразовательная и даже научная литература заполнилась столь же малосодержательными, как и привлекательными терминами «суперэтнос», «цивилизация», «пассионарность», «фазы этногенеза», позволявшими любому автору трактовать их, так или иначе, заполняя все информационное пространство все новыми псевдонаучными аргументами [17].

Удревнение национальной истории, спроецированное на сегодняшний день, несет в себе очевидные политические дивиденды для титульной нации. Поскольку удревнение истории связывает титульную нацию с древними народами, обитавшими на территории современного государства, то с его помощью титульная нация «научно», «исторически» обосновывает свои претензии на эту территорию. Иначе говоря, если земля «наша» (ведь на ней жили «наши» предки, но другой вопрос, насколько эти предки являются «нашими»), то и стоящее на этой земле государство тоже «наше».

Как и удревнение, возвеличивание национальной истории имеет очевидную проекцию в настоящее и связанные с ней политические выгоды для титульного этноса. Возвеличивание национальной истории призвано показать нетитульным этносам, в первую очередь русским, что казахи (как и другие титульные нации), оказавшиеся в определенный период своей истории колониальным народом, тем не менее, имеют великую исто-

рию, доказывающую, что они были в прошлом великой нацией. Как носители великой исторической традиции, казахи и сегодня остаются великой нацией, достойной иметь свое национальное государство.

Элиты и национализация истории в Казахстане. Удревнение истории, ее возвеличивание, ревизия истории Казахстана, разработанной в советский период, и другие действия с историей можно рассматривать как процесс ее национализации. В принципе национализация истории имеет место во всех постсоветских странах. Как указывает украинский историк Георгий Касьянов, «целесообразность «своей», «национализированной» истории – в появлении «своей», уникальной нации и соответствующего государства. История представлена как онтологически предопределенное движение к определенной цели – созданию нации и государства. Цель (или следствие) прямо или имплицитно отождествляется с причиной, в результате сама собой появляется идея естественности, природности, органичности нации и национального государства. Последние не могут не возникнуть, посему задача историка – обосновать не факт их присутствия в общей истории человечества, а правильно объяснить факт их отсутствия в определенные периоды этой истории. Соответственно, родовой чертой «национализированной» истории является детерминизм [18].

В национализацию истории Казахстана включены этнические элиты и государство, ставящие своей целью разработать такой вариант истории, который соответствовал бы предлагаемым ими вариантам идентификационных проектов. Речь идет прежде всего о казахской и казахстанской национальной идентичностях.

С точки зрения разработки и использования истории Казахстана как этнокультурного символизма национальной идентичности, подход к ней казахских национал-патриотов может быть охарактеризован следующим образом:

- казахизация истории, смысл которой состоит в том, чтобы показать, что национальная история, наряду с языком, является главным символом казахской идентичности;

- в основе казахизации истории лежит казахская национальная идентичность и казахский этнокультурный символизм, ориентирующие использование предоставляемых историей символов для интерпретации истории Казахстана как истории казахов;

- использование исторических символов для интерпретации истории казахов в направлении ее удревления и возвеличивания истории и нации, имеющие целью укрепить позиции казахской идентичности в качестве национальной идентичности Казахстана;

- антиколониальная направленность выбора исторических символов и интерпретации казахской истории периода вхождения Казахстана в состав Российской империи с целью ее трактовки как притеснения кочевого народа, завоевания и захвата его земель, колониальной эксплуатации, унижения национального достоинства и т. д.;

- с другой стороны, в этом же направлении лежит представление этого исторического периода как национально-освободительной борьбы против российского колониализма с акцентом на восстания и деятельность партии «Алаш»;

- антисоветская направленность выбора исторических символов и интерпретации казахской истории советского периода с акцентом на негативных для казахского народа, его культуры и идентичности сторонах этого периода;

- в то же время представление этого исторического периода в духе национально-освободительной борьбы с акцентом на декабрьские события 1986 г. в Алматы.

Для русских националистов, при отсутствии целостной интерпретации истории Казахстана, большое значение в их отношении к истории Казахстана как этнокультурного символизма формирования национальной идентичности имеют следующие действия и моменты:

- активное сопротивление попыткам национал-патриотов национализировать историю как символ казахской национальной идентичности;

- в основе отношения к истории Казахстана лежит казахстанская идентичность с отстаиванием русско-советских симво-

лов и ее представлением как истории всех народов республики, а не только казахов;

- апологетика вхождения Казахстана в состав Российской империи как периода, имевшего позитивное значение для казахов;

- апологетика советской истории Казахстана как имевшей позитивное модернизационное значение, благодаря которой казахи приобрели свою государственность (в виде союзной республики) и большой роли русских в индустриализации и культурном развитии страны.

Наконец, государство, предлагая свой идентификационный проект всему полиэтническому казахстанскому обществу, а не только отдельным этническим группам, руководствуется в своей политике в отношении к истории как этнокультурному символизму следующими моментами:

- казахизация истории как стержень поддерживаемой государством национальной истории с признанием в ней не только роли казахов, но и других народов Казахстана и потому трактовка истории как символа, наряду с казахским языком, казахстанской идентичности;

- в основе отношения к истории Казахстана лежит казахстанская идентичность и этнокультурный символизм как баланс казахских символов и символов других этносов Казахстана, имеющие целью представить историю страны как историю всех ее народов при ведущей роли истории казахов;

- в рамках казахизации истории признание удревнения истории и ее возвеличивания, но без тех крайностей, что присущи этим тенденциям в казахизации истории, предлагаемой национал-патриотами;

- развитие исторического сознания общества в рамках концепции нового казахстанского патриотизма и Стратегии «Казахстан-2050» как способа и символизма развития всеказахстанской идентичности, направленной на сближение народов Казахстана, а не их разъединение;

- независимость как главный тренд и политический символ истории Казахстана и потому особый акцент на суверенном периоде, начиная с 1991 года по настоящее время;

- Нурсултан Назарбаев как главный национальный и политический символ истории Казахстана в рамках трактовки периода независимости как центрального для понимания всей национальной истории Казахстана как полиэтнического общества.

- Евразийская концепция как способ разрешения казахско-русского противоречия в интерпретации колониального и советского периодов истории Казахстана.

Вариант использования истории в качестве этнокультурного символизма, предлагаемый казахскими национал-патриотами, можно рассматривать как предельно идеологизированный и политизированный. С одной стороны, этот подход способствует росту этнонациональной идентичности казахов, но с другой стороны, содержит в себе конфронтационный потенциал в аспекте антиколониального и антисоветского использования исторических символов. Упрощенное, одностороннее использование истории, с использованием мифологизации существенно ограничивает перспективы национал-патриотического варианта использования исторических символов в становлении и развитии исторического сознания Казахстана.

Русские националисты так же идеологизируют и политизируют историю Казахстана и ее символы, как и казахские националисты. Не предлагая собственной концепции истории Казахстана, они сопротивляются попыткам казахизации истории, предпринимаемой национал-патриотами. Этим русские националисты пытаются отстоять свой взгляд на позитивное влияние России и русских на историческое развитие Казахстана и казахов. Такой подход русских националистов к истории Казахстана нельзя назвать обреченным, но в то же время и перспективным для исторического сознания и национальной идентичности.

Государство в своем отношении к истории Казахстана избегает крайностей идеологизации и политизации, характерной для этнических элит, как казахских, так и русских. В то же время государство осознает тот идеологический и политический потенциал, в том числе идентификационный потенциал, который содержит история. В этом смысле государство при-

бегают к истории и ее символам с целью утверждения общей казахстанской идентичности.

В Стратегии «Казахстан-2050» Президент РК Н.А. Назарбаев заявил: «Нам нужно продолжить работу по формированию исторического сознания нации» [19]. В выступлении на XX сессии Ассамблеи народа Казахстана в апреле 2013 г. он еще раз подтвердил эту мысль: «Нам необходимо общенациональное историческое сознание. Наше восприятие истории должно быть цельным, позитивным и объединять общество, а не разделять» [20].

Работа по формированию исторического сознания нации является важной частью нового казахстанского патриотизма, на необходимость формирования которого глава государства указал в Стратегии «Казахстан-2050». Основой исторического сознания, его стержнем является, как указал Нурсултан Назарбаев, всеказахстанская идентичность. В то же время, само историческое сознание нации направлено на формирование национальной идентичности Казахстана. Поэтому смежными для исторического сознания понятиями в Стратегии «Казахстан-2050» являются «объединяющее ядро нации», «новый казахстанский патриотизм», «всеказахстанская идентичность», «одна страна – один народ», «равноправный гражданин Казахстана», «генетический код нации», «казахский язык – консолидатор народа Казахстана» и другие [21].

В истории, историческом сознании представлен не только взгляд в прошлое, но также в настоящее и будущее нации. Вот почему историческое сознание имеет столь большое значение в формировании нации и национальной идентичности Казахстана. Об этом в своем выступлении на XX сессии АНК ее председатель, Президент Н. Назарбаев сказал: «Чтобы поднять на должную высоту национальный дух, надо четко осознать, какова наша реальная история, культура, религия» [22].

В современном демократическом обществе формирование исторического сознания как важного компонента национальной идентичности является противоречивым и даже конкурентным процессом, отражающим идеологический плюрализм в обществе. Различные элиты предлагают этносоциальным группам, от лица которых они выступают, свои

идентификационные проекты, составной частью которых становится определенное видение истории этноса и межэтнических отношений в обществе.

В условиях идеологического плюрализма в современном Казахстане появляются политические силы, предлагающие свои варианты исторического сознания, основанные на определенном понимании и видении истории тех этносов, которые они берутся защищать и представлять. Это те силы, которые, по словам Нурсултана Назарбаева, «пытаются вбить клин в межэтническое согласие нации» [23]. Они ищут в истории Казахстана то, что задевает тот этнос, от лица которого они выступают, то есть выставляет этнос как приниженный и задавленный другим этносом. В результате появляется модель исторического сознания, которая объективно разделяет общество на отдельные этнические группы, а не сплачивает их. Само общество оказывается втянутым в исторические дискуссии и споры, в основе которых лежит различное видение роли и места этносов в истории Казахстана. В последнее время предметом дискуссий и споров стали дореволюционный и советский периоды истории Казахстана. Такая же картина наблюдается и в других постсоветских государствах. В некоторых из них исторические конфликты привели к реальным этническим конфликтам с применением насилия.

Осознавая это, Лидер нации предлагает формировать историческое сознание на основе концепции нового казахстанского патриотизма. «Историческое сознание казахстанцев должно работать на сплочение, на формирование патриотического отношения к своему прошлому, настоящему и будущему» [24]. Это означает, что в историческом прошлом следует искать не конфликты и обиды, а примеры согласия и сотрудничества. Не случайны поэтому слова Президента Казахстана о том, что «всеказахстанская идентичность должна стать стержнем исторического сознания нашего народа» [25]. Иначе говоря, историческое сознание должно стать важным инструментом формирования гражданской нации как надэтнического сообщества граждан Казахстана вне зависимости от их этнической и иной принадлежности.

Объединяющим ядром гражданской нации в Казахстане должны стать, как четко заявил Нурсултан Назарбаев, казахский народ и государственный язык. Следовательно, история казахов должно стать основой исторического сознания нации в Казахстане. Об этом сказал на XX сессии АНК глава государства: «Казахский народ выступает как мощное историческое ядро национально-государственной общности всех этнических, социальных групп Казахстана» [26]. Поэтому «национальная история казахов, их этногенез должны рассматриваться как единый неразрывный процесс на протяжении тысячелетий. В этом контексте современный Казахстан закономерно представит одним из ключевых исконных наследников великих степных цивилизаций. Как я уже заметил: Казахстан никогда не был в изоляции. Поэтому в истории как учебной дисциплине должны быть достойно отражены процессы культурного и экономического взаимодействия казахов и других народов, вклад различных этносов в историю страны» [27].

В Стратегии «Казахстан-2050» ее автор, Президент РК Н.А. Назарбаев предлагает формировать историческое сознание нации как гражданское, а не этнокультурное общественное сознание, ядром которого является история казахского народа. При этом история Казахстана предстает не как история одних казахов. «Мы знаем, – заявил он на XX сессии АНК, – что казахский мир исторически никогда не был узко моноэтническим и монокультурным. Мы никогда не развивались в стороне от мирового цивилизационного процесса! Более того – наши предки сами формировали этот мировой процесс!» [28]. Поэтому историческое сознание должно представлять историю Казахстана как процесс межэтнического и межкультурного взаимодействия казахов с другими народами на этой земле.

В таком понимании исторического сознания важное место принадлежит концепции евразийства. На это обратил внимание в этом же выступлении перед собранными в Ассамблее представителями этнокультурных объединений Казахстана его президент. «Следует подчеркнуть, что со всеми этническими группами, живущими в Казахстане, мы – в масштабах Евразии – насчитываем не один век совместного проживания. Наши

предки показали миру вдохновляющие образцы культуры и духовности – нам предстоит продолжить их дело! Современные казахи, следуя традициям предков, должны показать пример единства, толерантности и патриотизма» [29].

Таким образом, понятие исторического сознания, давая обществу картину исторического развития Казахстана, имеет большое значение для нового казахстанского патриотизма, формирования гражданской национальной идентичности страны, или всеказахстанской идентичности. В этом качестве историческое сознание должно объединять народы Казахстана, а не разъединять их. История Казахстана является арсеналом символов для утверждения не только культурной идентичности, но и гражданской идентичности. Этим в полной мере пользуется государство, что делает его подход наиболее перспективным.

Литература

1 *Anderson Benedict*. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London and New York: Verso, 1991. – P. 67–82.

2 *Fishman J.A.* Language and Nationalism. Two Integrative Essays. – Rowley, MA: Newbury House Publishers, 1972. – P. 44.

3 *Fishman J.A.* Language and Nationalism. Two Integrative Essays. – P. 14.

4 *Ibid.* – P. 15.

5 *Касьянов Г.* «Национализация» истории в Украине. – В кн.: Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Десять лет спустя/ Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – С. 117.

6 Каждому народу по Атгиле! Казахи и кыргызы борются за право считаться потомками великого гунна // Московский комсомолец в Казахстане, 28.03.2013.

7 Там же.

8 Там же.

9 *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – С. 6.

10 Там же. – С. 114.

- 11 Там же. – С. 23.
- 12 Там же. – С. 104.
- 13 *Olivier Roy*. The New Central Asia: The Creation of Nations. – New York: New York University Press, 2000. –Р. 30.
- 14 *Adeeb Khalid*. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. – Berkeley: University of California Press, 1998. – Р. 68.
- 15 *Масанов Н.Э.* Мифологизация проблем этногенеза казахского народа и казахской номадной культуры. – В кн.: Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 52.
- 16 Там же. – С. 55.
- 17 Цит. по: *Масанов Н.Э.* Мифологизация проблем этногенеза казахского народа и казахской номадной культуры. – В кн.: Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 55.
- 18 *Касьянов Г.* «Национализация» истории в Украине. – С. 124.
- 19 Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана – Алматы: ЮРИСТ, 2013. – 48 с.
- 20 *Назарбаев Н.А.* «Казахстан-2050»: один народ – одна страна – одна судьба // Казахстанская правда, 25.04.2013.
- 21 Стратегия «Казахстан-2050».
- 22 *Назарбаев Н.А.* «Казахстан-2050»: один народ – одна страна – одна судьба.
- 23 Стратегия «Казахстан-2050».
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 *Назарбаев Н.А.* «Казахстан-2050»: один народ – одна страна – одна судьба.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 Там же.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Официальные документы

Конституция Республики Казахстан. Официальное издание. – Алматы: Казахстан, 2007.

Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана – Алматы: ЮРИСТ, 2013.

Конституционный закон «О государственных символах Республики Казахстан» от 4 июня 2007 г., №258 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан // www.akorda.kz/ru/category/about_symbols

Назарбаев Н.А. Идеиная консолидация общества – как условие прогресса Казахстана. – Алматы: Казахстан, 1993.

Назарбаев Н.А. За мир и согласие в нашем общем доме. – Алматы: Казахстан, 1995.

Назарбаев Н.А. «Казахстан-2050»: один народ – одна страна – одна судьба // Казахстанская правда, 25.04.2013.

Концепция формирования государственной идентичности Республики Казахстан. – Алматы: Казахстан, 1996.

Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан. – Алматы, 1996.

О государственных символах. Официальный сайт Президента Республики Казахстан // www.akorda.kz/ru/category/about_symbols

Статьи и книги на казахском и русском языках

Абай. Қара сөз. Алматы, 2009.

Абдығалиев Б. Государственная идентичность казахстанцев // Мысль, № 7, 1996. – С. 30–33.

Бектурганов Н., Абдакимов А. Государственные символы Республики Казахстан. – Караганда, 1996.

Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.

Дюркгейм Э. Разделение общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991.

Ешпанова Д.Д., Кадыржанов Р.К. Государственные символы и национальная идентичность Казахстана // Аль-Фараби, № 2 (46), 2014. – С. 98–106.

Кадыржанов Р.К. Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы – Алматы: Институт философии и политологии МН и ВО РК, 1999.

Кадыржанов Р.К. Казахи? Или казахстанцы? – В кн.: Зарема Шаукенова, Юрий Кириница. Философская гостиная (к 55-летию Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК). – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2013. – 218 с. – С. 76–95.

Кадыржанов Р.К. Социально-политические проблемы казахского языка и этнокультурный символизм Казахстана. – В журнале «Адам алами», № 2 (56), 2013. – С. 53–62.

Кадыржанов Р.К. Проблемы изучения национальной идентичности Казахстана. – В журнале «Аль-Фараби», № 3 (43), 2013. – С. 68–77.

Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и исследование национальной идентичности Казахстана. – В кн.: Философия в современном мире: стратегии развития. Материалы 1 Казахстанского философского Конгресса (Алматы, 27–28 сентября 2013 г.). – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. – 818 с. С. 336–342.

Кадыржанов Р.К. Исчезнет язык, исчезнет и нация // Газета «Мегаполис». – №1. – 2013, 14 января. – С. 14.

Казахский орнамент // www.bilu.kz

Казахстанская политическая элита пытается «развернуть» общественное сознание от России – М. Крамаренко // www.bekzat.kz последнее обновление 24.03.2013.

Казбекова Н.А. Джадидизм и народное образование в конце XIX – начале XX веков // Вестник КарГУ, № 2.

Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине. – В кн.: Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Десять лет спустя/ Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010.

Куан Т. Каждому народу по Аттиле! Казахи и кыргызы борются за право считаться потомками великого гунна // Московский комсомолец в Казахстане, 28.03.2013.

Масанов Н.Э. Мифологизация проблем этногенеза казахского народа и казахской номадной культуры. – В кн.: Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

Мынбай Д. Культура и информация – мощный фактор инновационного развития // Казахстанская правда, 03.05.2012.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Десять лет спустя/ Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010.

Общенациональная идея Казахстана: опыт философско-политологического анализа. – Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2006.

Олкотт Марта Брилл. Казахстан: непройденный путь / Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2003.

По следам законопроекта Минкульта РК о «казахизации»... Происходит «моральное избиение» людей, не знающих госязыка // Сайт «Русские в Казахстане». www.RussiansKz.Info. Последнее обновление 10.08.2011.

Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004.

Шайкемелев М.С. Казахская идентичность – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013.

Эйзенштадт С.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Aspect Press, 1999.

Книги и статьи на английском языке

Akiner S. The Formation of Kazakh Identity: from tribe to Nation-State. – London: The Royal Institute of International Affairs, 1995.

Anderson Benedict. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London and New York: Verso, 1991.

Barth F. Introduction. – In: Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference / Ed. By F. Barth. Bergen; Oslo; London, 1969.

Bhikhu Parekh. A New Politics of Identity. Political Principles for an Independent World. – London: Palgrave Macmillan, 2008.

Blommaert J. Language Policy and National Identity. – In: Ricento, T. Introduction to Language Policy: Theory and Method. – New York: Wiley-Blackwell, 2008.

Bloom W. Personal Identity, National Identity and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Brass P. R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. – New Delhi, Newbury Park, London: Sage Publications, 1991.

Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Cohen A.P. The Symbolic Construction of Community – London and New York: Routledge, 1985.

Conversi D. Mapping the Field: Theories of Nationalism and the Ethnosymbolism Approach. In: Leoussi A.S., Grosby S. (eds.) Nationalism and Ethnosymbolism: History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – P. 15–30.

Cummings S. Kazakhstan: Power and the Elite. – London: I.B.Tauris, 2005.

Dave B. Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power. – London and New York: Routledge, 2007.

Fierman W. 'Language and identity in Kazakhstan: Formulations in policy documents 1987-1997', Communist and Post-Communist Studies, vol. 31, №2, 1998. – P. 171–186.

Fierman W. Changing Urban Demography and the Prospects of Nationalism in Kazakhstan // Canadian Review of Studies in Nationalism. Vol. XXVII (2000). – P. 7–20.

Fishman J.A. Language and Nationalism. Two Integrative Essays. – Rowley, MA: Newbury House Publishers, 1972.

Hale H. (2009) 'Cause without a Rebel: Kazakhstan's Unionist Nationalism in the USSR and CIS' // Nationalities Papers, Vol. 37, No.1, January 2009. – P. 1–32.

Haugen E. Dialect, Language, Nation // American Anthropologist. Vol. 68, 1966. – P. 922–935.

Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley: University of California Press, 1985.

Kadyrzhanov R. 'The ruling elite of Kazakhstan in the transition period', in V. Shlapentokh, C. Vanderpool and B. Doktorov (eds.), The New Elite in Post-Communist Eastern Europe – College Station, TX: A and M University Press, 1999.

Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. – Berkeley: University of California Press, 1998.

Kolsto P. (ed.) Nation-building and Ethnic Integration in Post-soviet Societies: An Investigation of Latvia and Kazakhstan. Boulder, CO. 1999

Kreindler I.T. (ed.) Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present, Future (Berlin, 1985).

Kreindler I.T. Nikolai Il'minskii and language planning in nineteenth century Russia // International Journal of the Sociology of Language, vol. 22, 1979. – P. 5–26.

Laitin David D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. – Ithaca and London, 1998.

Leoussi A.S. National symbols: ethnicity and historical continuity in post-communist 'New Europe'. In: Leoussi A.S., Grosby S. (eds.) Nationalism and Ethnosymbolism: History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – P. 161–185.

Leoussi A.S., Grosby S. (eds.) Nationalism and Ethnosymbolism: History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.

Masanov N., Karin Y., Chebotarev A. and N. Oka (eds.) The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan. Chiba (Japan), 2000.

Olcott M.B. The Politics of Language Reform in Kazakhstan. In: Isabelle T. Kreindler (ed.) *Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present, Future* (Berlin, 1985).

Olcott M.B. *The Kazakhs*. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Ricento T. *Introduction to Language Policy: Theory and Method*. – New York: Wiley-Blackwell, 2008.

Roy O. *The New Central Asia: The Creation of Nations*. – New York: New York University Press, 2000.

Seton-Watson H. *Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Boulder: Lynne Rienner, 1977.

Silver B. *Language Policy and the Linguistic Russification of Soviet Nationalities*. In: Jeremy Azrael (ed.) *Soviet Nationality Policies and Practices* (New York, 1978).

Smith A.D. *National Identity*. – Reno: University of Nevada Press, 1991.

Smith A. D. *Nations and Nationalism in a Global Era*. – Malden, MA: Polity Press, 1995.

Smith A.D. *Myths and Memories of the Nation*. – New York: Oxford University Press, 1999.

Smith A.D. *The Nation in History: Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism. The Menahem Stern Jerusalem Lectures*. – Hanover, NH: University Press of New England, 2000.

Smith A.D. *Nationalism: Theory, Ideology, History* – Cambridge, UK and Malden, USA: Polity Press, 2001.

Schatz E. *Modern Clan Politics: the Power of 'Blood' in Kazakhstan and Beyond* – Seattle, WA: University of Washington Press, 2004.

Weber E. *Peasants into Frenchmen*. Stanford: Stanford University Press, 1976.

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану
институты туралы мәлімет

Институт 1999 жылдың ақпан айында 1958 жылы ашылған Философия және құқық институтының және 1991 жылғы Философия институтының негізінде құрылды. Ол 2012 жылдың мамыр айында ҚР Үкіметінің қаулысымен Философия, саясаттану және дінтану институты болып қайта аталды.

Институттың мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекеме ретіндегі негізгі міндеттері қазіргі қазақстандық қоғамның зияткерлік және рухани-адамгершілік әлеуетін дамытуға бағытталған философиялық-дүниетанымдық, философиялық-әдіснамалық, саясаттанулық, дінтанулық және әлеуметтанулық зерттеулер жүргізу болып табылады.

Бүгінде Философия, саясаттану және дінтану институты жоғары кәсіби ғылыми-зерттеу орталығы болып табылады. Институт оның құрылымын айқындайтын үш басты бағыт бойынша жұмыс істейді: философия, саясаттану және дінтану. Онда ҚР ҰҒА 1 академигі, 2 корреспондент мүшесі, 21 ғылым докторы, 12 ғылым кандидаты, 3 PhD докторы, 13 PhD докторанты және 7 магистрант ғылыми-зерттеу жұмыстарымен айналысады. Олардың ішінде 5 PhD докторант және 6 магистрант 2014 жылы «Ғылым Ордасының» базасында ҚР БҒМ ҒК ҒЗИ-нің әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-мен бірігіп жүргізетін ғылым мен білімнің интеграциясы жобасы шеңберінде магистратура мен докторантураға оқуға түсті.

Институт 2012–2014 жылдарға арналған «Елдің зияткерлік әлеуеті» басым бағыты бойынша гранттық қаржыландыру шеңберінде 24 ғылыми-зерттеу жобасын орындайды. «Ғылыми қазына» салааралық ғылыми бағдарламасы аясында зерттеу жұмыстарын және 2013–2015 жылдарға арналған «Қазақстан-2050» Стратегиясын ғылыми ілеспелеу бойынша Тақырыптық жоспар аясында зерттеулер жүргізеді.

Институт қызметкерлері саясат, ғылым, білім беру, мәдениет, дін, қазақ және әлемдік философия мәселелері бойынша монографиялар мен ғылыми мақалалар жариялайды. Институт қызметкерлерінің ғылыми жарияланымдары таяу және алыс шетелдердің ғылыми рейтингтік басылымдарында сұранысқа ие.

Институт «Мәдени мұра» бағдарламасының шеңберінде «Шығыс Аристотелі» – әл-Фарабидің шығармалар жинағын (10 том), «Әлемдік философиялық мұраны» (20 том), «Қазақ халқының философиялық мұрасын» (20 том) шығарды.

Институт ҚР БҒМ Білім және ғылым саласындағы бақылау комитеті ұсынған екі журнал шығарады: «Адам әлемі» (1999 жылдан бері) және «Әл-Фараби» (2003 жылдан бері). Қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі Институттың өз сайты бар.

Институт үнемі халықаралық ғылыми конференциялар, дөңгелек үстелдер, семинарлар, пікірталас алаңдарын өткізіп тұрады. Бұл іс-шараларға қазақстандық және шетелдік ғалымдар қатысады. Институт Ресейдің, Беларусьтің, Әзірбайжанның, Қырғызстанның, Қытайдың, Германияның, АҚШ-ның, Түркияның, Иранның, Өзбекстанның, Тәжікстанның және басқа да елдердің ғылыми-зерттеу орталықтарымен тығыз ынтымақтастық орнатқан.

Философия, саясаттану және дінтану институтының базасында әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Абай атындағы ҚазҰПУ, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӨТУ, ХБА және т.б. жетекші қазақстандық жоғары оқу орындарының магистранттары мен PhD докторанттары тағылымдама мен зерттеу тәжірибесін өткізеді.

Институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми тұрғыда өсуі үшін барлық қажетті жағдайлар жасалған.

Философия, саясаттану және дінтану институты туралы анағұрлым кең ақпаратты мына мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010,
Алматы қаласы, Құрманғазы көшесі, 29 (3 қабат)
Тел.: +7 (727) 272-59-10
Факс: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
<http://www.iph.kz>

**Информация об Институте философии,
политологии и религиоведения Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан**

Институт был образован в феврале 1999 г. на базе созданного в 1958 г. Института философии и права, преобразованного в 1991 г. в Институт философии. В мае 2012 г. постановлением Правительства он был переименован в Институт философии, политологии и религиоведения.

Основной задачей Института как государственного научно-исследовательского учреждения является проведение философско-мировоззренческих, философско-методологических, политологических, религиоведческих и социологических исследований, направленных на развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала современного казахстанского общества.

Сегодня Институт философии, политологии и религиоведения является высокопрофессиональным научно-исследовательским центром. Институт работает по трем ключевым направлениям, определяющим его структуру: философия, политология и религиоведение. Здесь проводят научные исследования 1 академик, 2 члена-корреспондента НАН РК, 21 доктор и 12 кандидатов наук, 3 доктора PhD, 13 докторантов PhD и 7 магистрантов. Из них 5 докторантов PhD и 6 магистрантов в 2014 г. поступили в магистратуру и докторантуру PhD НИИ КН МОН РК совместно с КазНУ им. аль-Фараби на базе «Ғылым ордасы» в рамках проекта интеграции науки и образования.

В Институте на 2012–2014 годы по приоритету «Интеллектуальный потенциал страны» выполняется 24 НИПа в рамках грантового финансирования, ведется работа в рамках междисциплинарной научной программы «Ғылыми қазына», проводятся исследования в рамках Тематического плана по научному сопровождению Стратегии «Казахстан-2050» на 2013–2015 годы.

Сотрудниками издаются монографии и научные статьи по вопросам политики, науки, образования, культуры, религии, казахской и мировой философии. Научные публикации сотрудников Института востребованы в научных рейтинговых изданиях ближнего и дальнего зарубежья.

В рамках программы «Культурное наследие» Институтом изданы собрание сочинений «Аристотеля Востока» – аль-Фараби (10 томов), «Мировое философское наследие» (20 томов), а также «Философское наследие казахского народа» (20 томов).

Издаются два журнала: «Адам әлемі» (с 1999 г.) и «Аль-Фараби» (с 2003 г.), рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК. Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

Институт регулярно проводит международные научные конференции, круглые столы, семинары, дискуссионные площадки, в которых принимают участие казахстанские и зарубежные ученые. Институт тесно сотрудничает с крупнейшими научно-исследовательскими центрами России, Белоруссии, Азербайджана, Кыргызстана, Китая, Германии, США, Турции, Ирана, Узбекистана, Таджикистана и других стран.

На базе Института философии, политологии и религиоведения проходят стажировку и исследовательскую практику магистранты и докторанты PhD ведущих казахстанских высших учебных заведений, таких, как КазНУ им. аль-Фараби, КазНПУ им. Абая, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, МАБ и др.

В Институте созданы все необходимые условия для профессиональной работы и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию об Институте философии, политологии и религиоведения можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010
Алматы, ул. Курмангазы, 29 (3 этаж)
Тел.: +7 (727) 272-59-10
Факс: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
<http://www.iph.kz>

Information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

The Institute was established in February 1999 on the base of established in 1958 the Institute for Philosophy and Law, and the Institute for Philosophy in 1991. By the Decree of Kazakhstan Government in 31 May, 2012, Institute was renamed to Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The main objectives of the Institute as a public research institution are conducting of philosophical world outlook, philosophical-methodological, political studies, religion studies and sociological studies aimed at social-cultural and social-political development and strengthening the independence of Republic of Kazakhstan, development its intellectual and spiritual-moral potential.

Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies is a highly skilled scientific research center. Institute has a three key directions that define its structure: philosophy, political science and religion studies. Currently, scientific research works is conducted by 1 Academician, 2 Correspondent Member of the National Academy of Science of RK, 21 Doctors of Science, 12 Candidates of Science, 3 PhD doctor in Political Science, 13 PhD Students and 7 Master Students. In 2014 5 PhD students and 6 Master's students enrolled in master's and doctoral PhD training programs of SRI CS MES RK in cooperation with the al-Farabi Kazakh National University on the basis of the «Gylym Ordasy» within the frameworks of science and education integration project. 24 scientific-research projects within the framework of grant financing for 2012–2014 years on priority of «Intellectual potential of the country» are being conducted, also the works within the framework of interdisciplinary scientific research program «Gylymi kazyna» are being carried out in the Thematic Plan on scientific support of the Strategy «Kazakhstan-2050» for 2013–2015.

Institute employees publish the monographies and articles on important issues of politics, science, education, religion, culture, Kazakh and world philosophy, etc. The quality of scientific publications of the Institute is determined by the demand for scientific articles in rating' journals of near and far abroad.

Under the «Cultural Heritage» State Program ten-volume collection of works called «Aristotle of the East» – al-Farabi, twenty volumes «World philosophical heritage», twenty volumes «The Philosophical Heritage of the Kazakh nation», and other books were published by the Institute.

Institute publishes two magazines: «Adam alemi» and «Al-Farabi» recommended by the Committee for Control of Education and Science of RK

that been published since 1999 and 2003. The Institute has its own website in three languages: Kazakh, Russian and English.

Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies science regularly organizes international scientific conferences, seminars, round tables, where not only leading Kazakhstani political scientists and philosophers, but also many scientists from foreign countries are participants. Institute has cooperation with scientific-research centers of Russia, China, Germany, USA, Turkey, France, Great Britain, Iran, Azerbaijan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Belarus and others.

Undergraduate Master's degree and Doctorate students from leading Kazakh universities, such Al-Farabi KazNU, Abai KazNPU, Abylaikhan KazUIR&WL, IAB and others are conducting their research work and are trained at the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The Institute has created all necessary conditions for professional and scientific development of employees.

More detailed information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies can be found at:

Republic of Kazakhstan, 050010
Almaty, Kurmangazy Street, 29 (3rd floor)
Phone: +7 (727) 272-59-10
Fax: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
<http://www.iph.kz>

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Рустем Казахбаевич Кадыржанов

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛИЗМ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
КАЗАХСТАНА**

При оформлении обложки использован интернет-ресурс

Книга опубликована в авторской редакций

Компьютерный дизайн и верстка *Л.Н. Токтарбекова*

Подписано в печать 06.11.2014. Формат 70/100^{1/16}
Усл. п.л. 10,5. Тираж 500. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии «ИП Волков А.И.»
г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1, оф. 319.
Тел.: 330-03-12, 330-03-13